

ЮРИЙ ШАЛЫГАНОВ

Проект Россия. Книга 4. Большая идея

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

ГЛИНЯНЫЕ НОГИ

ГЛАВА 1

Гусеница

Характерный признак жизни — стремление к благу. Самая простая клетка, оказавшись между благоприятной и неблагоприятной средой, будет стремиться в меру своих сил в сторону блага. Мертвая материя, в отличие от живой, ни к какому благу не стремится, все решает случай.

Человек — высшее проявление жизни, и потому его стремление к лучшему — самое сильное. Это стремление есть двигатель прогресса. Постоянное движение означает постоянное накопление новшеств. Когда количество достигает критической массы, включается закон перехода количества в качество. Возникает новое, в котором есть принципиально новые свойства, изначально не присутствовавшие. Это новое тоже не стоит на месте, оно тоже меняется, пока снова не накопится критическая масса новшеств.

Принцип перехода количества в качество хорошо заметен на изучении иностранного языка. Сначала запоминаешь первичную информацию, и когда она достигает критического объема, возникает переход на новый уровень. Ты уже не просто слова запоминаешь, ты мысли понимаешь.

Если нежнейший пух без остановки кидать в глубокую пропасть, пройдет время, и нижние пушинки окажутся под прессом верхних пушинок весом в миллионы тонн. Возникнут новые условия, которые превратят нижние пушинки во что-то принципиально иное. Нежность сменится гранитной прочностью.

Социальные процессы есть результат человеческой деятельности, то есть результат стремления к лучшему. Постоянное стремление означает постоянное накопление критической массы новшеств. Подобно гусенице, однажды общество совершает фазовый скачок: в пике своего развития окукливается, и на следующем этапе становится бабочкой.

С одной стороны, новая реальность порождена предыдущей. С другой стороны, она не похожа на нее в той же мере, в какой алмаз не похож на папоротник, из которого в свое время получился уголь, трансформировавшийся в алмаз.

С этой позиции смотрим на человеческое общество. Оно состоит из индивидов, по своей природе не способных не стремиться к благу. Ничто не стремится к благу с таким чудовищным упорством, как человек. Человек — самая прожигающая энергия и одновременно самое труднопроходимое препятствие. Покорить любую гору или реку — вопрос времени и усилий. Покорить народ зачастую невозможно никакими усилиями.

В своем стремлении к благу первобытный человек сделал из палки инструмент. С одной стороны, обычая палка. С другой стороны, палка-копалка. В ней появилась иная суть, какой нет в иных палках. Палка в руке — уже не палка, а плуг в зачаточном состоянии.

Примитивные инструменты совершенствовались (копили в себе новшества). Когда они достигли критического объема, начался переход количества в качество. Первобытный строй трансформировался в рабовладельческий.

Стремление к лучшему продолжалось. За счет уже имеющейся базы накопление следующей порции новшеств убыстрилось. Вскоре рабовладение трансформировалось в феодальную систему. Следующий шаг: феодализм преобразуется в капитализм. Но так как стремление к благу сохраняется, новшества растут. Однажды они снова скапливаются в критическую массу, и начинается новый фазовый скачок. И так бесконечно, пока жив человек, ибо он всегда будет стремиться к лучшему.

Мир сравним с живым организмом, упакованным в одежду, образуемую единой системой культурного, социального, политического и прочих укладов. На первом этапе развития одежда помогает организму — защищает его, согревает и прочее. На втором этапе организм перерастает старую одежду. Она становится тесной, трещит по швам и рвется. В рваной одежде организм вроде бы свободен в движениях, его ничто не сковывает. Но возникает неприемлемый дискомфорт: телу холодно и неудобно. Социальному телу (обществу) становится дискомфортно от анархии, возникающей при сломе предыдущего порядка.

Убегая от дискомфорта, организм шьет себе новую одежду, соответствующую новой форме и размеру. Но проходит время, и все повторяется: организм снова перерастает свою одежду и она снова трещит по швам и рвется. И опять период анархии/дискомфорта, после которого шьется новая одежда.

Весь этот процесс подробно и убедительно описан отчасти у Гегеля, отчасти у Маркса. Но, по непонятным для нас причинам, оба мыслителя вдруг перестали следовать собственным выводам. Ни с того ни с сего они сделали глупейшее заявление об остановке процесса — конце истории. Суть концепции: система по достижению определенного состояния прекратит

развитие и застынет. Гегель видел концом истории модель прусской монархии, Маркс — коммунизм. Круг станет таким идеально круглым, что круглее некуда. На этом человеческая история остановится.

Мыслители каждой эпохи склонны понимать время, в котором живут, концом развития. Люди считают, мол, раньше развитие несло системе принципиальные изменения, а вот в наше время такого не будет. Подобное мнение о конце истории не просто беспочвенно, оно внутреннее противоречиво.

Чтобы наступил конец истории, новшества должны перестать копиться. Для этого человек должен прекратить стремиться к благу. Людям должно стать все равно, куда выходить — в окно или дверь. Но поскольку это нереально, то и накопление не может остановиться. Оно может идти медленно, зигзагообразно и хаотично, но не может не идти.

Пока есть жизнь, рыба ищет, где глубже, человек — где лучше, что означает постоянное развитие и изменение. Следовательно, пока есть живой человек, у человеческой истории не может быть конца даже в теории.

Еще большая глупость: люди признают развитие, образно говоря, вширь, но не ввысь. С одной стороны, мыслители утверждают — развитие продолжится. С другой стороны, — новшества чудесным образом не скопятся в критическую массу. Просто будут прибавляться, но масса никогда не достигнет критического порога, за которым последует фазовый переход. Это примерно как гусеница будет постоянно расти, оставаясь гусеницей, похожей на питона, но не превратится в бабочку.

Единственное объяснение такому странному утверждению: люди не могут выйти за пределы своей эпохи. В эпоху деревянных кораблей фантасты не могли помыслить железные корабли. Это противоречило здравому смыслу. Как можно... железо не плавает... Подобные установки не позволяли даже мечтать в этом направлении. Фантасты прошлого рисовали в будущем те же деревянные корабли, но большего размера. Или воздушные корабли с пропеллерами на мачтах. За формы своей эпохи они не могли выйти даже в фантазиях.

Мыслители в первую очередь люди и потому мыслят в рамках своей эпохи. Если бы закон перехода количества в качество был открыт в эпоху рабовладения, мыслители того времени назначили бы «концом истории» рабовладение. Они бы сказали — система перешла из первобытного хаотичного состояния в новое идеальное и гармоничное, где теперь будет пребывать вечно, совершенствуясь вширь, но не меняясь принципиально, вглубь.

Гегель и Маркс, при всей глобальности и гениальности, мыслили в рамках «деревянных кораблей». Но если даже представить: Маркса осенило, он увидел, в

будущем появятся компьютеры, несущие миру такие изменения, каких даже сегодня толком помыслить нельзя... Маркс пришел бы в смятение.

Попытайся он объяснить современникам свое прозрение, его бы не мыслителем посчитали, а сумасшедшим бородачом, говорящим о непонятных фантастических вещах, не имеющих основания ни в религии, ни в науке того времени.

Чтобы увидеть будущее, нужно выйти за привычные шаблоны, то есть стать выше своей эпохи на две головы. Но есть проблема: кто выше на две головы, того никто из современников не услышит. Большинство способно принять мысль при условии, что она на полголовы превышает привычные установки. Достаточно много людей может понять мысль, на голову превосходящую привычное. Они найдут ее гениальной (но для большинства она будет безумной). Единицы способны увидеть мысль, которая выше эпохи на две головы. Они кажутся сумасшедшими, но именно они задают направление.

ГЛАВА 2

Крик

Несложно заметить: чем более развита эпоха, тем жестче переход на другой уровень. Мы живем в самую развитую эпоху. Следовательно, переход будет самым кровавым за всю историю. Нет оснований утверждать, что все как-нибудь обойдется. Напротив, есть причины полагать обратное. Оперировав историческими мерками, «Титаник» по имени «человечество» от смерти отделяют даже не секунды, а мгновения. Далее слом, хаос и кровавая баня.

Сегодня мир застыл в ожидании второй волны экономического кризиса. Никто на планете не понимает природы происходящего. Мы наблюдаем видимое проявление невидимой болезни. На форуме в Давосе мировые светила экономики заявили — корни кризиса лежат за границами экономики и носят не экономический характер.

Но что представляют собой эти причины? Никто не знает. Но тогда получается, нельзя назначить правильное «лечение». Не факт, что благие намерения, заставляющие «лечить» как умеем, большее благо, чем отказ от лечения и исследование причины.

Когда не были известны причины чумы, люди, движимые благими намерениями, как могли, помогали больным, ухаживали за ними, утешали. Но заодно сами становились разносчиками болезни. Современные правители действуют методом тыка с обоснованием: «Чего тут думать, прыгать надо». Нет слов, метод проверенный, но практика

показывает: многие больные не доживут до того дня, когда будет найдено верное решение. Чума целые государства выкашивала. А нынешний кризис страшнее чумы.

Ситуация усложняется, если вы в одной палате с больным, который кричит от боли. Не обращать внимания на крик не получится. Будь он в другом месте, можно было бы не думать о его проблемах, как никто не думает голодающих в Африке. Но так как больной кричит не в Африке, а у вас над ухом, жить в такой атмосфере и не реагировать на нее невозможно.

Единственный выход — колоть обезболивающее. Пока больной затих, врачи должны лихорадочно искать причину болезни. Параллельно соображать, что делать в период поиска. Например, что говорить людям. Сказать — болезнь неизвестная, значит вызвать панику. Сказать — все понятно, умники попросят объяснить и доказать, что понятно. И тут же выведут на чистую воду. Поэтому самым верным посчитали говорить: мол, лекарство найдено (выдавая обезболивающее за лекарство) и больной идет на поправку (выдавая забытие за признаки выздоровления), но от деталей уходить.

Аналогия с неизвестной болезнью очень точно передает состояние мировой системы. Все думающие люди в курсе: система болеет, но не понимают причин. Что раньше помогало, теперь не работает. Больной «кричит»: то есть социальное напряжение растет, показатели экономики падают. «Врачам» ничего не остается кроме как давать ему обезболивающее. Все большую и большую дозу.

Муки «тела» снимаются включением печатного станка (экономику в прямом смысле заливают деньгами) и комплексом частных решений типа активации потребительской активности внутри страны, увеличения пенсионного возраста, свертывания социальных программ и прочее. Печатание денежной массы приносит некоторое облегчение и в итоге иллюзию выздоровления. Люди искреннее радуются: «Ура, кризис миновал!», в то время как он еще и не начинался. Он только зреет в недрах системы. Слышно напряженное пульсирование переросшего одежду «тела». Скоро «ткань» начнет рваться.

Муки души снимают информационным обезболивающим — технологией, известной как «козел скотобойни». Ее суть: животные, отобранные для забоя, чувствуют смерть и волнуются, что затрудняет забой. Чтобы их успокоить, к ним запускают козла. Он давно живет на скотобойне, его хорошо кормят и он не боится. При виде козла приготовленные для забоя овцы и коровы успокаиваются. Козел как бы излучает флюиды спокойствия. Он словно говорит своим поведением, мол, ничего страшного, видите, я живой, здоровый и сытый. Все хорошо. Животные успокаиваются, и козел становится духовным

лидером.

Второй акт трагедии: он ведет за собой успокоившихся овец с коровами в забойный цех. На следующий день козел встречает новую партию овец, которых снова успокаивает.

СМИ — «козел скотобойни». Их задача — успокоить общество, отвлечь внимание от главной проблемы, перевести его на вторичные вещи типа кто у кого в футбол выиграл, где какой пожар с землетрясением случился и прочее. Обыватели ведут себя как овцы на скотобойне при виде козла. Они успокаиваются и идут за «козлом» на забой души и тела.

Мы не пытаемся унижить или оскорбить средства массовой информации. Мы говорим факты: оптимистичные утверждения СМИ о конце кризиса предназначены для успокоения людей и ни для чего больше. Потому что правда о кризисе разрушительна. Она спровоцирует панику, что ускорит крах и без того хрупкой конструкции. В такой ситуации оптимально держать людей в неведении относительно будущего. Для этого существует технология «козла скотобойни».

Эта мера в совокупности с работающим на полную мощность денежным печатным станком дает эффект обезболивания и иллюзию здоровья. Но болезнь прогрессирует. Для глушения симптомов требуется количественное и качественное увеличение дозы. Легкие препараты сменяются тяжелыми. «Врачам» понятно: наращивание дозировки не может быть вечным. Однажды общество примет смертельную дозу.

Когда денежная масса превысит предельно допустимый объем, а дезинформация будет прямо противоречить очевидной реальности, произойдет возмущение системы. Далее каждый в меру своей фантазии и знаний может нарисовать грядущий хаос. Только можно не стараться — действительность превзойдет самые жуткие прогнозы.

ГЛАВА 3

Вероятность

Чем выше вероятность наступления события, тем больше человек принимает его во внимание. И наоборот: чем вероятность ниже, тем больше она игнорируется. После определенного минимума вероятность события считается для практики нулевой. Теоретически завтра вам на голову может упасть кирпич. Но вероятность этого события такова, что в практических расчетах вы не принимаете ее во внимание. А рабочий на стройке не может игнорировать и потому носит каску.

Швейцария не участвовала во Второй мировой войне, но вероятность нападения на нее была такой, что ее нельзя было игнорировать. Страна создала линию обороны. Сегодня туристы могут посмотреть на вырубленные в скалах лабиринты, походить по длинным запутанным многокилометровым тоннелям, увидеть пушки, которые так ни разу и не выстрелили.

Человек принимает решение, если считает наступление события реальным. Если пассажиры узнают, что вероятность падения самолета составляет 10 %, — самолет полетит пустым. Если будет известно, что вероятность аварии составляет 0,0001%, — люди проигнорируют ее.

Если процент мал, его можно не принимать во внимание и заниматься текущими делами. Если большой, имеет смысл его учесть. Кто и как учтет эту вероятность в своих действиях, зависит от личных качеств и ситуации. Одни попросту проигнорируют. Другие будут иметь в виду. Третьи поставят тему во главу угла. Но при этом все может быть, чудо в том числе.

Вероятность катастрофы может быть 90% и не состояться, благодаря счастливой череде событий. И наоборот, вероятность в 1 % может реализоваться на полную катушку из-за непредсказуемой случайности. Если катастрофа разразится, выиграют те, кто к ней готовился (например, мы). Если не разразится, выиграют те, кто ее игнорировал и, пользуясь случаем, скупал по дешевке традиционные «финансовые консервы» — недвижимость, золото, искусство.

Мир находится в положении раскачавшегося до максимума маятника, застывшего в верхней точке, в положении стрелки «12». Куда маятник свалится в следующий миг, предсказать трудно. От малейшего дуновения он может свалиться как налево, так и направо. Власть застыла в ожидании. Куда качнется маятник? Налево — и все полетит в тартарары? Или направо — и все в общих чертах восстановится, и еще простоит лет 20—30?

Насколько вероятно крушение системы в ближайшие пять лет (максимум десять)? Мы считаем, она так велика, что ее нельзя игнорировать. По оптимистичным прогнозам вероятность катастрофы не менее 20 %, по пессимистичным — более 90%. Возможно, она начнется, когда нас уже не будет. Но есть такой же шанс, что гигантское ускорение событий начнется в ближайшие год-два. Все может быть, и каждый сам примет для себя решение, исходя из своего видения степени вероятности катастрофы.

Пока еще человечество смотрит на надвигающуюся гигантскую черную стену разрушительной стихии, природа которой никому на планете непонятна. Она уже показалась на горизонте, но ее последствий практически никто из ключевых политических фигур не осознает, надеясь уладить ситуацию правильными указами. По борьбе с коррупцией,

например.

Отдыхавшие в юго-восточной Азии туристы в 2004 году смотрели на приближающуюся со стороны океана гигантскую волну и не понимали своего будущего. Или не хотели понимать. Или не было времени это делать (отдых важнее). Кто понимал, надеялся укрыться и потом помародерствовать.

Большинство вообще ни о чем не думали, поглощенные текущими делами. Волна смыла всех. Выжили те, кто был в океане. Стена воды прокатилась под ними гигантским бугром, но за счет массы океана они ее даже не заметили. Еще остались в живых те, кто спешно эвакуировались. Больше — никто, включая тех, кто надеялся отсидеться в подвале своего дома.

Политика «отсидеться» в преддверии катастрофы неприемлема. Лучше действовать: пусть из рук вон плохо, но что-то делать, а не сидеть и ждать, когда тебя накроет волна бедствия.

Когда лягушка болтала лапками в кувшине с молоком, она не знала, что из жидкого молока может взбиться твердое масло. Она просто болтала лапками, практически не имея шансов что-то получить от этих, бессмысленных на первый взгляд, движений.

Неистребимая тяга к жизни создала чудо: лягушка взболтала уплотнение, от которого оттолкнулась. Ловушка, откуда не было выхода, открылась благодаря упорству и желанию выжить.

ГЛАВА 4

Признаки

СССР был сильнее, чем нынешняя Российская Федерация, по всем позициям. Советская Армия, КГБ и МВД состояли из более прочного человеческого материала, чем теперешние армия, ФСБ и МВД, коррумпированные до самых глубин. И все равно такая сильная система рухнула.

Сегодня общественно-государственная система несравненно слабее и подвергается более сильным ударам. Если в 1991 году ключевые фигуры, замыкающие на себя систему, не выдержали давления, как можно надеяться, что сегодняшние устоят? При первом же намеке на большие проблемы их ветром сдует на «запасные аэродромы». И не потому, что они предатели или еще какие-то неприятные личности, а потому что человеку свойственно делать логичные мотивированные поступки. Кто сегодня может честно ответить себе на вопрос,

какая мотивация защищать плеяду далеких и чуждых обществу людей, которые говорят одно, делают другое, думают третье? Нет мотивации. Поэтому в действие вступает логическое реагирование на ситуацию.

Из каких соображений систему, где вор на воре сидит и никто, в том числе и честные люди, не имеют иной цели, кроме как устроить свое благо и потешить тщеславие, можно считать более прочной конструкцией, чем прежние? Если кто считает, такие основания есть, любопытно послушать логику, а не отмахивание рукой, типа я и думать об этом не хочу, знаю, выстоит, потому что... иного не представляю. Замечательно, желание похвальное. Но одного желания маловато будет.

Косвенные признаки указывают на приближение краха. Во все времена эти признаки одни и те же. Перед катастрофой власть всегда теряет уважение. Исключений нет. Что происходит сегодня? Только ленивый не ругает власть, не высмеивает ее, не рисует в карикатурном виде. А власть как система в целом молчит (типа, кот Васька слушает да ест). Отдельные представители пытаются что-то возражать и как-то оправдываться, но неуклюже.

Чтобы лучше понять значение этого признака, представьте армию, где генералы воруют, а солдаты высмеивают их и поругивают. Генералы же только супятся, тупят взгляд... и продолжают растаскивать имущество, торговать оружием и так далее и тому подобное. Как вы думаете, велика боеспособность такой армии? И не развалится ли она при первом потрясении?

Или представьте религию, где верующие высмеивают священство, обвиняя его в нарушении заповедей и вообще во всех грехах. Вообразите: люди про верховных жрецов рассказывают анекдоты, а те только сокрушенно охают да бормочут о своей слабости. Велик ли будет авторитет такой религии? И не исчезнет ли она со смертью пожилых людей, для которых религиозный культ стал своего рода традицией?

Колоссальное падение авторитета власти сопровождается сопутствующими факторами. Исчезают принципы. Попираются законы. Падают нравы. Вымываются традиции. Нет общей цели. Появляются новые болезни. Умножаются стихийные бедствия. Чувственные удовольствия и бытовая сытость считаются высшим счастьем и главным ориентиром по жизни. Казнокрадство и коррупция достигают невиданных размеров. Меняется отношение к порокам. Теперь это уже не пороки, а свободы, права, откаты и политес. Не то же самое фиксировали в период падения Римской империи?

«Когда трудом и справедливостью возросло государство, когда были укрощены войною великие цари, смирились пред силой оружия и дикие племена, и могущественные народы, исчез с лица земли Карфаген, соперник

Римской державы, и все моря, все земли, открывались перед нами, все перевернулось вверх дном. Те, кто с легкостью переносил лишения, опасности, трудности,— непосильным бременем оказались для них досуг и богатство, в иных обстоятельствах желанные.

Сперва развилась жажда денег, за нею — жажда власти, и обе стали как бы общим корнем всех бедствий. Действительно, корыстолюбие сгубило верность, честность и остальные добрые качества; вместо них оно выучило высокомерию и жестокости, выучило презирать богов и все полагать продажным. Честолюбие многих сделало лжецами, заставило в сердце таить одно, вслух же говорить другое, дружбу и вражду оценивать не по сути вещей, но в согласии с выгодой, о пристойной наружности заботиться больше, чем о внутреннем достоинстве.

Начиналось все с малого, иногда встречало отпор, но затем зараза расползлась, точно чума. Народ переменялся в целом, и римская власть из самой справедливой превратилась в жестокую и нестерпимую... И все принялись грабить: кто хочет чужой дом, кто поле, победители не знают ни меры, ни совести и чинят гнусные жестокости над согражданами.

С той поры как богатство стало вызывать почтение, как спутниками его сделались слава, власть, могущество, с этой самой поры и начала вянуть доблесть, бедность стала считаться позором и бескорыстие — недоброжелательством. Итак, по вине богатства на юность напали роскошь и алчность, а с ними и наглость: хватают, расточают, свое не ставят ни во что, жаждут чужого, стыд и скромность, человеческое и божественное — все им нипочем, их ничто не остановит!..

Не в меньшей мере владела ими и страсть к распутству, обжорству и прочим излишествам. Мужчины отдавались, как женщины, женщины торговали своим целомудрием. В поисках лакомой еды обшарили все моря и земли. Спали, не испытывая нужды во сне. Не дожидаясь ни голода, ни жажды, ни стужи, ни утомления, всякая потребность упреждалась заранее — роскошью. Это толкало молодежь на преступления, когда имущество истощалось» (Гай Крисп, римский историк).

Сегодня все эти пороки наблюдаются в полной мере. Кто говорит «не вижу», подобен лицемеру, отворачивающемуся от очевидного. *«Вечером вы говорите: будет ведро, потому что небо красно; и поутру: сегодня ненастье, потому что небо багрово. Лицемеры! различать лице неба вы умеете, а знамений времен не можете»* (Мф. 16, 2—3). Кто смеет утверждать, что эти косвенные признаки означают очередную ступень развития, тот просто неумен. С таким же успехом разложение можно назвать развитием. Лохам не говорят: «Курс ценных бумаг падает». Им говорят: «Наблюдается отрицательный рост». Чувствуете разницу? Аналогично совершается подмена терминов по всем фронтам. Если переделать события прошлого на современный лад, нападение Гитлера на СССР звучало

бы так: «Миротворческие войска Гитлера введены на территорию СССР с целью освобождения народов СССР от тирании и установления демократии. Затем миротворческие войска Сталина были введены в Европу примерно с той же целью».

Но допустим, косвенных признаков для фиксации реальности недостаточно. Кто родился в дерьме и провел там всю сознательную жизнь, для того характерные запахи, консистенция и прочие признаки говна не являются показателями плохого. Принюхались. Но логика однозначно свидетельствует: эпоха близится к концу. «Гусеница» скоро начнет окукливаться, что означает ломку всех ключевых узлов и принципов. Потом, может быть, из «куколки» грядущего хаоса появится бабочка. Но это потом. Сейчас мы на пороге слома, которого не знала история человечества. При малейшем потрясении «карточный домик» развалится так стремительно, что никто даже не успеет толком ничего понять.

ГЛАВА 5

Автопилот

Система уверенно превращается в театр абсурда. Чтобы поймать образ, представьте огромный самолет, летящий на автопилоте. Внутри своя жизнь. Никто из находящихся в салоне толком не понимает: как самолет летит, куда летит и зачем, на чем построен принцип движения, как им управлять и прочее.

Пока атмосфера относительно стабильная, между пассажирами разворачивается драка за лучшие места. Самым удачливым борцам подкововерного жанра достается кабина пилота. Они теперь имеют хорошее питание, удобные места, индивидуальное обслуживание и прочее. Гордо носят форму пилотов и пользуются уважением завидующих им пассажиров. Многие про себя думают: «Я бы тоже смог быть летчиком», понимая под этим не способность управлять летательным аппаратом, а способность пользоваться повышенным комфортом и носить форму.

Но вот самолет входит в зону турбулентности. Автопилот ориентирован на штатную ситуацию, а самолету требуется ручное управление. Но что такое управление? Об этом «летчики» понятия не имеют и, по понятным причинам, не спешат признаться в своем невежестве пассажирам.

Но чем сильнее трясет самолет, тем хуже получается скрыть эту

новость. Вскоре до людей, сидящих в салоне, доходит: процесс никто не контролирует. «Летчики» — в лучшем случае специалисты частность разрулить, когда пассажиры что-то не поделили, назначить дежурных по секторам салона, чтобы порядок поддерживали и прочее. О фундаментальных процессах, обеспечивающих полет многотонной махины в воздухе, у них малейшего понятия нет. В основном это обыватели, наслаждающиеся положением родственника правителя. Управлять целым они не то, что не хотят или уклоняются, просто масштаб для них великоват. Точно так же, как начальник с продовольственного склада армии не имеет понятия об управлении армией. Для него армия — абстракция. А вот ключи от склада — сытенькая реальность.

Представьте настроение «летчиков». Перед ними огромный пульт. Они понимают: нужно что-то делать. Но что? До этого все шло как-то само собой: текущая внешняя и внутренняя политика, экономика, популизм, карикатурная оппозиция... В общем, все как обычно. Но теперь, когда все изменилось, что делать? Снова бла-бла-бла? Самые дремучие продукты системы видят — разглагольствование практически и абсолютно не работает.

На данный момент США, Россия, Германия, Англия, Франция, Украина и т. д. представляют собой такой самолет. Система вошла в последнюю стадию разложения. Многие осознают: катастрофы не избежать хотя бы потому, что нет понимания ее корней и, соответственно, нет понятия, как лечить. Можно попробовать оттянуть финал. А смысл?..

Макиавелли говорил, войну можно отсрочить, но нельзя ее избежать. Отсрочка не решает проблемы, а напротив, усугубляет. Она укрепляет противника, что увеличивает кровопролитие. Аналогично при крушении модели: чем больше оттягивать, тем сильнее будет взрыв. Здесь как с паровым котлом, в котором заклинило клапаны. Чем дольше его нагревать, тем сильнее в итоге он взорвется.

Конечно, во власти есть люди, способные критически мыслить и оценивать ситуацию. Они понимают реальность и констатируют: современная власть являет собой средоточие сереньких средненьких людей числом около тысячи, ничем не отличающихся от тех 140 миллионов человек, которыми они «управляют».

Разница в том, что у этой тысячи «сереньких» судьба так сложилась, что они оказались во власти. Хотя с тем же успехом могли оказаться офисным планктоном. *«И обратился я, и видел под солнцем, что не проворным достается успешный бег, не храбрым — победа, не мудрым — хлеб, и не у разумных — богатство, и не искусным — благорасположение, но время и случай для всех их»* (Эккл. 9, 11).

У этих людей нет иллюзий относительно того, что система при более-

менее серьезном потрясении развалится как песчаный замок, выстроенный в песочнице, если на него наступить ботинком. «Большая империя, как и большой пирог, начинает крошиться с краев» (Б. Франклин).

ГЛАВА 6

Сроки

Косвенные признаки указывают — времени мало. Коллапс может накрыть мир в целом и нашу страну в частности в любую минуту. Прокатившаяся по планете волна экономического кризиса и социальных беспорядков — лишь слабое предупреждение.

Человечество похоже на гусеницу, с которой творится непонятное. На самом деле все просто: гусеница не заболела, она входит в стадию окукливания. Сохранить ее в «гусеничном» формате нельзя. Пришло время превратиться в бабочку. Мировая система входит в период глобальных изменений. Грядет трансформация всех ключевых узлов системы, то есть гигантская ломка.

По своим последствиям она сравнима с эпохой Ноя. Тогда среда обитания кардинальным образом изменилась — твердое стало жидким (суша стала морем). Сейчас мы на пороге еще более глобального перехода. Вопрос не в том, как избежать проблем (это невозможно), а в том, как пережить их с наименьшими потерями.

Грядущая реальность превзойдет фантастику. Сознание отказывается ее принять по той же причине, по какой сознание папуаса отказывается серьезно думать о летающих «железных птицах»: этого не может быть, потому что не может быть никогда.

Уверенность современных людей зиждется не на серьезных расчетах, а на желании верить в неизменное улучшение мира. Принципиально она не отличается от уверенности допотопных людей. Сегодня большинство пьет, ест, веселится и старается не обременять голову размышлениями точно так же, как это было тысячи лет назад. Люди живут привычной жизнью и не слышат (или не хотят слышать) штормовых предупреждений.

Так происходит не от глупости, а в силу человеческих качеств. Нам свойственно думать: завтра будет немного лучше, чем сегодня, потому что сегодня чуть-чуть лучше, чем вчера. Люди уверены в этой истине, и потому, как дети, смеются над всяким, кто указывает на признаки подступающего ужаса.

Когда самое страшное впереди, большинству свойственно свято верить, что все самое плохое позади.

Чтобы уловить надвигающийся кошмар, представьте неопытных туристов, забредших в болото. Они еще не понимают, куда пришли, поскольку за разговорами и анекдотами не обращали внимания на колышущуюся под ногами почву. Они бодро шагали, не глядя под ноги. По мере продвижения почва становилась более зыбкой. В какой-то момент до них дошло: под ногами бездна. Яркий солнечный мир отделен от черной бездны тонким травяным ковром. Если он порвется, болото всех поглотит. Через секунду после прозрения туристы встанут на колени. Через две секунды — на живот лягут. И там, где еще минуту назад шли уверенным шагом, — будут ползти. Цари природы в мгновение ока превратятся в жалких дрожащих тварей, придавленных инстинктом жизни к болоту. Их тела будут улавливать шевеление черной жидкой бездны-массы. Но настоящий страх появится, когда до людей дойдет, что они не понимают, в какую сторону ползти. Настоящий ужас накроет с головой, когда в бездну провалятся первые жертвы.

Мы живем в эпоху переходного периода. За относительно короткое время прорисуются контуры новой ситуации. Напряжение системы будет энергично нарастать. Число людей, вопрошающих «что делать», будет увеличиваться. Все ждут простого ответа на вопрос. Не шаблонных суждений, пригодных в стандартной ситуации. Не сожалений о «добром старом времени». Не благоглупостей и прочих банальностей, заимствованных из фильмов про революцию. Люди ищут конкретного ответа на вопрос. Причем, в первую очередь ждут от власти. Вместо ответа имеют набор общих слов и «конкретных» планов типа нанять нового футбольного тренера и дожидаться повышения цены на нефть.

Печальна участь сырьевых стран типа России, целиком зависящих от нефтяной иглы. Но судьба Запада, особенно США, еще печальнее. Если мы сидим на нефтяной игле, позволяющей ничего не делать, только нефть продавать, США сидят на финансовой игле, позволяющей тоже ничего не делать, только деньги, печатать, на которые по всему миру покупать необходимое.

И нефтяная, и финансовая иглы приятны, пока работает система. Но стоит ей начать разваливаться, как «наркоманы» испытывают жесточайшую ломку. Россия в этом смысле менее наркозависимая, чем Запад. Нефтяная игла по сравнению с финансовой — это как алкоголь по сравнению с героином. Кайфа от героина больше. Америка долго «кайфует» на финансовой игле, но похмелье ее будет тяжелое, если не сказать смертельное.

Вопрос времени, когда страны, включенные в мировую систему, начнет «ломать». Нет сомнений, это обязательно случится. Возникнет нештатная ситуация. И тогда легитимность власти определится не умением решать

частности, и уж тем более не родственностью ключевых фигур, а способностью ответить на большой вопрос. Для этого нужно понимание. Но так как понимания нет, ответа не может быть. Вместо этого сварганят муляжи ответов — лозунги, стенания или научно-философскую заумь. За многословием зубодробительной наукообразности и протокольных речей будет сокрыта не только пустота, но и неуверенность.

Движение в границах прошлого невозможно. У нас два варианта. Первый: погружаемся в суть вещей и организуем новый тип силы, никаким боком не похожий на все существующие (хотя тактические уступки возможны, но они временны). Второй: пытаемся из букв «ж»; «о»; «п», «а» сложить слово «счастье».

Второй путь выглядит тупиковым. Мы выбираем первый путь. Это означает формирование нового типа команды, готовой взять на себя бремя власти в условиях безвластия и обрушения системы для строительства принципиально новой системы.

ГЛАВА 7

Случайные

Люди, случайно получившие власть, своими действиями недвусмысленно говорят о полном непонимании происходящего. Даже в относительно стабильной ситуации они испытывают подсознательную неуверенность. Это проявляется в отсутствии тонких решений. Такой правитель не понимает, как создать систему, которая в целом могла бы сама себя контролировать, а он только осторожно, без резких движений, поправлял бы ее работу.

Непонимание выливается в приоритет простых, прямых и грубых действий в стиле «заставить», «запретить» и «не пущать». Человеку кажется, если очень строго сказать (и указ соответствующий выпустить), детали, образующие систему, начнут совершать не свойственные их природе действия. Например, люди с установкой брать от жизни все, услышав крик начальника, вдруг начнут думать не как взять у общества, а как дать.

Хозяин ослика может забить животное палкой насмерть, понуждая нести непосильный груз. Но ослик при всем желании не прыгнет выше головы. Если хозяин продолжит упорствовать, по итогу и груз останется на месте, и ослика не будет.

Силовой стиль управления, под коим мы понимаем любое управление в ручном режиме, в критической ситуации бывает иногда единственным выходом. Но если этот стиль становится нормой, очень скоро возникает

система, где правитель должен лично заниматься всем. Прикол в том, что ничего подобного правитель создавать не хотел. Напротив, он хотел создать абсолютно другое — гармоничную систему, для работы которой не требуется стоять над ней с палкой. Но получилось то, что получилось.

Чем дольше практикуется ручной режим, тем большая нагрузка ложится на одного человека. В поисках выхода он вынужден прибегать к еще более простым, то есть грубым решениям. Из мечтателя, каким был во время прихода к власти, он превращается в прораба на стройке, орущего матом на иностранных рабочих, поскольку иного языка те не понимают. Этим он еще больше ослабляет систему, одновременно усложняя ее для себя.

Однажды возникает ситуация, когда буквально все лежит только на его плечах. Теперь правитель представляет собой что-то вроде подпорки. Он планировал ее временной, но судьба так сложилась, что она вынуждена быть постоянной. Теперь это больше не правитель, а администратор. Стоит ему отойти в сторону, все рухнет, похоронив под собой правителя. Он держится из последних сил, понимая: если выпадет из «седла», его оппозиция затопчет.

Вопрос времени, когда нагрузка превысит человеческие возможности. В какой-то момент правитель опустит руки, ибо поймет: от его усилий уже ничего не зависит. Количество запросов, которые система ему посылает для обработки, превышает его силы.

Трагикомичность ситуации в том, что вокруг правителя много прихлебателей и дружков, но все они еще меньше понимают, что такое управление. Никто не говорит об этом прямо, но все понимают: они не являются правителями (поскольку знать не знают, что такое управление государством). Они просто баловни судьбы, и свое место понимают исключительно как кормушку, откуда нужно выжать максимум, пока она не захлопнулась. Пребывание на не своем месте рождает на подкорке страх и чувство незащитности, если ситуация вдруг развернется не в их пользу. Преодолевая этот страх, такая власть с первого дня начинает запасаться материальными активами за пределами системы, правителями которой числится.

Виноват ли случайный правитель в том, что его окружает такая команда? Нет, потому что при идейном вакууме другого состава людей не может быть. С одной стороны, любому человеку, захватившему большой ресурс, нужна для его удержания пропорциональная команда. Если у него есть идея, он собирает единомышленников (как Ленин собирал коммунистов). Если идеи нет, он собирает личных знакомых, родственников и однокашников, расставляя их на ключевые посты.

Насколько они соответствуют этим постам — второй вопрос. Первый: я их лично и давно знаю. При таком кадровом подходе власть формируется

из обычных обывателей с двумя извилинами — где денег взять и на что их потратить.

Подчиненные главного начальника тоже формируют себе команды, и тоже по такому же признаку — из своих. В идеале — если свои не воруют (бонусы в конце года им дает шеф). На практике однокашники не довольствуются бонусами. Очень скоро они осваиваются, выказывая растущие аппетиты и претензии на большую самостоятельность. У тех, кто далеко продвинулся по иерархичной лестнице, появляются мысль при счастливом стечении обстоятельств шефа скинуть. Система постепенно превращается в придворную грызню, где все воюют против всех. Идеологический вакуум не оставляет современному правителю шанса вести иную кадровую политику. Концентрация во власти «родственников» (по масштабу и глубине мышления не отличающихся от среднестатистических обывателей) создает специфическую атмосферу. Они по умолчанию понимают власть разновидностью коммерции и иного не могут помыслить. Зачем власть? Ну, это же так очевидно — чтобы украсть. Даже школьники сегодня это знают. Что уж про взрослых говорить.

Российская демократия является феодализмом, но странным. В этой системе личный успех прямо пропорционален близости к власти. Чем ближе к правителю — тем больше у вас ресурса. Чем вы дальше от первого лица — тем ресурса у вас меньше.

При классическом варианте близость к первой фигуре определяла степень родства, потом заслуги перед государством, и на последнем месте — личное знакомство. При российском феодализме все определяет степень личного знакомства с властью.

Классического феодала окружали как слабые фигуры (родственники и знакомые), так и сильные (заслужившие свой статус делами). Сильные уравнивали слабых, что позволяло сохранять конструкцию в относительно устойчивом положении. Современного феодала окружают только личные знакомые, так или иначе попавшие в поле его зрения. Они не имели возможности сделать большие дела, по которым был бы виден уровень их адекватности. Чтобы делать большие дела, нужна большая идея. Никакой идеи у них нет.

В условиях безыдейности люди могут проявиться только в умении вести бюрократическую борьбу. Безусловно, это требует определенных талантов, но когда власть формируется только по этому признаку, общество обречено.

Если предположить: первые фигуры понимают глубину происходящего, знают, что без кардинальной трансформации системы им не выжить, как Петру I было не выжить без кардинальной реформы армии, а значит экономики и, в конечном итоге общества, — их знание ничего не меняет. Мало самому понимать. Нужно еще другим так

объяснить, чтобы они дали сломать выстроенную ими систему, которая их кормит.

Человек может отказаться от части, чтобы не потерять целое. Например, даст отрезать себе ногу, чтобы сохранить жизнь. С коррупцией и прочими социальными пороками аналогичная ситуация. Главные коррупционеры могут поступиться своими интересами и отказаться от очередной яхты, если распознают опасность потерять все.

Насколько это реально? Ни насколько, нулевая реальность. Большинство ключевых фигур насколько сильны и ловки, настолько и неглубоки. Это люди с местечковым мышлением. Они уверены, все как-нибудь обойдется, а если и нет, то с деньгами спасут себя.

Ничего не остается, кроме как силой проломить сопротивление властных кланов. Но для этого нужна превосходящая сила. Сопротивление одной группировки можно преодолеть, опираясь на другую группировку. Допустим, но что это даст? Вырастет ресурс той группировки, на которую правитель опирается. Но так как единой идеи, которая могла бы выступить объединяющей платформой, нет, внутри привилегированной группировки скоро возникнут противоборствующие группы. И все повторится.

Процесс смены шила на мыло опасен тем, что рождает ситуацию, которая может закончиться падением самого реформатора. Непродолжительную реформаторскую активность очень скоро сменит понимание: не будить лихо, пока оно тихо.

Когда правитель это осознает, он акцентируется на аппаратной эквилибристике, изо всех сил сохраняя систему сдержек и противовесов. В такой ситуации ни о чем, кроме как удержаться в «седле», он думать не может.

Правитель оказывается как бы в жидкой глине. Сначала у него есть свобода действий, но по мере загустения глины ее становится меньше. Когда глина окончательно застывает (эпоха застоя), правитель лишается возможности пошевелиться. Окружение как бы сковывает его. Если даже допустить у него какие-то конструктивные намерения по реформированию системы, все они будут наткаться на интересы группировок.

Его друзья, против совокупности которых он не может пойти, ибо вплетен в сложившуюся систему, могут на словах поддерживать его инициативы по борьбе с коррупцией и прочее, но... не в области своих интересов. Они как бы говорят ему: ты иди наводи порядок там, в другом месте. А у нас не нужно, у нас все отлажено и поделено, правила игры прописаны. Это наша поляна, с которой мы кормимся. Мы тебе поаплодируем за идею, но на этом наш вклад в борьбу с коррупцией (с самими собой) закончится. Потому что наша цель пребывания во власти — пополнение личных закромов и наслаждение жизнью. Вред системе во внимание не принимается. Интересы общества игнорируются.

Единственная реальность, достойная внимания «правителей», — передел ресурса между группировками. Борцы за власть впиваются друг другу в глотку, ничего не видя и не слыша кругом. Сиюминутная победа — высшая цель. Все остальное — ерунда, демагогия, обряд, который непонятно зачем нужен, но на всякий случай его нужно придерживаться (приговорки типа, не мы заводили, не нам отменять).

Правитель понимает: замена одних фигур, ориентированных на сиюминутное благо, другими, имеющими точно такие же ориентиры, во-первых, не имеет смысла, во-вторых, невозможна. Глина твердеет, и возникает колосс на глиняных ногах. Однажды от него потребуются не свойственные ему движения. Будучи припертым к стенке, он попробует сделать эти движения, с чего начнется его лавинообразное крушение.

ГЛАВА 8

Про ошибки

Возможно, ум мешает жить. Многие советуют не думать, а просто жить — радоваться солнцу, наслаждаться пением птиц, заботиться о хлебе насущном... О глобальном думать не надо. Зачем, если все до нас давно продумали. Надо просто жить, и будет нам счастье. Поскольку такой совет дают хорошие добрые люди, наверное, это хороший совет. Но чтобы отказаться от ума и жить своими малыми заботами, отдавшись направлению, заданному чужими выкладками, нужно прийти к необходимости этого. Второй вариант: сразу родиться без ума и не думать. Просто жить, и все. От непонятного отмахнуться. В крайнем случае, обратиться за разъяснениями к кому положено (у каждого свое представление о том, к кому положено обращаться в этом случае).

Должно быть, в таком стиле жизни есть своя логика. Но проблема в том, что у нас есть ум. И нет ни единого повода отказаться от него. Нельзя закапывать данные нам таланты. Поэтому мы будем думать, ошибаться и снова думать. Иного не мыслим. «Не может быть, чтобы Бог, давший нам разум, желает, чтобы мы воздержались от его использования» (Галилео Галилей).

Наши мысли рождают Проект. Его движущая сила — желание понимать. Это не продукт того или иного вида корысти. Создателями движет не жажда денег и славы, а исключительно жажда истины. *«Блаженны алчущие и жаждущие правды, ибо они насытятся»* (Мф. 5,6).

Обратите внимание, по Христу блажен не тот, кто нашел правду, а тот, кто жаждет ее найти, стремится к ней.

Никто не может стремиться к достигнутой цели. А потому зачем искать найденную истину? Когда общество говорит: «Истина найдена нами», оно начинает, как утверждал Ницше, «моргать глазами». Это последние люди, на которых кончится движение и, значит, кончится жизнь.

«Горе! Приближается время самого презренного человека, который уже не может презирать самого себя. «Что такое любовь? Что такое творчество? Устремление? Что такое звезда?» — так вопрошает последний человек, и моргает при этом. Земля стала маленькой, и по ней прыгает последний человек, делающий все маленьким. Его порода неистребима, как земляная блоха; последний человек живет дольше всех. «Счастье найдено нами», — говорят последние люди и при этом моргают» (Ф. Ницше).

Нашедшие «истину» прекращают поиск и концентрируют усилия на удержание того, что объявлено «истиной». Возникает кумир, и целая армия профессионалов работает, чтобы сохранить его. Общество во власти догматов костенеет и умирает, потому что ему не к чему стремиться.

Знать абсолютную истину может только Бог. Человек должен стремиться к ней, но обладать ею не может. Для него единственной абсолютной истиной является поиск истины. Подчеркиваем, не знание, а поиск. Успокоившийся и довольный жизнью и собою — не вполне человек. А вот ищущий, то есть преодолевающий свое несовершенство, — это настоящий человек, творение Бога.

«Перед Богом мы все одинаково мудры — или одинаково глупы». Альберт Эйнштейн

Человеку по природе свойственно несовершенство плюс свобода и стремление к знанию. В условиях свободы утоление жажды знания означает совершение ошибок. Но если поиск истины и есть суть человека, и, следуя этой сути, человек неминуемо ошибается, накажет ли Бог за это? Возможно ли наказание человека за его неидеальность, за желание добраться до правды, гарантированно порождающее определенную ошибочность? В поисках ответа мы исходим из того, что если Бог дал ноги, ходьба не может быть грехом. Если Бог дал разум, мышление не может быть грехом. Следовательно, искренние ошибки не могут считаться грехом, ибо ошибка — неотъемлемое качество нашей природы.

Вывод: Бог не может наказать человека за неспособность летать. Во всяком случае, это будет не наказание, а что-то другое. Наказание за нелетание справедливо по отношению к тому, у кого есть крылья и кому предписано летать, а он отказывается.

Алчущим и жаждущими правды не стоит опасаться наказания за поиск

истины. Пусть боятся лицемеры, говорящие против своего сердца в угоду сиюминутному благу. «Истина это не то, что правильно. Никто не знает, что есть правильно. Истина — это когда честно. Бог будет нас судить не по достигнутым результатам, а по тому, насколько по совести мы жили» (Проект Россия. Первая книга).

Правильно не значит безошибочно. Никто не в силах избежать ошибок. Но каждый может избежать лжи, быть честным. Честность рождает ощущение правильной жизни. Это очень сильное чувство. Пусть я буду жить хуже в бытовом смысле, зато правильно, нежели в изобилии и с осознанием, что живу неправильно. Нормальный человек предпочтет недоедать, чем жить в сытости, например, от торговли наркотиками. В любом народе есть люди, для которых покой души выше сытости тела. Они готовы на костре сгореть с ощущением своей правоты, нежели расстаться с этим чувством ради материального благополучия. Если такие люди будут объединены в монолит, получится сила. Она не сможет отодвинуть наступление негатива, для этого нужно быть Богом. Но она будет способна с максимальной эффективностью решить надвигающиеся проблемы.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

ЗАЩИТА

«Вначале появляются мечтатели, фантазеры, сумасшедшие, грезящие о будущем, пишущие и говорящие о несбыточном. Потом приходят энтузиасты и показывают, что проект осуществим. Затем приходят профессионалы и делают сказку былью. Но начинается все с мечты».

А. К. Платонов

ГЛАВА 1

Защитники

Закономерный вопрос: есть ли сила, способная нас защитить? Рассмотрим возможных кандидатов. Первый кандидат — наша власть. Это аморфная безыдейная масса, состоящая из группировок, дерущихся между собой за доступ к ресурсу. Если завтра чудесным образом пропадет возможность тешить тщеславие, воровать и пользоваться ресурсом общества, властная конструкция тут же развалится. Образно говоря, людям, утрамбованным в правительство, власть без возможности украсть, не нужна. Это не ругань, это констатация факта. Единицы не воруют, но генеральный курс определяет ориентированность большинства.

Правительство не является силой, на которую можно положиться как на защитника. Это колосс на глиняных ногах — внешне мощный, но крайне неустойчивый. При потрясении он начнет лавинообразно рушиться, увеличивая скорость за счет собственных энергий. Крушение будет настолько стремительным, что никто глазом не успеет моргнуть.

Теперь посмотрим на группы с ура-патриотическим оттенком. В лучшем случае они годятся на роль наемных исполнителей по устройению мероприятий типа митинга или шествия. Ни их масштаб мышления, ни возможности не соответствуют задаче. Даже теоретически их нельзя представить в роли защитников. Армию, спецслужбы и прочие подобные институты нельзя считать защитниками по той же причине. При всем уважении, они — инструменты. Задач себе не формируют, только выполняют поставленные. Но инструмент имеет смысл, если его кто-то умелый держит и направляет. Иначе он не просто бесполезен, но и опасен. Дурак, владеющий мощным инструментом, может таких дров наломать.

Может быть, на роль защитника годятся религиозные объединения? Увы, нет. Они могут выступить с призывом, но реализовывать его не станут хотя бы потому, что зависят от власти. Зависимая церковь не может ответить на ожидания общества. Показательны слова ныне покойного патриарха Алексия II, который в одном из своих последних выступлений сравнил церковь с министерством и с прискорбием констатировал: «Адекватного ответа церкви на ожидания современного общества не получается». Горько. Но честно.

Когда религия стала государственной, церковь уподобилась светскому министерству по делам религии. Особенно ярко это проявилось в Византии и в синодальный период в России. Но если даже церковь выйдет из подчиненного положения, она не сможет взять на себя роль защитника. Став самостоятельной политической силой, она превратится в светскую структуру типа Ватикана в

период его могущества. Политики с чиновниками переоденутся в рясы, и на этом церковь закончится окончательно. Люди будут не Богу служить, а текущие вопросы светского характера решать.

Политические партии: можно ли на них положиться? Тоже нет. Надежд еще меньше, чем на ура-патриотов. Те хотя бы имеют некий уровень самостоятельности: если в них закачать денег, они будут что-то из себя представлять. Финансирование же политических партий сравнимо с капельницей для трупа — не оживет. Деньги возьмут, и это единственное живое действие. С таким же успехом можно вкачать ресурс в группу артистов, чтобы они сыграли роль защитников. Но одно дело играть роль, и другое — реально быть защитником.

Политические партии — театральный реквизит, марионетки и декорации политической сцены. Они появляются по заказу власти для решения текущих вопросов типа изобразить многопартийность и оппозицию. Как только необходимость в них пропадает, они или сами исчезают, или уничтожаются решением суда.

Чтобы представить уровень живости этих партий, формально с числом не менее 50 000 членов, для начала ответьте: можно было партию большевиков ликвидировать решением суда? Такое предположение абсурдно, хотя большевики насчитывали максимум 8000 членов. По логике партия в 50 000 гораздо мощнее. Если восьмитысячную партию нельзя ликвидировать решением суда, 50-тысячную тем более.

Но это в теории. На практике любую из официально представленных на политической арене партий можно убить решением суда. Решение — это бумажка. Если ее скрутить в трубочку и хлопнуть по таракану, не всякого еще и убьешь. Но всякая официальная политическая партия гарантированно погибает от такого удара, не оставив после себя даже трупа. Хлоп по такой партии решением суда, как по таракану, и нет партии. А была ли она? Что изменится в политическом смысле, если всех этих депутатов и сенаторов заменить вырезанными из картона движущимися фигурками? Ничего. «Создай «Общество честных людей», и в него вступят все воры». Чехов.

Может, оппозиционные политики наша надежда? Вдруг ими движет исключительно забота о народе и стране? Допустим, так оно и есть. Примем на веру: оппозиция ставит цель не теплые места занять, а народу помочь, страну возродить. Чтобы получить возможность исправить ситуацию в стране, они тратят огромные деньги на избирательные кампании. Цена кампании одного депутата прошлого созыва стоила плюс/минус около пяти миллионов долларов (не цена депутатского кресла, а стоимость участия в войне за депутатское кресло). Кто проигрывал, тот терял свои миллионы.

Людям предлагают поверить: человек так сильно переживает за страну, что готов пять миллионов выкинуть, лишь бы получить право помогать народу.

Чтобы понять абсурд этого утверждения, представьте, например, аукцион на право помощи детскому дому. Множество людей делают безвозвратные миллионные ставки. Победитель получает право помогать детскому дому. Бредово звучит, правда? Но именно в это людям предлагают поверить во время выборов) Электорату говорят: кандидаты воюют между собой за право помогать стране и народу. Чтобы выиграть это право, они готовы рисковать своими миллионами.

Только идиот поверит в такое. Судя по всему, большинство они самые и есть. Чтобы правильно отнестись к термину идиот, будем помнить: в Греции люди делились на две основные группы: «гражданин» и «не гражданин». Гражданин по-гречески — политес; не гражданин — идиотес, то есть человек типа раба, выполняющий чужие решения, не имеющий своего мнения по базовым вопросам, манипулируемый и не мыслящий дальше обустройства своего быта.

Сколько же у нас таких «не граждан»? Подавляющее большинство электората любой страны — яркие представители греческих «не граждан». Они не видят: рассказы про благородные цели противоречат фактам и элементарной логике. Идиотесу во время выборов кандидаты на словах демонстрируют горячее желание спасти всех и вся. А в период между выборами «борцы за народное счастье» грабят доверчивый идиотес.

Если смотреть на ситуацию не глазами электората, верящего в искренность причитаний кандидатов, а с позиции здравого смысла, несложно увидеть в этом деле признаки хорошего рискованного бизнеса под названием «любовь к народу». Люди вкладывают миллионы, чтобы получить миллиарды.

Политики, хоть во власти, хоть оппозиционные, похожи на игроков в казино. Чтобы принять участие в игре, нужен не только стартовый капитал. Кроме капитала надо, чтобы тебя к столу подпустили, но это уже другая история. В качестве зеленого стола выступает страна, на богатства которой они примеряются. Лицензию на право играть выдает правительство.

Разные фонды, ученые сообщества, институты по изучению чего-нибудь, зачастую состоящие из одного человека, председателя самого себя (института) даже рассматривать нет смысла. Дальше бла-бла-бла и «поедания» грантов они не в силах двинуться. Из некоторых получились бы хорошие советники. Там много умных и глубоких людей, но у них духа не хватает перейти от теории к практике. Они до гробовой доски обречены много говорить и ничего не делать. Даже четко понимая катастрофичность ситуации, не перейдут к действию. Конституция у них такая — воли нет.

Рассматривать коммерсантов и финансистов в качестве защитника смешно. Многие из них — быдло, наделенное интеллектуальными и коммерческими талантами. По своим целям талантливое быдло ничем не отличается от бесталанного. Они одной масти, ведь их мечты лежат в одной

плоскости. Вся разница: талантливые простолюдины умеют деньги зарабатывать, а бесталанные не умеют. В итоге одна часть быдла имеет деньги, яхты и удовольствия, а вторая часть только мечтает об этом. Эти люди одинаковые, потому что их мечты одинаковые.

«Люди приходили ко мне за помощью и советом каждый день почти шестьдесят лет. И все спрашивали меня только о своем, личном. Никто ни разу не спросил о судьбе человечества. Люди мелки, раз им не нужно знать это...» (Ванга).

Обзор всех потенциальных защитников показал их абсолютную недееспособность. Можно констатировать: во время катастрофы защитить общество некому. Получается, спасение утопающих дело рук самих утопающих.

ГЛАВА 2

Квинтэссенция

Если общество некому защищать, ему ничего не остается, кроме как защищать себя самому. Для этого нужен ресурс, который создает общество. Пока этим ресурсом «управляют» случайные люди, решение проблемы невозможно. Следовательно, первичной задачей становится получение создаваемого нами (обществом) ресурса. Это возможно только через получение власти. Пока нет власти, дело дальше разговоров в принципе не может продвинуться.

Прежде чем начать говорить о том, как получить власть, нужно ясно понимать, что есть власть. Наиболее близкой к власти сущностью являются деньги. Они как тигр и кошка, с одной стороны разные, с другой стороны из одного семейства. Названия этому семейству нет, но ключевые характеристики денег и власти имеют выраженные родственные черты.

Деньги — эквивалент стоимости всего, что можно купить (товаров и услуг). Это волшебная палочка материального мира. Богач подобен волшебнику. Он может осуществить все ваши материальные мечты — купить вам дом, машину, курорты, бриллианты и прочее.

Вокруг богачей всегда вьется много людей по той же причине, по какой вокруг красивых женщин вьется много мужчин. Олигархи и красавицы точно знают, чего от них хотят. Они выбирают, кому дать желаемое, кому отказать. В целом их поведение идентично.

Деньги есть концентрированная сила материального мира. Чем больше мир

развивается, тем большую силу представляют собой деньги. Танки суть золото. У кого есть золото, у того будут танки. У кого нет золота, у того в принципе не может быть танков.

Вокруг правителей точно так же вьются люди, как вокруг богачей или красивых женщин. Чтобы уловить разницу, скажем так: вокруг красивых женщин вьется один тип людей. Вокруг очень красивых женщин с положением вьется другой тип людей. Этим мы хотим показать, вокруг власти крутятся люди большего масштаба, амбиций и прочее. Власть суть квинтэссенция денег. Если деньги — волшебная палочка, власть — тройная волшебная палочка. Имеющий власть может сам выпускать деньги. Он имеет возможность тем или иным способом собирать деньги со всех имеющих деньги. Как это будет называться, налог, конфискация или еще как — не имеет значения.

Проведенная параллель между деньгами и властью позволяет уловить новые, невидимые ранее тонкости. До этого власть казалась чем-то ничейным, никому не принадлежащим (как ветер). Под ветер можно подставлять паруса, но сам ветер является независимой и никому не принадлежащей сущностью.

Главным в борьбе за власть казалась справедливость и чистота устремлений. Исходя из этого, упор делался на благо, которое претенденты на власть могут принести обществу. Казалось, если мы объясним народу, что лучше распорядимся властью, мы ее получим.

Чтобы увидеть глупость подобных надежд, заменим слово «власть» на родственное ему «деньги». Деньги принадлежат некому человеку или группе людей. Они вкладывают их и получают прибыль. Предположим, они неэффективно распоряжаются своими деньгами.

Но вот появляется некто и доказывает, что он лучше управляет деньгами. Допустим даже, хозяева денег признают этот факт. Вопрос: велика ли вероятность, что на этом основании кто-то может отдать незнакомцу (или даже знакомому) свои деньги? Максимум, владелец денег может взять умника в управляющие, сохранив за собой контроль над капиталом. Но чтобы отдать... Подобного не могут предположить даже обитатели сумасшедшего дома.

Не могут люди кому-то отдать свои деньги только потому, что он лучше управляет ими. Умника могут принять на работу, даже долю малую ему дать. Но отдать деньги... нет, это невозможно для современного человека. «Если у вас нет денег, вы все время думаете о них. Если у вас есть деньги, вы думаете только о них». Пол Гетти.

Владелец может отдать свои деньги в обмен на что-то равноценное и нужное ему. Если предлагаемый вами продукт не нужен обладателю денег, или его цена завышена, никто вам ничего не даст, как бы логично вы

не доказывали свои управленческие способности.

Имеющим власть нельзя предложить ничего равноценного, ибо все земные блага ниже власти. История знает случаи, когда короли отказывались от короны из-за религиозных убеждений, любви к женщине и прочее. Но никто не отдал свою власть только на том основании, что кто-то эффективнее может ею пользоваться.

Аналогия власти с деньгами обнажает целую кучу ранее невидимых нюансов. Попробуйте вместо «мы хотим взять власть» сказать: «мы хотим взять деньги», и ситуация обретает иные оттенки. Тактика убеждения, какой хороший вы и ваш план, становится очевидной бессмысленностью. Правителю плевать, какой вы, хороший или плохой. Будь вы хоть золотой, в первую очередь вы для него вы враг, желающий отнять у него власть.

Благородство мотивов тоже не имеет значения. Если хозяин фабрики все соки из рабочих выжимает, а вы хотите озолотить рабочих (допустим, это святая правда), вас это никак не усиливает. Владелец не отдаст вам власть над фабрикой, умилившись вашими благими намерениями. Он продолжит достигать свою цель. Если оптимальный способ достижения — выжимать все соки из рабочих, он будет их выжимать. Вы можете стыдить его сколько угодно, но это будет просто сотрясение воздуха, на которое он даже внимания не обратит. Поэтому не стоит витать в облаках и переоценивать значение благородных мотивов.

На этом основании расстанемся с мифом, согласно которому власть можно получить, если доказать всем и вся, что нынешние правители плохо управляют, а вот мы будем хорошо. Если называть вещи своими именами, власть в современном мире есть не инструмент служения обществу и не бремя, а личная кормушка, источник статуса и удовольствий. Борются за нее с тем, чтобы не народу жизнь устроить, а себе.

Это несколько циничная правда, но у нее есть огромное преимущество — это правда. Да, раньше власть отдельные личности могли понимать как служение Богу через заботу о народе. Сейчас, в эпоху тотального неверия и культивирования принципа «живем один раз, и потому бери все, что можешь, сейчас», ничего подобного невозможно. Поэтому не стоит даже планировать тратить время на собирание фактов, доказывающих, что власть у нас плохая. Оптимально тратить время и силы на обретение ресурса. Это единственное, посредством чего можно начать реальную борьбу за власть и иметь шанс на победу.

ГЛАВА 3

Хрупкость

Добровольно с властью никто не расстанется (как с деньгами). Но так как без нее нет доступа к общественному ресурсу, единственный реальный вариант — искать, как обрести ресурс, позволяющий вступить в борьбу с нынешними правителями.

Подобная цель выглядит непривычной, и потому за нее страшно браться. Одно дело на кухне об этом поговорить, после чего снова погрузиться в текущую жизнь. Другое дело — начинать разговор изначально для того, чтобы реализовать его результат.

Мы ищем людей, не просто любящих поговорить на эту тему, но способных от слов перейти к делу. В теории на это способны все. Но многих сковывает надуманный страх. Для таких скажем, действие никогда не бывает таким страшным, как его рисует воображение. Стоит вспомнить, у страха глаза велики, и уже не так страшно. Как говориться, глаза боятся, руки делают. Стоит начать (только по-серьезному, а не так, как привыкли многие кухонные патриоты), и вы увидите — не страшно (и получается).

В истории можно найти много случаев, когда огромный и непобедимый с виду противник на поверку оказывался колоссом на глиняных ногах. Большинство современных систем именно таковы. Они кажутся громадными, могучими, несокрушимыми, но при этом еле-еле держатся. Чтобы их сломить, надо ткнуть пальцем в нужное место. Задача номер один: понимать слабые точки колоссов и иметь палец, которым ткнуть. Дальше «здание» начнет само себя рушить за счет нарастающей волны разрушений (эффект домино).

Любая система в чем-то слаба, в чем-то сильна. Кто понимает то и другое, у того есть шансы. Александр Македонский взял власть над Персией не потому, что обладал чудесной силой. Просто он понимал слабые стороны противника, благодаря записям Ксенофонта, участвовавшего ранее в походе на Персию.

Очень коротко о сути этих записей: родственник персидского царя, Кир Младший, был сатрапом (губернатором) одной из провинций. Прекрасно зная качество человеческого материала персидского войска, он нанял 10 000 греческих наемников и пошел войной на Кира. По трагической случайности губернатор погиб в самом начале первого же сражения. Греки отступили, а Ксенофонт описал историю похода в книге «Анабазис» («Путь домой»).

Александр наизусть выучил «Анабазис» и понимал причины, подвигнувшие губернатора не бояться воевать против всей Персии.

Наместник знал цену персидской армии: против греческой она, несмотря на многочисленность, так же беспомощна, как миллион 80-летних старушек перед тысячью бойцами спецназа ГРУ (некоторое преувеличение, но суть уловлена).

Не погибни восставший сатрап, у него были все шансы получить тот же результат, что потом получил Македонский. Если предположить в Кире Младшем более тонкого политика, можно не сомневаться, он достиг бы еще больших результатов, чем Александр. Но из-за трагической случайности спартанцы, нанятые губернатором персидской провинции, проиграли персидским «старушкам». Александр знал: мощь Персии — пропагандистский пузырь. Царь Дарий мог выставить армию в миллион человек, что поражало воображение обывателя, но Александра это не трогало, ибо он понимал качество этой армии. Знал: против греческой фаланги, основной военной силы того времени, персидское войско не устоит. Один спартанский воин представляет большую силу, нежели десять персидских воинов.

Дарий тоже отличал пропагандистскую мощь от реальной. Зная цену воинским качествам своего народа, он не хотел сражения. Свою задачу персидский царь видел в том, чтобы избежать сражения, сохранив авторитет. В победах без военного столкновения у персов имелся большой опыт. Персидские цари побеждали путем интриг и подкупа.

Дарий трижды предлагал Македонскому астрономические суммы и земли в качестве отступного. Первое предложение он сделал перед битвой при Иссе. Македонский ответил: «Царь Александр — Дарию... Не пиши мне как равному. Все, чем ты владеешь, — мое. Если тебе что-то понадобится, извести меня в надлежащих выражениях, иначе я буду рассматривать тебя как преступника. Если ты хочешь бороться за свой трон, сражайся, а не беги прочь. Где бы ты ни укрылся, будь уверен, я найду тебя».

Дарий обиделся, но после поражения при Иссе вновь сделал предложение о мире с еще большими уступками. Александр снова отверг. Перед битвой при Гавгамелах Дарий еще раз предложил Александру мир и неслыханные уступки. Помимо громадных денежных сумм и территорий он предлагал своего сына Оха в заложники. Из-за необычности предложения Александр вынес эту проблему на обсуждение военного совета. Военачальник Парменион заявил: «Если бы я был Александром, я бы принял эти предложения». «И я бы их принял, — ответил Александр, — если бы был Парменионом». Дарию в третий раз было отказано. В итоге Александр взял ВСЕ.

Македонский ни разу не обсуждал тему раздела Азии с Дарием, поскольку не считал его хозяином Персии. При этом можно не сомневаться, все бумажки, определяющие Дария хозяином Персии, были в порядке. Но у Македонского ГЛАВНАЯ «бумажка» была в порядке —

сила.

Вопросов легитимизации прав у сильного никогда не возникает. Дарий имел все права на Персию, но Македонский имел силу, и все встало на свои места. Николай II писал в анкете: «Хозяин земли русской». Его наследники по закону имели все юридические права на актив. Но вот незадача, не имели силы. Никому не известный Ленин имел только силу без прав. В итоге он стал хозяином земли русской. А наследники царя... Одни были расстреляны, другие отправились за границу... доживать свой век и возмущаться.

В этом смысле Дарий был в чем-то похож на русского олигарха. Формально он как бы хозяин своих активов, но фактически — административный распорядитель. Его воля в рамках бытовой сферы — яхты покупать, дворцы и прочее. Стоит выйти за рамки, то есть создать малейшую угрозу, ситуация изменится. Власть не будет с ними торговаться по той же причине, по какой Александр не торговался с Дарием. Его тут же поставят на место (выбор небогат: или слушаться, или в Лондон, или в Сибирь). Персидское общество признавало власть царя, пока он не отказывался от вызова. Это ограничивало стратегические инициативы Дария. Например, он не мог пользоваться советами грека Мемнона, служившего еще царю Филиппу, отцу Македонского.

Грек говорил Дарию — с Александром нельзя вступать в бой по ряду причин, и приводил основания. Но персидские вельможи, имевшие влияние на царя, были не военными стратегами, а мастерами аппаратных игр и интриг. Они попросту не понимали характера опасности и сути советов грека. Больше думали, как использовать факт победы в своих интересах. Как победить Македонского, о том они не думали вообще, это казалось им очевидным, потому что они тоже были жертвами пропагандистского мифа.

В такой атмосфере наемный греческий полководец, единственный из всех понимающий ситуацию и правила игры, был бесполезен. Он был подобен человеку, дающему советы людям, не умеющим играть в шахматы. Он советует отдать коня, чтобы потом поставить мат. Но горе-игроки от одного предложения пожертвовать конем впадают в гнев и начинают подозревать в предательстве.

Будь у Мемнона возможность командовать армией, он бы компенсировал качество человеческого материала персидской армии стратегией и тактикой высокого уровня. Наполеон говорил: один араб победит пятерых французов. Но десять тысяч французов победят пятьдесят тысяч арабов. Если бы у арабов был свой Наполеон, преимущество арабов сохранилось бы. Но так как Наполеон был у французов, арабы проиграли.

Если бы Македонскому противостояла сопоставимая в полководческом смысле величина, у него не было бы шансов. Персы выиграли бы за счет

численного преимущества, несмотря на более высокое качество греческих воинов и гениальность Македонского. Но командиры персидской армии даже рядом не стояли с Александром. Они были хороши для карательных экспедиций среди гражданского населения. Против военной машины они были беспомощны, как милиция беспомощна против армии.

Персидская бюрократия не могла передать командование греку. Все это понимали. Мемнон тоже понимал и потому пытался отговорить персов от войны. Он доказывал: если Македонский проиграет, ничего страшного, обычная воинская неудача. Но если вы проиграете, потеряете страну. Грек предлагал тактику «выжженной земли»: отходить вглубь страны, оставляя за собой пустыню — уничтожать посевы, сжигать селения, города; хлеб увозить, скот угонять. Армия Македонского умерла бы от голода, жажды и прочих проблем, неизбежных для большой массы людей, оказавшихся в пустыне.

Персидские вельможи, крупные землевладельцы, даже слушать не хотели подобных советов. Вместо благодарности они обвинили Мемнона в намерении подорвать экономическое могущество страны, то есть в измене и прочих зловредных замыслах.

Мемнон предлагает другой план: послать в Македонию десант из нескольких десятков тысяч персидских воинов. На боеспособности персидской армии это не скажется, а Македонский перед угрозой захвата своего царства вынужденно отступит. Советы греческого полководца и стратега Мемнона персидские политики были не в силах услышать, потому что говорили на разных языках и преследовали разные цели. Они не думали, как победить Македонского. Они думали, как сохранить привычный стиль жизни и как в будущем выторговать себе различные преимущества у царя.

Кстати, современные вельможи перед лицом кризиса — в аналогичном положении. Они все уверены, что кризис как-нибудь победят, потому что, а как же иначе? Они не думают, они живут привычной текучкой устоявшейся жизни. И они проиграют, как персы.

Александр был на голову выше персов, людей, похожих на современных чиновников. Они имели безопасную сытую жизнь и не умели играть в те шахматы, которые им навязывал Македонский. Золото для Александра было не способом обустроить быт, а фишками для игры. Характерный поступок: он вложил в армию все свои ресурсы. На вопрос друзей и близких, что же он отставляет себе, Македонский ответил: «Себе я оставляю надежду».

Александр понимал особенности персидского общества. Он знал: нестандартные, но единственно верные советы Мемнона персидские вельможи не воспримут. В такой ситуации царь не мог пойти на разорение своей земли. Кроме того, царь Персии обязан присутствовать на главном сражении. Этого требовали обычаи, и это была слабая точка персидской

военной машины. Если поколебать центр (царя), вся масса армии, ни секунды не думая, обернется в бегство.

Македонский дважды бил по этой точке, и Дарий дважды бежал с поля боя (первый раз в битве при Иссе, второй — при Гавгамелах). Это было не продуманное отступление, а бегство в панике и от страха, бросая все. Царь не спасал свою жизнь, ведь бегство было равно самоубийству и означало утрату божественного статуса. Убежавший царь или выдавал себя за божество (обманывал), или боги отвернулись от него. В том и другом варианте его ждала смерть от своего же окружения.

Дарий все это понимал, но под напором Македонского с одной стороны, и своей природы с другой, бежал как трус. Он не отступал по стратегическим причинам, он именно бежал, не в силах преодолеть животный страх.

Персидские чиновники, отступавшие с царем, впоследствии казнили Дария. Потом Македонский казнил этих чиновников за то, что они взяли на себя смелость решать вопросы, выходящие за рамки их компетенции.

ГЛАВА 4

Выборный вариант

Воодушевившись примером Македонского, приступим к делу. Благо, Конституция предоставляет нам право бороться за власть посредством выборных баталий. Там сказано, каждый имеет право выбирать и быть избранным президентом страны.

Едва начав рассмотрение выборного пути, мы сразу попадаем в тупик. Первое: участие в выборах за высшую власть требует гигантских денег и безграничного доступа к федеральным каналам СМИ, что возможно только при наличии административного ресурса. Но это не самое главное. Второе: чтобы реализовать конституционное право, прежде нужно получить разрешение на его реализацию у... власти. Кто не получит, тот не реализует свое право быть избранным.

Чтобы получить разрешение, нужно пройти процедуру регистрации. Кажется, какие проблемы. Но проблемы есть. Дело в том, что вас не зарегистрируют, если обнаружат нарушения. Если человек занимался какой-либо деятельностью, не важно, бизнесом или на госслужбе, уже одно это дает 100 % гарантии — нарушения у него есть.

Любая система устроена таким образом, что не может работать так, как

написано на бумаге. Она может функционировать, если люди нарушают писанные правила в угоду неписаным. Работать в системе без нарушений нельзя. Существует даже термин «итальянская забастовка», когда люди начинают делать все точно по инструкции, то есть нарушают неписанные правила, система перестает работать.

Смотреть на нарушения можно по-разному. У своего нарушений не узрят. У чужого обнаружат кучу нарушений. У независимого в теории суда ВСЕГДА найдутся основания для отказа вам в регистрации партии или снятия вашей кандидатуры с выборов.

Для особо наивных приведем характерный пример. Бывший прокурор России, оказавшись в оппозиции, решил выбраться в Думу. Казалось бы, прокурор точно знает все законы. Но его сняли с выборов за нарушение. Не указал в бюллетене ученую степень или что-то в этом духе. А если бы указал степень (и даже точное количество волос на голове), нашлось бы множество иных причин, хороших и разных.

Как ни крутись, а получение власти через выборы нереально. Особенно если не забывать о возможности физически ликвидировать кандидата в президенты, как неоднократно случалось в Америке. Есть и другие методы устранения. Когда на карту поставлен куш в виде власти, люди идут на все. На войне как на войне. Поэтому расстанемся с мифом о возможности получать власть через выборы.

ГЛАВА 5

Силовой вариант

Какой еще вариант остается? Если борьба по правилам невозможна, а без борьбы власть не получить, остается борьба без правил. В конце концов, любой передел власти незаконен (если судить по закону свергнутой власти). Но поскольку любой мятеж кончается неудачей (в противном случае его зовут иначе), давайте рассмотрим силовой вариант.

Чтобы в этом не узрели нарушения закона, представим себя гражданами США, в Конституции которых черным по белому написано: «Граждане имеют право на владение оружием. Если Правительство не выполняет свои обязательства перед Народом, Народ имеет право вооруженным путем восстановить свои права». Иными словами, народ имеет право о себе заботиться любым путем. Остальное — нюансы.

Грубая сила — хорошее «лекарство от морщин». Главный минус —

много крови. Но кризис при любом развитии предполагает кровь. Причем, если мы ничего не будем делать, крови прольется еще больше. Так что кровь — не аргумент. Вопрос нужно ставить: не как избежать крови, а как избежать большой крови. При кажущейся простоте силового захвата власти возникает множество проблем. В первую очередь детская наивность, с которой люди берутся за реализацию этого варианта. Дело даже не в том, правильно или неправильно они запасаются оружием, готовят бойцов и прочее. Дело в том, что они не понимают технологии, посредством которой предполагается это делать.

С легкой руки писателей и кинорежиссеров в нашем сознании запечатлелись сцены, которые «горячие головы» по умолчанию рассматривают инструкцией по взятию власти. Например, штурм матросами Зимнего дворца считают ключевым событием (реально оно имело такое же значение, как взятие винного магазина).

Революционные фильмы сотворили целое поколение людей, уверенных: захватить власть можно посредством собирания митингов и расклейки листовок. «Раз в фильмах листовки клеят, митинги собирают, Зимний дворец штурмуют и хором поют, а в конце фильма получают власть, значит, если мы будем делать то же самое, — рассуждают наивные, — получим тот же результат». И на последние копейки клеят листовки, хором поют, даже Администрацию на Старой площади штурмовали. В итоге тот, кто призывал взять власть через штурм Администрации, вместо власти подставил поверивших ему людей.

Для профессиональных большевиков это было бы так же смешно, как врачу смешно смотреть на применение электрошока актером кино (трет пластины друг о друга, прежде чем приложить их к сердцу пациента). В реальности это вызовет короткое замыкание и взрыв. Но режиссер этого не знает, зрелищный эффект важнее. Ему подражают другие режиссеры, и из фильма в фильм кочует эпизод, где реаниматор трет друг о друга электрические пластины прибора.

Зафиксируем: люди не знают технологии силового взятия власти, как не знают о правильном применении электрошока. Они копируют поведение актеров, но реально толкут воду в ступе, что не просто распыление сил, но и пустая трата времени.

Кстати, если бы кинотворец случайно выдал произведение, описывающее реальную технику взятия власти, спецслужбы не пустили такой фильм в массы. Более того, при СССР такого автора в тюрьме бы сгноили. На всякий случай.

Решение силой взять власть ничего не стоит без понимания его реализации. Бытующее сегодня мнение, что главное здесь набрать вооруженных людей есть глупость. Для подтверждения подобного вывода определим сущность того, на кого возлагается главный упор силовой операции — на человека с ружьем.

По сути солдат есть «бегающий автомат». Спектр его дееспособности очень

узкий. Как ни покажется странным, но в силовой операции солдат — вторичный и даже третьестепенный элемент. Убедиться в этом просто.

Представьте: автомат сам бежит и стреляет. Он робот, ему не нужен человек в качестве носителя. Допустим, послушные, бесстрашные и непобедимые «автоматы-роботы» собраны, организованы и захватили Белый Дом. Вокзал, телеграф, телефон, банк и прочие ключевые узлы — все в ваших руках. Что дальше? Подчеркиваем, речь не о грабительской операции, а о захвате власти, то есть о решении вопроса по захвату, удержанию и использованию.

Силовой захват — первая часть операции. Далее нужно установить контроль над ключевыми узлами государства. Кто-то должен выехать на места и решать вопросы. Солдат туда не пошлешь. Они могут быть в качестве поддержки, не более. Вопрос: кто возьмется за решение этих сложнейших проблем?

В США 50 штатов. В ближайшие часы-дни нужно установить контроль над ключевыми, их около десятка. Плюс разные архивы, спецобъекты, армия и прочие жизненно-важные объекты.

Кто будет устанавливать контроль? «Бегающие автоматы»? Смешно уже на уровне теории. Как бы хорошо они ни стреляли и быстро бежали, для работы такого уровня даже самые идеальные смелые и честные профессионалы не годятся. Их проще на скрипках научить играть, чем такую работу выполнять.

«Бегающие автоматы» нужны для непосредственного исполнения силовой части операции. Для планирования операции по захвату, равно как по удержанию и использованию власти, они не годятся.

Любая операция, силовая в том числе, начинается с крупных организаторов, способных ее осмыслить. Команда таких людей может в равной степени как составить стратегию, разработать план, собрать и организовывать «бегающие автоматы» в «машину из людей» и прочее, так и взяться за решение возникающих в процессе операции более глобальных вопросов.

Переложить такую деятельность на плечи исполнителей в принципе нельзя. Исполнители исполняют предписанные действия, сами себе они задач не ставят. Для дела же нужны мыслители-организаторы, оперирующие масштабом, пропорциональным теме.

Трое — пятеро могут составить план операции, собрать «бегающие автоматы» в структуру и реализовать вооруженный захват. Но для удержания и использования власти нужны десятки и сотни крупных людей. Где их взять? Вокруг чего объединить? Пока на эти вопросы нет ответов, все разговоры о вооруженном восстании — пустой треп.

Эта глава имеет целью остудить «горячие головы», у которых храбрости много, а ума мало. Соваться в военную операцию без головы неперспективно на уровне теории. Для силовой операции в первую очередь нужен не отряд воинов, а команда крупных интеллектуалов, организаторов и личностей в одном лице. Пока такой команды нет, дело

дальше мышиной возни, предел которой — митинги на площадях, не сдвинется.

ГЛАВА 6

Центр силы

Что может объединить десяток, лучше сотню, в идеале тысячи крупных людей в команду? Деньги? За всю историю человечества вокруг денег больше трех — пяти человек не объединялось. Размер имеет значение. Если нет потенциала для образования большой команды, мыслей о власти не может быть.

Деньги — не тот фундамент, на котором реально построить команду. Может, таким фундаментом являются личные отношения? Увы, нет. Сколько соберется людей вокруг идеи «мы честны друг с другом, помогаем друг другу и стоим друг за друга горой»? Не больше десятка. Превышение этого количества ведет к распаду на группы в пределах пяти — десяти человек.

Единственное, что является платформой для объединения сотен и тысяч крупных людей, — идея. Как небоскреб есть соединение миллионов тонн строительного материала на едином фундаменте, так крупная команда есть соединение сотен и тысяч крупных людей на единой идее.

Идея высвобождает гигантскую энергию. Она может подвигнуть человека на нерациональные поступки, противоречащие земной логике. Только идея дает место для всех видов подвига — интеллектуального, военного, творческого и прочих.

Римский юноша Сцевола Гай Муций был пойман во время дерзкой вылазки против врага, осадившего его город. Им двигала идея патриотизма: он хотел убить царя, но ошибся и убил писаря в царской одежде. Когда его привели к настоящему царю, Сцевола опустил руку в горящий рядом огонь и продолжал, как ни в чем не бывало, разговаривать. Юноша беседовал с царем, а рука горела. Пока рука обугливалась, Сцевола не показал ни единым звуком свою боль. Потрясенный царь Порсенна снял осаду и отступил от Рима.

Разные горючие вещества дают разную температуру. Антрацит — тысячу градусов, дерево — несколько сотен градусов. Деньги тоже зажигают человека, но это горение всегда по накалу будет слабее идейного. Если сравнить человека с атомным ядром, высвободить его колоссальную энергию может только идея. Но при этом идея зажигает только чистые

сердца. Грязь и нечистоты не горят. Они смердят.

Идея настолько сильная субстанция, что оживляет любую среду. В любых условиях она дает гигантские, ни с чем несравнимые плоды. Яркий пример — институт «воров в законе» в России, удивительно устойчивая субкультура.

Никакое явление не может иметь устойчивости, если под ним нет идейного основания. Основание института «воров в законе» уходит корнями в петровские времена, когда часть народа считала царя Петра антихристом. Он сбрасывал мужчинам бороды, заставлял их носить колготки. У народа были все основания считать: точно антихрист.

Люди не признавали власть Петра от Бога. За этим непризнанием следовало неподчинение системе. Если власть не от Бога, значит и вся построенная вокруг нее система тоже не от Бога. Все образующие систему члены тоже оказывались вне закона. Прямые царевы слуги и обыватели, признающие власть, платящие налоги и молящиеся о здравии царя, считались вне Божьего закона. В Законе были только отрицающие власть царя-антихриста. Они жили по Закону, тогда как прочие, в их глазах, поклонились антихристу. Лучше сжечь себя заживо, чем быть слугой царя-антихриста.

Оказавшиеся вне системы люди должны были как-то кормиться. Оптимальный вариант — грабить слуг антихриста. Это был не коммерческий грабеж (с целью наживы), а что-то вроде партизанского движения. Естественно, под этим предлогом промышляли и простые разбойники, но идея борьбы против власти не от Бога получила прописку в жизнь, причудливо соединившись с уголовным миром.

Идейных борцов против царя-антихриста стали называть «ворами в законе», то есть в Божьем Законе. Солдата по аналогии можно называть «убийцей в законе». По факту он убивает, но так как его мотивом является высокая цель, он не убийца в бытовом или коммерческом смысле. Он именно в Законе, потому что убивает ради идеи, а не ради выгоды.

Проходит время, и власть утрачивает черты антихриста. Народ снова начинает считать ее от Бога. С утратой идеи институт «идейных воров» сдувается. К началу XX века идейные партизаны (они же разбойники) практически сходят со сцены.

Но вот власть берут большевики, прямо утверждающие: наша власть не от Бога. Иными словами, они объявляли себя вне Божьего Закона. С новой силой возрождается институт «воров в законе». Огромное количество людей, принципиально отказывающихся считать власть Ленина легитимной (то есть от Бога), становятся идейными партизанами. Под этим «брендом» появляется множество коммерческих уголовников, для которых грабежи и кражи — источник прибыли, но движущей силой остались идейные воры, не признававших законы большевиков и акты гражданского состояния, не получавших паспорт, отказывавшихся иметь прописку и прочее, ибо не

видели для этого оснований.

Чтобы понять их мотивацию, представьте: ваш сосед объявил себя властителем района. Он выпустил документы, удостоверяющие вашу личность, претендует на регистрацию ваших отношений с другими людьми, выдает свидетельства о собственности и прочее. Естественно, вы не признаете бумажки, выпущенные соседом (паспорт, права, разные свидетельства и прочее) законными, потому что не считаете его властью.

В советский период идея и нужда опять сплетаются. Вновь возникает движение партизанского типа. «Партизаны» не считали грабеж обозов приспешников незаконной власти уголовным преступлением. Нападение считалось борьбой, обозы — военной добычей.

Людей, формирующих антисоветскую идеологию и отказывающихся считать власть большевиков законной, снова начинают называть «ворами в законе». Они обосновывают «партизанское движение», и на идейной волне оно получает новое развитие.

По сути «воры в законе» — не уголовные воришки (фактически мелкие бизнесмены в рискованном бизнесе, ищущие прибыль). Первые «воры в законе» советского периода жили *по закону* партизан на оккупированной территории, движимые идеей отрицания права большевиков на власть.

Архивы хранят множество героических и одновременно фантастических историй про эту субкультуру. Нередко люди принимали страдание и умирали за свои убеждения. Так себя может вести человек, которым движет не жажда наживы, а действительно высокая идея.

Известная история связана с Королевым, отцом советского ракетостроения. Его, молодого парня, отбывающего ссылку, вдруг вызывают в Москву. Дело было зимой. Предстояло ехать в насквозь продуваемом товарном вагоне. У будущего главного конструктора СССР не было зимней одежды. Это означало, до Москвы он не доедет. Замерзнет. Но и не ехать нельзя.

Королев, молодой парень в тоненьком пальтишке, сидит в вагоне. Мимо два блатных идут, один в богатой теплой шубе. Проходя мимо Королева, он бросает ему: «Не доедешь, замерзнешь». Королев отвечает: «Замерзну». Блатной снимает с себя шубу: «На!», и бросает ее Королеву. Законник проходит дальше, и больше друг друга они не видели.

Королев всю жизнь помнил этот случай. Став всемогущим, он хотел найти этого человека и отблагодарить. Но как найти? Он даже лица его не помнил. Все случилось так быстро... Да и как он мог отблагодарить? Должность дать? Или денег?

Поступок вора явно нерациональный. Подобное мог совершить человек, живущий по другой шкале ценностей. Шуба в послевоенное время представляла собой гигантскую ценность. А «вор в законе» ее отдал. Просто

так, без всякой надежды на выгоду. Даже имени не спросил. Сейчас этот поступок не с чем даже сравнить. Вот вы идете мимо человека, который явно пострадал от квартирных мошенников и стал бомжом. А вы взяли и квартиру ему купили. Просто так. Реально? Потребительская система ценностей толкует это как глупое бессмысленное поведение. Но есть и другие системы ценностей.

Чем наш математик Перельман руководствовался, отказываясь от премии в миллион долларов? Тем, что премию предложили некомпетентные люди. Григорий заявил, что среди них есть много более или менее честных, но практически все они готовы терпеть тех, кто нечестен. Их поведение определяет конформизм, а не честность, и потому он не будет брать у них миллион. Когда ему надоели, он сказал: «Отстаньте от меня с этим дурацким миллионом».

Круто? Пока у людей нет мотива выше денег, они не способны совершать поступки. «Но скажите мне, молю, братья мои: если человечеству недостает цели, не ущербно ли само человечество?» (Ф. Ницше).

Становится понятно, почему карательный аппарат Сталина не сумел победить институт «воров в законе». Потому что воры были за идею, а сталинские силовики были обывателями, работающими за паек и набор лозунгов, в которые сами не верили.

Воров победили деньги. Ни у кого из тех, кого сегодня зовут «ворами в законе», нет цели выше прибыли. По сути это низший сорт коммерсанта, крысы, готовые зарабатывать на чем угодно, в том числе и наркотой торговать, и проституткок крышевать, и убивать по заказу. Пусть не сами лично, но суть не меняется — они не идейные, они коммерческие.

Именуют они себя «ворами в законе» по той же причине, по какой современные тред-юнионы зовут себя коммунистами — выгодно использовать раскрученный бренд. Как члены позднего КПСС забыли идею коммунизма, превратив партию в личную кормушку и источник всяческих благ, так и «воры в законе» забыли, ради чего все начиналось. Сделав своей целью деньги, они превратились в крыс коммерческого уклона.

Идейные лицемеры всегда свято блюдут лишь обрядовую часть. «Коммунисты» проводят съезды, где поют песни, не собираясь следовать словам этих песен* «Воры в законе» проводят сходки, где или обсуждают коммерческие проблемы, или коронуют новых воров, пишут поручительные записки типа «считаю такою-то братом». Но уровень их целей свидетельствует: это безыдейные приспособленцы, не знающие ни сути, ни смысла идеи, с которой начиналась эта субкультура.

На примере «воров в законе» видно: даже самую низкую среду идея облагораживает и делает бесконечно сильнее. Но чтобы люди загорелись идеей, нужен определенный накал. Высокая температура напрямую зависит от оснований, из которого выведена идея.

ГЛАВА 7

Понимающие

Для реализации идеи необходима команда единомышленников. Будут единомышленники — будут деньги и все, что можно купить за деньги. Не будет идеи — не будет команды и, соответственно, не будет ничего, кроме лицемерия.

На первом этапе нужны понимающие. Если человек говорит, мол, ничего не понимаю, но верю вам, его нельзя рассматривать как своего. Когда все вокруг бегает за любым, кто готов записаться в единомышленники, наше заявление выглядит капризом или оригинальничанием. Но это не так, нашей позиции есть логичное обоснование.

Какой мотив у человека, не понимающего нашей идеи, вкладываться в нас тем или иным способом? Только если он видит какую-то пользу для себя. Но чтобы что-то видеть, нужно, чтобы это прежде материализовалась. Если бы Эдисон принес идею лампочки в расчетах на бумаге, человек вложил бы в эти расчеты при условии, что понимает их.

Если понимания нет, мотив может появиться, если будет демонстрационная модель (светящаяся лампочка). Человек не разбирается, почему она светит, но видит — точно светит. Появляется интерес к тому, что увидел своими глазами.

Чтобы непонимающий увидел результат, чертеж должен кто-то реализовать. Но и для реализации чертежа нужен мотив. В итоге взяться за реализацию продукта, которого еще нет, может только тот, кто понимает идею и находит ее реальной.

Теория как музыка. Один смотрит на ноты и слышит звучание мелодии. Другой до одурения может смотреть на ноты, но музыки не услышит. Он ее услышит и оценит потом, когда ноты кто-то реализует на музыкальном инструменте. Аналогично с любой теорией, которую человек не понимает: пока не увидит результат, основания для действий нет. Понимание — единственный мотив реализовывать то, чего еще нет.

Если человек уверяет, что все понимает (а на самом деле врет), значит, он по косвенным признакам принимает нас за того, на кого мы, по его мнению, похожи. Он верит не нам, а тому, с кем нас путает. И ждет от нас соответствующего поведения.

Вопрос времени, когда возникнет ситуация, при которой «единомышленник» будет ждать от нас действий, например, религиозной структуры (представим, человек думает, будто мы что-то вроде филиала РПЦ,

и потому начинает помогать). Он по-прежнему заявляет «верю», но реально верит не нам, а своим ассоциациям. Как только он увидит действия, не соответствующие придуманному образу, это будет расшифровано как предательство.

В итоге мы на ровном месте, за счет собственных сил и средств, создадим сами себе противника. Чтобы предотвратить столь печальное развитие событий, мы контактируем только с теми, кто точно понимает, что мы делаем.

Идею нельзя приватизировать. Поэтому понимающий вкладывается не в нашу идею, а в свою. Понимание выступает в роли коллективного управленца и цензора команды. Отклонение от генерального курса невозможно скрыть.

Ситуация примерно как в ранней партии большевиков: люди приняли идею коммунизма за дело своей жизни. Такие не позволят спекулировать на идее или на себе. Спекуляции начнутся потом, когда партия обюрократится, а идея вошла в противоречие с собой и выхолостилась. На первом этапе направление задавали только те, кто, по общему мнению, был наиболее глубоким носителем идеи.

На низовом партийном уровне такая ситуация сохранялась вплоть до падения СССР. Рядовые партийцы реально выбирали парторгом того, кому доверяли, кто имел лучшие человеческие качества. Компартия сгнила наверху. На уровне первичных ячеек было очень много в высшей степени порядочных и честных людей.

В условиях доминирования идеи, если идейный крен становится принципиальным, понимающий в любое время может уйти. Непонимающий не может, потому что крена не замечает. Что начальство скажет, то для него и правильно. Причина: он не идее служить пришел, он на работу устроился.

Чтобы наша команда не превратилась в противоречивый сброд урапатриотического толка, который не знает, чего хочет, не умный и просто неинтересный, акцент только на понимающих.

Мы не соответствуем ни одному из существующих образов. Мы — новое явление. В новое нельзя верить, его нужно понять. Побудить верить в новое можно посредством чудес. Христос использовал такую технологию. Если бы Его слова не подкреплялись чудесами, Он не нашел бы такого количества сторонников. Такова человеческая природа. Мы не умеем делать чудеса и потому нам ничего не остается, как искать понимающих.

Подобное притягивает подобное. Если в насыщенный раствор соли опустить кристаллик соли, вокруг него вырастет большой кристалл. Если в этот же раствор опустить кусок говна, вокруг него никакого кристалла не образуется.

Умные люди могут собираться при условии, если понимают, ради чего они собираются. Иными словами, они должны понимать и разделять в первую очередь идею, во вторую очередь средство достижения идеи.

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ ЗНАЧЕНИЕ ИДЕИ

«Ты поступил неправильно, обнародовав учения, предназначенные только для устного преподавания. Чем же будем мы отличаться от остальных людей, если те самые учения, на которых мы воспитаны, сделаются общим достоянием? Я хотел бы превосходить других не столько могуществом, сколько знаниями о высших предметах».

Письмо А. Македонского Аристотелю по поводу опубликования им тайных знаний.

ГЛАВА 1

Важность идеи

Когда исчезает идея, общество уподобляется человеку, из которого вышел дух. Одно из ярких подтверждений этого — пленение Навуходоносором иудейской элиты. Как только завоеватель древности вывел из оккупированной Иудеи всех носителей идеи, священническую, правительственную и творческую элиту, оставшийся народ (крестьяне, купцы и ремесленники) тут же начал деградировать. К моменту возвращения иудеев из вавилонского плена это была налогооблагаемая база, не имеющая ни цели, ни смысла.

Чтобы глубже понять роль идеи в жизни общества (любое общество в основании имеет ту или иную идею), рассмотрим относительно современный пример — историю большевиков. Начнем с основ, с платформы, на которой базировалась их команда, — с коммунистического учения.

Еще раз вспомним: Маркс считал коммунизм неизбежным будущим человечества. В своем манифесте он призывал не ждать прохождения всех кругов эволюции, а ускорить процесс, произвести революцию. Если здание вот-вот рухнет, целесообразно не ждать, когда оно само упадет, а ускорить обрушение и на освободившемся месте построить новое здание. В этом смысле Ницше, призывавший подтолкнуть падающего, был прав.

Маркс подчеркивал: революция имеет смысл, если она мировая. Здесь как с лечением от чумы: или нужно лечить весь организм, или вообще его не трогать. Лечить отдельно палец больного попросту глупо.

Мировая революция требовала ресурса, сопоставимого по мощности ресурсу крупной европейской страны. Иначе браться за дело это как одним экскаватором строить метро.

Намечался пошаговый план: сначала взять власть в стране, обладающей соответствующим ресурсом, и далее, используя его, приступить к мировой революции. По марксизму, если захват власти имеет целью тот или иной вариант «насладиться», вместо разрушения старой конструкции произойдет ее модернизация, в результате старых дворян просто сменят новые. Ради смены элит незачем ввергать в пучину огромных страданий целый народ.

Коммунизм ставил целью не смену элит (шило на мыло), а смену строя. Страдания выглядели оправданными в одном случае — ради построения коммунизма (справедливого общества) на всей планете. Или коммунизм во всем мире, или не начинаем дело. Затеять местечковую революцию, по сути передел власти, противоречило идее.

Первая страна, где коммунисты возьмут власть, должна стать

плацдармом. Опираясь на ресурсную базу, они приступят к реализации революции на всей планете. Государство не рассматривалось коммунистами как самоценность. Оно изначально считалось дровами для топки пожара мировой революции.

Маркс отрицал любой вид патриотизма и национализма, находя их таким же архаизмом, как род или племя. Он считал коммунизм будущим не отдельного народа или империи, а человечества. И утверждал невозможность его построения в отдельно взятой стране, поскольку под национальным или патриотическим флагом он неизбежно из направляющей идеи превратится в идеологическую служанку, обслуживающую национальные интересы (точнее, интересы правящей касты).

В этих условиях вместо шага вперед получим шаг назад (вместо капитализма произойдет откат в новый феодализм, лицемерный и более уродливой формы). Феодал открыто говорил своим подданным: «Я властвую над вами, потому что сильнее вас». Новый феодал будет говорить: «Я властвую над вами, потому что вы меня выбрали».

Будут те же холопы и те же дворяне. Назовут их по-другому, но суть не изменится. При монархической системе хотя бы все называлось своими словами. При либеральном феодализме все будут обманывать всех. На трибуне — одно, в реальной жизни — другое. Система, построенная на гнилом фундаменте, неизбежно рухнет. И зачем тогда огород городить?

Построение коммунизма в одной стране нежелательно еще и по техническим причинам: нужен железный занавес, а это приведет к отставанию во всех сферах. Давление извне на закрытую страну будет нарастать, пока не раздавит ее. Как помидор ботинком. Если открыть такую страну для внешнего мира, она, чтобы идти в ногу со всеми, будет играть по общим правилам, то есть встраиваться в мировую систему. Как только это случится, вопрос времени, когда внешняя среда растворит в себе коммунистическую страну.

Это наглядно подтверждает пример СССР. Как только он открылся миру, мир его в себе растворил. События 1991 года — лишь видимая воронка на месте секунду назад погрузившегося в морскую пучину судна.

Установка распространять коммунизм на весь мир следовала не из эмоций и непомерных амбиций, а доказывалась математически. Необходимость мировой революции подтверждалась беспристрастной логикой. Эту логику понимали все без исключения ключевые фигуры идейной группировки большевиков. Они были интернационалистами не потому что это круто звучало, а потому что вытекало из мировоззрения и логики борьбы. Все или ничего. Или ускоряем идущее в рай судно по имени «человечество», со всеми его каютами, или вообще ничего не ускоряем. Идея придать ускорение отдельной каюте судна глубоко абсурдна.

Ленин был посредственным мыслителем, но гениальным тактиком. Он

ощущал нерв ситуации, понимал ее ткань. Активизировав невостребованную элиту, Владимир Ильич создал на фундаменте коммунистической идеи мощнейшую команду.

Ленинская пропаганда была построена на предложении задаться вопросом: если капитализм неизбежно сменится коммунизмом, как недавно феодализм сменился капитализмом, зачем встраиваться в конструкцию, клонящуюся к историческому закату? Давайте создадим новую!

Это работало на всех: и на идеалистов, и на прагматиков. Прагматики думали: зачем делать ставку на царское правительство, если оно вскоре рухнет? Не разумнее ли присмотреться к оппозиционным силам? Идеалисты спрашивали себя: ради чего терпеть плохую ситуацию? Зачем ждать ее изменения естественным путем? Почему не ускорить процесс разрушения? Революция (ускорение) выглядит предпочтительнее эволюции (естественного развития), если развитие идет в сторону земного рая.

Для полуфеодальной России коммунизм и капитализм были одинаково фантастичны. Но ленинский проект отличался дерзостью замысла. Когда большинство противников феодализма (монархии) предлагали капитализм, то есть догонять передовой мир, Ленин предложил создать сверхновую модель и перегнуть эпоху. Это привлекало передовых людей соответствующего уровня из всех слоев общества и рождало желание рискнуть и сделать шаг в неизвестное.

Люди исходили из правила: точка отсчета действия — теория. Решающее значение имеет не столько ее верность, сколько цельность и вера в ее истину. Детали по ходу движения к цели прорисуются. И еще признавали очевидное: нельзя абсолютно точно реализовать теорию. Любой практик знает: чем крупнее задача, тем сложнее учесть все до мелочей. На определенном этапе это становится невозможно.

И действительно, Маркс и Ленин описывали одну модель, на практике получилась другая. Жизнь сложнее любой теории. Если не приступить к действию до тех пор, пока все до последней детали будет ясно, можно и не начать никогда. Нужно действовать, когда в общих чертах уловлены контуры конструкции и направление движения.

Развитие сложной системы непредсказуемо как погода. Нереально учесть все детали, вплоть до взмаха крыла бабочки. Но если смотреть в крупных штрихах, можно понять: после зимы наступит весна. Она может быть дождливой, ранней, солнечной, холодной, но все равно сменит зиму. Общее понимание позволяет действовать сообразно ситуации.

В развитии человеческого общества существуют закономерности, которые из-за большего масштаба во времени трудно постижимы. Смена времен года идет в

масштабе человека. Смена мировоззренческих «времен года» вытянута в тысячелетиях, минимум в веках. Человек не охватывает такой масштаб. Если окружность мала, то видна ее округлость. Но если она гигантская, линия кажется не изгибающейся дугой, а прямой. Чтобы увидеть круглость, нужно осмыслить мир в целом. Эта работа неподъемна для большинства.

Первое действие всегда начинает элита. Простой человек, как бы ни был умен и честен и каким бы ресурсом ни обладал, первым глобальное действие не начнет, потому что не способен охватить весь «корабль» — целое. Он потом может подтянуться, но чтобы первым... никогда.

Практика всегда одна: чтобы перестроить существующую модель сообразно учению, нужен ресурс. Чтобы получить такой ресурс, нужна власть. Лидеры стягивают организаторов, возникает дееспособная команда. Начинается борьба за власть.

Деятельность интеллектуалов сводится к пропаганде учения. Не имеет значения форма пропаганды, каждой эпохе свойственна своя. Главное, она бодрит людей, делает их подготовленными и даже желающими достигнуть провозглашенной цели. Идея впитывается с огромной скоростью, превращая общество в ресурсную базу.

В глобальном смысле успех зависит не от верности учения, а от уровня его понятности и соответствия ожиданиям масс. Предлагаемая модель обязательно должна быть чем-то принципиально новым. Иначе это банальная война оппозиции за власть. Такое позиционирование не способно ни элиту привлечь, ни найти в обществе поддержку. Вторая составляющая успеха — соответствие особенностям исторического момента. Если такой момент действительно наступил, остро чувствуется ветер перемен. Распространяется как бы новый дух времени.

Заработала логика Ницше «подтолкни падающего». Мотивы были разные, но направление одно. При этом никто из строителей коммунизма не понимал, как выглядит коммунизм. Он был похож на сказку, где все будут жить как в раю, в свое удовольствие. Этого было достаточно. Люди думали: возьмем власть, получим ресурс, а дальше видно будет.

Для людей, понимающих или чувствующих неизбежность краха монархии, смутного ленинского представления о коммунизме было достаточно. Одними двигало желание перешагнуть через ступеньку, из феодализма сразу в коммунизм. Другие шли на поводу у шкурного интереса прыгнуть из грязи в князи. Совокупность интересов привела энергии в движение.

В логике Ленина чувствовалась правда. Коммунисты обличали монархию, постепенно и неумолимо трансформирующуюся в капитализм. Монархистам нечем было крыть, ибо это была правда, к которой они приходили в дискуссиях между собой. Из этого вытекала практическая задача: взять власть и поменять систему. Требовалось преодолеть эгоизм тех, кто питался от полуфеодальной

системы. Других объективных помех не было. Если сломить сопротивление паразитирующей части общества и получить власть, можно перенаправить социальную энергию на строительство коммунизма.

Вырисовывался контур цепочки технических задач. Первая задача: раскрыть большинству глаза и выделить элиту (самых волевых, умных и сильных во всех смыслах). Вторая: сплотить на основе идеи элиту в команду. Третья: с помощью команды активизировать народ. В итоге возникнет сила, способная преодолеть сопротивление сторонников монархии и капитализма. И завершающая задача: получив власть, приступить к строительству мирового коммунизма.

Сильные и умные стягивались вокруг идеи коммунизма. Лидерами двигало не желание получить власть, чтобы потом «насладиться», а именно идея. Они были готовы на что угодно, даже согласны были не дожить до практического торжества идеи. Единственное, что им претило в той ситуации, — бездействовать.

Эпоха пришла в движение. Возник мощный интеллектуальный и волевой поток, в основе которого лежало осознание справедливости. Большинство людей действовали, сражались и умирали, потому что считали это правильным. Их воля и интеллект образовали кумулятивную струю, прожигающую любую броню.

Высшая идея дала энергетический посыл. Никакие экономические требования не собрали бы под свои знамена такую энергию. Экономическая цель может привлечь прагматиков, мечтающих о власти ради ресурса. В лучшем случае возникла бы оппозиционная партия, использующая энергию широких масс, опираясь на которую можно приступить к выторговыванию себе куска пирога побольше и послаще.

Итак, вокруг учения Маркса сконцентрировалась чистая энергия, в своем потенциале способная прожигать любые препятствия. Призыв меньшего масштаба, например, национализм, элиту не соберет. В пределе сконцентрирует вокруг себя честных и волевых, но это будут не интеллектуалы, а рядовые бойцы, способные дерзко бунтовать, что показала партия Гитлера. Она ярко вспыхнула и вскоре погасла.

Чтобы собрались интеллектуалы, нужна высшая идея. Иными словами, они должны понимать, откуда выведен тот или иной посыл. Голые эмоции их не увлекут. Идея национализма (твоя нация — высшая ценность) не из чего не следует. Это просто чувство сродни родительскому инстинкту — мой ребенок самый лучший. Но то, что хорошо работает на бытовом уровне, в глобальном проваливается.

Как бы ни были храбры и честны люди, которых способна поставить под свои знамена идея национализма, в стратегической политической перспективе они 100 % покойники. Не смогут ни план глобальных действий составить, ни цели обозначить. Когда дым текущих сражений рассеется, будут строить ту же систему, что была до них. Разница в мелочах:

например, до Гитлера была демократия, где любой мог голосовать, при Гитлере голосовать мог только немец. Но принцип демократии, выборы, остался непоколебим. Нацисты не могли даже помыслить ничего иного, ведь их партия оказалась туловищем без головы. Какие бы ни были у него кулаки, срок жизни и потенциал ограничены.

Это ярко заметно на конфликте Троцкого и Сталина. Эти две исторически значимые фигуры признавали необходимость мировой революции и построения планетарного государства рабочих и крестьян. Оба соглашались: чтобы начать действие подобного масштаба, нужен соответствующий ресурс. Только власть давала «дрова» для мирового пожара. И взять ее можно было силовым путем.

Большевики справляются с организацией вооруженного восстания и приходят к власти. Далее начинают использовать захваченный плацдарм для реализации главной цели. Например, пытаются наладить Продажу угля в Англию ниже себестоимости. Цель: сделать добычу угля там невыгодной (выгоднее покупать его у России). Английские шахтеры оказываются на улице, и возникает революционная ситуация. Далее чистая техника: *недовольную* массу структурируют и повторяют успех русской революции. Когда получают власть, ресурсы Англии - в революционный костер. И так пока весь капиталистический мир не запылает и не сгорит за счет собственных ресурсов.

Рассматривались все варианты: от войны до агитации, от подрыва экономики до терактов. Не было средства, от которого отказались бы коммунисты, если оно вело к цели. Мы сейчас не касаемся вопроса, насколько это хорошо или плохо с позиции морали. Мы говорим об уровне решительности. За идею коммунисты готовы были убивать и умирать.

Технологий совершения революции в инженерном смысле была идеальной. Если смотреть на ситуацию в чистой логике, мировая революция не казалось бредом или запредельной фантастикой. Это была реальная задача. Да, гигантская, да, необычная. Но решаемая. И это придавало силы всем членам партии: Ленин говорил: если вовлечь в революцию развитые страны Запада, контуры мирового коммунизма обозначатся уже к 1940-му году.

ГЛАВА 2

Ответ

Представим" себя в роли правящих классов Запада. Мы понимаем опасность коммунизма, у нас нет иллюзий. Мы не можем сидеть, сложа руки и ждать,

когда местные коммунисты при помощи русских коммунистов сметут нас, как смели наших коллег в монархической России. Мы видим, русские коммунисты рвутся к объединению с немецкими. Если в Германии случится революция, русские и немецкие коммунисты образуют не просто идейную угрозу, но еще военную и экономическую.

Если родина Маркса соединялась с родиной Ленина, возникало мощнейшее политическое и экономическое образование. Россия с ее континентальной массой, природными и человеческими ресурсами плюс Германия с ее техническим и научным потенциалом образуют силу, которой никто в мире не сможет противостоять. Возникнет гигантский мировой водоворот, который неминуемо втянет в себя весь мир.

Помешать союзу России и Германии лобовым ударом (военной агрессией) нельзя. В такой ситуации нападать на потенциальных союзников значит толкать их друг другу в объятия. Оптимально столкнуть потенциальных союзников, как в свое время Россию времен Павла I англичане сравили со своим врагом — наполеоновской Францией, на тот момент бывшей самым лучшим другом России.

Цель звучала так: перевести социальные энергии из русла «за коммунизм» в русло «против коммунизма». Цело не из простых. Как сравить между собой немецких и русских коммунистов? У них есть стройное учение, нет фундаментальных разногласий. Кроме того; это идейная структура, а не политкоммерческая. В политкоммерческой у людей высшая цель свой быт обустроить и бюджет «пилить». В такой «партии» все можно «порешать» за деньги и должности. С коммунистами этот номер пройти не мог. Они были идейной партией, собравшей людей, готовых любой ценой реализовать идею и, если потребуется, умереть за свои убеждения.

На первом этапе правящие круги Запада принимают решение удержать нежелательное развитие ситуации через ряд провокаций. В рамках этого решения в период Первой мировой войны немецкие спецслужбы устраивают закулисные переговоры с Лениным. Результат — Брестский мир, заключенный в марте 1918 года между большевиками и Германией, по которому Германия получила от России огромные территории (10 польских губерний, называвшихся Привислинскими, Украина, Эстония, Литва, Латвия, Финляндия, Карсская и Батумская области, губернии с белорусским населением и ряд мелких приграничных земель). Еще Германия получала от России 6 миллиардов марок и 500 миллионов золотых рублей.

Это был первый шаг, в корне противоречащий логике пожара мировой революции. Ленин любой ценой был обязан поддерживать войну. Она ослабляла кайзера, поднимая шансы на революцию в Германии. Но он по непонятным причинам идет на этот в высшей степени странный мир, именованный даже в среде большевиков «похабный мир».

Большая загадка: зачем Ленин совершил действие, гасящее германскую и, как следствие, мировую революцию? Сам Ленин никогда не объяснял причину своего решения, вуалируя ее общими словами.

За Брестским миром потянулись другие странности. Например, было отклонено предложение Троцкого поддержать немецкую революцию мощью Красной Армии. Это походило на предательство, но исключается по причинам практического характера.

Предположение, что Ленин пошел на предательство ради денег, не выдерживает критики. В условиях, когда руководство партии состояло из пассионариев-мыслителей, а не завхозов и победителей аппаратных баталий, такое желание реализовать было нельзя. Если даже предположить, что Ленина подкупили, и он выступил с заявлением отложить мировую революцию или вовсе отказаться от нее, это было бы равносильно призыву восстановить монархию. Его бы свои убили. Так что подталкивать Ленина к чему-то подобному не имело смысла. К тому же, что может быть взяткой для человека, имеющего в своем распоряжении ресурсы огромной империи? Деньги? Смешно.

Можно предположить ряд причин, по которым Ленин не желал союза коммунистической сельскохозяйственной России с коммунистической индустриальной Германией. Например, пришлось бы с немецкими коммунистами делить власть как с равными.

Победа революции в Германии вызвала бы борьбу за власть в германско-русском коммунистическом союзе. Далее несложно просчитать: немецкие товарищи вытащили бы на свет компромат. Вождю мирового пролетариата могли вспомнить миллионы немецких марок, принимаемых им от кайзера, Брестский мир и многое другое.

Туманные объяснения Ленина по этому вопросу принимались, пока он был вождем. Если он утрачивал полноту власти, трактовка этих событий легко могла стать иной, вплоть до объявления Ленина предателем. Внутрипартийную борьбу за власть никто не отменял. И неизвестно, чем эта борьба закончилась бы лично для Владимира Ильича.

Революционный хаос создавал широчайшие возможности для провокаций и манипуляций, но мы далеки от мысли считать Ленина предателем. Причем, не из любви к нему, а по ряду практических соображений. В ситуации, когда необходимо принимать множество решений, не имея времени до конца осмыслить их, самый честный и преданный идее человек неизбежно совершит массу ошибок. При желании их всегда можно преподнести как предательство. А можно — как вынужденный или хитрый ход.

Как бы там ни было, подписание Брестского мира укрепило режим кайзера. Среди большевиков начались огромные разногласия. Команду Ленина обвинили в предательстве мировой революции. Возникла оппозиция, что

привело к формированию на Дальнем Востоке, в Сибири и Поволжье правительств, отрицающих власть Петербурга. Ленин вынужден был реагировать, и между бывшими соратниками началась гражданская война. Энергия, вместо того чтобы концентрироваться на общей цели, направляется на собственное уничтожение. Возникает диктатура победившей партии Ленина.

В результате этих и множества других хитросплетений Германская революция 1918 года была сорвана, лидеры немецкой революции — физически уничтожены. Германия, где бурлили революционные настроения, тоже ослабла. Она терпит поражение в Первой мировой войне. В январе 1919 года подписывает Версальский мир и становится Веймарской республикой, которая отдает все, что получила по Брестскому миру. Плюс ее обязывают выплачивать странам-победительницам огромную денежную контрибуцию.

Но все эти телодвижения были тактическими. В стратегическом смысле пожар мировой революции не был снят с повестки дня. Теория коммунизма продолжала будить энергии масс. Ленин был уверен в своей силе и потому мог допустить временное отступление. Лев готовился к прыжку. В марте 1919 года в Москве III Интернационал подтвердил на весь мир цель: создание Всемирной Федеративной Республики Советов.

Спецслужбы могли сорвать конкретную революцию и уничтожить конкретную личность, но не могли снять революционное напряжение в принципе и прекратить распространение идеи коммунизма, расходившейся на весь мир от реально существующего государства рабочих и крестьян.

Идею нельзя победить физическим гонением или политическими и экономическими манипуляциями. Идею может победить только другая идея. Пушки против идеи бессмысленны и беспомощны. Силовое давление на идейную команду дает обратный эффект. Чем сильнее Рим гнал людей за их веру, тем быстрее росло число новых христиан. Когда людей бьют за правду, на место одного убитого становятся несколько живых. *«Если пшеничное зерно, пав в землю, не умрет, то останется одно; а если умрет, то принесет много плода»* (Ин. 12, 24).

Убивать за правду значит умножать правду. Выражение Гегеля «умереть чтобы жить» отражает этот принцип. Второй глобальный пример: беспомощность инквизиции против идеи просвещения. Третьим примером грозила стать коммунистическая идея.

Помимо гигантской энергетики, возникающей вокруг правды (или того, что кажется правдой), сила коммунистического учения была в его логичности.

Это были не эмоции, которыми дальше массы пойти нельзя. Это было последовательное вскрытие закономерности развития человеческого общества на философском уровне.

Ситуацию прекрасно сознавал западный истеблишмент. Люди понимали: у них нет идеи, способной противостоять идее коммунизма. Призыв

обустроить быт не мог дать и соотой части той энергии, какую высвобождал коммунизм. Борьбу нужно было переносить в другую, не идейную плоскость. Нужна была технология, способная стянуть и развернуть против коммунизма разбуженные им энергии. Справедливые лозунги коммунистов было необходимо заставить работать против коммунистов. Бывшие союзники должны стать непримиримыми врагами.

Предстояло придумать технологию разворачивания силы врага против врага. Анализ показывал: такой разворот можно сделать только через эмоции. Логика могла выступать приложением. Требовалось нарисовать для народа иной образ врага.

ГЛАВА 3

Клин клином

Коммунисты указывали виновником буржуя. Надо было найти аналог буржуя. Нужен был козел отпущения. По ряду причин оптимальным образом врага в Германии оказались евреи. Когда решение было найдено, задача свелась к технике — созданию театра, актера и труппы (политической партии). На роль зрителей изначально планировались немецкие обыватели.

На первом этапе нужно было напитать массы энергией нового учения, внешне похожего на коммунизм. На втором этапе — структурировать сторонников нового учения в подконтрольную силу. И на третьем этапе — развернуть эту силу против России.

Возникает национал-социализм, учение, несопоставимое с коммунизмом по философской глубине. Кто читал «Майн кампф», подтвердит это. Фашисты делали выводы не из осмысления мира, до этого никто из них не поднимался, а из инстинктов обывателя, чванливого бюргера, в ком спал немецкий средневековый барон. Но этот ход позволил переключить разбуженные коммунизмом энергии в иную сторону.

Выводы из бытового шовинизма работали на массу лучше, чем выводы из цельного мировоззрения. Да, они не привлекали элиту, но этого и не требовалось. Функцию интеллектуальной элиты выполняли западные интеллектуалы.

Это был один из шедевров западного политического искусства. Коммунистическую риторику оставили той же, с незначительным для простого человека переносом акцентов. Например, изменили образ врага и друга. Врагом теперь был не «буржуй», а «еврей», другом — не «пролетарий», а «немец». До мелочей скопировали технологию коммунистов по работе с народом. Даже их

красный, фирменный цвет, оставили, вкрапив в него черную свастику. Коммунистов в прямом смысле били их собственным оружием.

Новое движение на глазах набирало обороты: своих проще определять по национальности, чем по философскому учению. Простому человеку призывы коммунистов и фашистов — на одно лицо. У тех и у других одинаковый набор лозунгов о справедливости и счастье. Но простому немцу приятнее и, главное, понятнее забота о счастье Германии и немцев, чем переживание о счастье всего мира.

Видеть врагом еврея тоже намного понятнее и приятнее, чем соседа-булочника, которого немецкие коммунисты предлагали считать врагом только потому, что у него своя лавка с булками. Булки как признак врага — совсем непонятно. Другое дело евреи. Они хотя бы виноваты в том, что их предки распяли Христа (что все без исключения апостолы были евреями, то не считается). Эмоциональные слова Гитлера о германском мече, завоевывающем землю для германского плуга, тоже были намного понятнее логики Гегеля и аргументов Маркса.

Простой и убедительный призыв объединяться всем немцам (а не всем пролетариям), образует гигантский импульс. Незначительные изменения коммунистической риторики позволили перевести ее в новое русло. Идея коммунизма заработала в обратную сторону.

Гениальная по наглости и эффективности операция по столкновению немецких и русских коммунистов начинается в 1919 году. К началу 1920 года партия национал-социалистов становится самой заметной политической организацией Баварии. Гитлер в роли поп-звезды приводит немецкую массу в экстаз. Он рисует коммунистов приспешниками евреев, слугами сатаны и предателями немцев. Под таким напором коммунизм для немца становится синонимом кровного врага, чем-то вроде пришедшего из ада антихриста.

Логики ноль, упор на эмоции. Запускаются невероятные «утки» типа «еврейские банкиры предлагают Германии рассчитаться за долги немецкими юношами и девушками». Причем делается это со ссылкой на иностранные газеты, которые сроду ничего такого не публиковали. Но масса не читает иностранных газет. Масса верит своим газетам.

Можно представить, какой подъем патриотических эмоций испытывал немецкий бюргер после прочтения такой «информации». Наверное, готов был рвать и метать. Он ненавидит евреев и коммунистов. Никакая логика и факты не могут поколебать его уверенности, потому что он знает из геббельсовской пропаганды об изворотливости евреев. Но его, бюргера, теперь не обманешь. Теперь он насквозь всех видит. И чем логичнее оправдание евреев, тем больше бюргер убеждается в жидовской изворотливости.

Технология пропаганды, используемая фашистами, в чистом виде коммерческая реклама. Факты не имеют значения. Имеет значение освещение

фактов, в том числе вымышленных. Геббельс говорит: «Ложь, повторенная сто раз, становится правдой». Он уничижительно отзывается об умственных способностях массы, но это только на руку антикоммунистической пропаганде.

Создание мифа о еврейской злокозненности имело вполне понятный практический эффект: он позволял говорить, что угодно и не заботиться, что тебя уличат во вранье. В сознании масс укрепились две аксиомы: а) немцы врать не могут; б) евреи не могут не врать. Если где-то выплывало вопиющее несоответствие между фактами и утверждениями официальной пропаганды, на помощь приходила заготовка про злокозненность евреев, которую простому честному немецкому парню даже разбирать нет смысла.

Не беда, что под фашизмом нет никакой логики. Ему не планировалось долго жить. Он как мавр: должен был сделать свое дело (снять коммунистическую угрозу) и уйти. Если бы даже фашисты выиграли Вторую мировую войну, в перспективе они развалились бы точно так же, как развалился СССР. У Рейха не было ни единого шанса сохраниться.

Отсутствие логики с лихвой заменяли деньги. США и Англия с 1924 года по 1929 год закачали в Германию 21 миллиард марок (план Дауэсса). Гитлера готовят к войне с СССР. Война была нужна Германии по многим соображениям, в том числе экономическим, поскольку это дешевле и выгоднее, чем выплачивать по обязательствам Версальского мира. В случае успеха война покрывала все расходы.

В тот период миллионы американцев голодали, а миллионы американских долларов шли на восстановление Германии, пострадавшей в Первую мировую войну. Президент Гувер делал героические попытки спасти банки и жизненно важные предприятия, но он не был ключевой фигурой. Его дело — хозяйство страны вести, а мировую политику «сделают» люди покруче. Иначе как объяснить отток гигантских сумм из страны, остро нуждающейся в них?

Любой президент по сути тот же мэр, только большего размера. У мэра куча работы: дороги чистить, сосульки сбивать плюс кормиться с этого.

Львиная доля времени любого президента (более 40 %) уходит на всякий официоз типа послов принимать и ленточки разрезать. При таком круге обязанностей человек не может быть правителем. Но заведовать хозяйством и наслаждаться властью — пожалуйста.

Американский политик Луи Макфедден, член Палаты представителей, в 1926 году заявил Конгрессу: «Гитлер идет к власти за счет американских налогоплательщиков. Мы помогаем Адольфу Гитлеру получить долларовый кредит, все до цента которого было потрачено на приход Гитлера к власти... В Германию было накачано... более десяти миллиардов американских денег. В Германии реализуются огромные проекты, современнейшие здания, планетарии, спортивные залы и плавательные бассейны, великолепные государственные автотрассы, передовые фабрики и заводы. Все это делается на

наши деньги».

На глазах у СССР Германию превращали из потенциального союзника в реального противника. Из разжигателя пожара мировой революции Германия становится огнетушителем этого пожара, коммунистический проект в Германии закрывается. Это ставит точку на идее мировой революции. Нет больше смысла тратить ресурс на создание социальной напряженности.

Когда стало ясно, что коммунистическую энергию можно перенаправить против коммунизма, Москва впала в ступор. Зачем создавать в Англии или Франции революционную ситуацию, если против нее есть мощное оружие — английский или французский фашизм?

ГЛАВА 4

Поиск выхода

Смятение западного истеблишмента, вызванное распространением идеи коммунизма, сменяется ступором высшего Советского коммунистического руководства. Что делать? Опыт Германии наглядно показал: создать революционную ситуацию в чужой стране можно, но не факт, что ее плодами будет пользоваться создатель. С тем же успехом ситуацию могут реализовать совсем другие силы совсем в других целях.

Разжигать пожар по старой технологии бессмысленно. Отказ от пожара равносителен отказу от идеи, что еще опаснее. Если партия утратит идею, она тут же превратится в многоголовое чудовище, головы которого обречены, грызть друг друга и свою плоть, пока не сожрут себя заживо. Именно это случилось с коммунистической партией, попытавшейся заменить идею коммунизма «потемкинской деревней» социализма.

Партия большевиков поставлена перед необходимостью принять ряд сложных решений. В первую очередь нужно ответить на стратегический вопрос: на что использовать ресурс России? Формировать революционную ситуацию в других странах или сворачивать этот план и готовиться к грядущей войне с Германией?

Пока был жив Ленин, никто не рисковал поднимать вопрос об отказе от пожара мировой революции. Правда, никто не понимал, как теперь его можно разжечь. Напротив, многие осознали: события в Германии ставят на идею крест.

В 1924 году Ленин умирает. После смерти вождя на арену выходят две личности, вокруг которых формируются враждующие группировки. Одну группу возглавляет Сталин, вторую Троцкий. Эти группы вступают в

жесткую оппозиционную борьбу. Суть разногласий: Сталин предлагает отказаться от ранее используемой технологии и искать новые способы разжигания пожара мировой революции. Но в первую очередь обратить внимание на насущную проблему, а потому свернуть международные программы и готовить страну к войне с Германией (этот факт не вызывал сомнений ни у кого в мире).

Сталин предлагает все силы сконцентрировать на перестройке России из аграрной страны в индустриальную. Для мировой революции годилась аграрная Россия. Торговля зерном, пенькой и лесом давала достаточно средств для разжигания пожара. Но в случае военной агрессии Германии аграрная Россия не могла себя защитить.

Сталин убежден: в сложившихся условиях необходимо развивать тяжелую промышленность, экономику и образование. Для этого нужно пересмотреть отношение к России и понимать ее не как дрова для пожара, а как крепость, окруженную врагами. Фактически Сталин призывает к построению коммунизма в отдельно взятой стране.

Троцкий выступает против сталинской идеи. Опираясь на логику Маркса и Ленина, он пытается доказать убийственность такой стратегии. По мнению Троцкого, призыв Сталина строить коммунизм в отдельно взятой стране является ножом в спину революции. Троцкий выступает за продолжение немецкой технологии разжигания мирового пожара. Он упирает на то, что если бы в 1918 году последовали его совету и пустили бы мощь Красной Армии на Германию, фашистская технология не сработала бы.

Большевики оказались перед выбором: а) отказаться от мировой революции, сосредоточиться на превращении России в индустриальную державу и готовиться к войне; б) идти прежним курсом, искать новые решения в сложившейся ситуации.

Опасность первого пути: отказ от идеи коммунизма и неизбежное скатывание в обычную ситуацию, где элиты дерутся между собой за власть ради власти. Опасность второго пути: если Германия оккупирует СССР, большевики лишаются ресурсной базы.

Исходя из логики развития событий, первый вариант предпочтительнее. Сталин говорит, мол, если мы не совершим гигантский рывок за десять лет, нас сомнут. Лозунг «лучше без штанов, чем без танков» передает атмосферу ситуации.

Но как же тогда идея коммунизма, которая, как утверждали отцы-основатели, имеет смысл, если сферой своих интересов изначально рассматривать весь мир? Нужно было искать способ убить двух зайцев: сохранить идею и создать боеспособность.

Сталин предлагает новую технологию: мировая революция военным путем. Если СССР победит Германию, далее он захватит Европу, Китай, Индию и

получит геополитический контроль над планетой. После этого мировой пожар разжигается грубой физической силой.

Если СССР захватит часть Европы, предлагалась другая концепция. Частичная победа даст советскому блоку автономность, позволяющую коммунистической системе вступить с капиталистической системой в масштабную конкуренцию. Мировой пожар разжигается не революционным и не военным, а экономическим и социальным путями.

Если СССР проиграет войну, нет предмета для разговора. Чтобы предмет был, нужно вооружаться, много ломать и много строить. Растить новое поколение и уничтожать врагов, рвать жилы, не жалеть ни себя, ни других. Это был единственный шанс коммунистов выжить. Чтобы его реализовать, нужно было на время отказаться от построения коммунизма на всей планете и сосредоточиться на России.

Впервые после смерти Ленина прозвучал открытый призыв сначала построить коммунизм в отдельно взятой стране и потом, через конкуренцию по всем фронтам, в первую очередь в экономике, добиться победы. Это было началом конца. С этого момента у коммунистов не осталось шанса реализовать идею коммунизма.

Когда Сталин говорил о возможности победить Запад в экономической области, он не лукавил. Он действительно считал коммунистическую систему эффективнее капитализма в той же мере, в какой капиталистическая система эффективнее феодальной. Первые пятилетки показывали невиданный в мире рост экономики. Это был серьезный аргумент, позволяющий утверждать приоритет социалистической модели.

Сталин полагал: капиталисты, понимая ущербность своей системы, никогда не пойдут на честную конкуренцию. Спасая свое положение, они будут искать войны с советской Россией. Их сдержит только одно: если война с СССР для Запада будет равносильна самоуничтожению. Логика генерального развития СССР — вооружаться.

Идею пожара мировой революции сменяет идея мирового вооруженного противостояния, что и зафиксировала сталинская конституция. По Сталину, новая доктрина — это не совсем революция, но и не эволюция. Это ускоренная эволюция (или медленная революция). Мощь оружия гарантирует мир. Предполагалось, что достижения Советского Союза сыграют для Запада ту же роль, какую на практике в конце XX века достижения Запада сыграли для СССР.

В рамках демонстрации достижений СССР, например, вводит понятие пенсии. Раньше забота о родителях в России традиционно лежала на детях. Кто каких детей вырастил, тот такую пенсию, образно говоря, и получал. СССР исключительно в пропагандистских целях перекладывает эту ношу на плечи государства. Уже тогда просчитывались нежелательные последствия.

Например, падение рождаемости или возрастание нагрузки на бюджет. Но на такие «мелочи» не обращали внимания. Главное, выиграть здесь и сейчас. Потом разберемся...

Применительно к конкретным условиям доктрина Сталина выглядела оптимальной. Она находит сторонников не только благодаря логике, но и потому что человеку ближе предложение тратить ресурсы на обустройство своего дома, нежели на разорение чужих домов. Разорение чужого допускается после укрепления своего. И еще не хочется всю жизнь бороться, рискуя потерять все. Многие желали насладиться плодами: бороться за коммунизм и за мир во всем мире, имея твердую почву под ногами — власть.

Идею Сталина поддержало большинство. Троцкистов частью изгнали из СССР, частью уничтожили. Партия под руководством нового вождя сосредоточила силы на преобразовании аграрной страны в индустриальную державу.

ГЛАВА 5

Провал

Идею коммунизма подменяет идея сильной страны. Партия по-прежнему не устает на митингах заявлять о мировом коммунизме как о своей главной цели. Но на практике она ориентируется и реализовывает идею сильного государства. При кажущейся одинаковости двух целей (построение коммунизма и создание сильного государства) возникает принципиально иная ситуация. Дело в том, что цель всегда одна. И она первична. Остальное используется как инструмент ее достижения. При этом вторичное тоже может называться целью, но по сути это всегда ресурс и инструмент. Ради первичного можно жертвовать вторичным. Наоборот — никогда, ибо это противоречит здравому смыслу.

Цель определяет логику действия. Появление новой цели родило новую логику. Когда первичен был коммунизм, власть была готова жертвовать Россией. Когда первичной стала Россия, в жертву была принесена идея коммунизма.

Теперь компартия согласна на огромные уступки в сфере идеологии, если это ведет к укреплению СССР. Становится вторично, под каким флагом произойдет усиление. Решающий фактор — сиюминутный результат.

Хорошо то, что усиливает страну. Плохо то, что ослабляет. В этой логике идея перманентной революции, ставившая Россию в уровень дров, осуждается. Следом и сама идеологическая составляющая отходит на второй план. Новая редакция

Сталинской конституции уже не обозначает главной целью компартии построение коммунизма во всем мире. На смену прежней цели приходит новая цель: построение сильной социалистической империи, противостоящей капиталистическому миру.

Новая цель образует новые требования к соискателям власти. Раньше власть состояла из своего рода жрецов, глубоко понимающих смысл коммунистического учения. Это был своего рода ценз. Если человек не имел цельного понимания, не вмещал теорию Маркса о последовательном изменении мира и неизбежности прихода коммунизма, у него не было шанса оказаться в высших эшелонах власти.

Все разговоры о том, что Сталин сам ничего не писал, что за него, как за Брежнева, писали, опровергаются этим фактом. Человек, не понимающий сути учения Маркса, не мог оказаться наверху. Как бы хорошо он ни выступал на трибуне, каким бы ни был отличным организатором и администратором, но если его знание коммунизма исчерпывалось общими словами, в высшую власть он попасть не мог. Сталин был на высшем уровне партийной иерархии. Этим все сказано.

Когда идея, вытекающая из цельного понимания закономерностей развития человечества, сменяется идеей, сложившейся из сиюминутной ситуации, возникает другой ценз. Начинается соответствующая ротация кадров. Теперь во власть попадает не тот, кто понимает масштаб Маркса и коммунизма, а тот, кто может создавать государственную мощь.

Мыслителей сменяют люди более низкого уровня — хозяйственники, военные, ученые. Они создают промышленность, науку, боеспособную армию. Благодаря этому СССР первым выйдет в космос и совершит множество подвигов. Но все это будет сделано не ради реализации коммунистической идеи, а ради построения мощного государства.

Коридоры власти наполняют специалисты по решению малых задач (относительно малых). Никто не говорит, что такие задачи не надо решать. Разговор лишь о бессмысленности решать малое, если никто не решает большое (попросту не видит его). Действия малых честных людей отдалают крушение конструкции, но не отменяют его.

Глобальная структура, созданная первыми коммунистами, начинает сжиматься подобно шагреновой коже. Идея коммунизма превращается в пустую традицию и ширму. В реальности высшей идеей становится идея служения государству. Ему нужно служить, не пытаясь понять, почему. Просто надо, и все. Кто отказывается, тот предатель.

Почему так нужно было считать, каким образом это следовало из коммунизма, на глубинном уровне не расшифровывалось. Серьезное объяснение с лихвой заменяла популистская версия «нужно усиливаться, чтобы выстоять во вражеском окружении». Обычному человеку этого

хватало, что называется, за глаза. Но думающие люди не могли не видеть смены стратегического курса, переориентации с одной идеи на другую.

Разворачивается гигантская пропагандистская кампания, внушающая: Родина есть высшая ценность по сравнению со всеми другими ценностями. Ради блага государства нужно отказываться от личного блага. Если потребуется умирать, надо умирать. Если возникнет ситуация, когда ради государства нужно пожертвовать жизнью семьи, нужно жертвовать. И самое главное, ради блага государства допускалось временное отступление от фундамента — теории коммунизма.

Чтобы понять уровень, представьте: монахи ради блага монастырского хозяйства решают на время отказаться от христианских догматов. Если даже это приведет к небывалому расцвету хозяйства, христианским монастырем уже точно это образование не будет.

За время временного отступления сформируется другая конструкция. Она поднимет во власть соответствующих себе людей. Ключевые места займут не те, кто ориентирован в первую очередь на христианство, а те, кто ориентирован на рынок. Благом будет не умение души врачевать, а умение организовать эффективное хозяйство. Завхозы получают статус духовных учителей и руководителей. Вокруг них сформируется новая субкультура, одетая в христианские одежды, скрывающая другую суть. Вопрос времени, когда все это прокиснет. Нельзя быть внешне монахом, а внутренне хозяйственником.

Именно это произошло с коммунистами эпохи Сталина. Возведя благо государства в статус высшей цели, по факту они не *просто отказались от коммунистической идеи*. Они создали новый тип религии — советский патриотизм, где верховным божеством выступало государство. Его божественность не из чего не вытекала, кроме как из него самого (как и положено божеству). Сам вопрос: «Почему так?» приравнивался к святотатству, оскорблению божества, за что предусматривалось жестокое наказание.

Очень скоро государство для советского народа становится примерно тем же, чем дубовая роща для друидов — божеством. Разница с друидами: те открыто объявляли свою территорию божеством, потому что идея божественности территории вытекала из их мировоззрения. Сталинские коммунисты не могли заявить ничего подобного, потому что идея патриотизма не то, что не вытекала из их официального мировоззрения, она противоречила ему по всем базовым показателям. Но так как деваться некуда, сталинский аппарат производит, называя вещи своими именами, новый тип религии — сталинизм.

Новая идеологическая конструкция основана даже не на пустом месте, ее строят на отрицательном месте. Образно говоря, здание стоит не просто без

фундамента, а на болоте, которое активно всасывает в себя постройку. По понятным причинам такая религия не могла долго жить. Срок поклонения сущности, без всяких оснований, единственно из соображений текущей безопасности, назначенной божеством, максимум мог длиться пару поколений. Далее неминуемый распад.

Ничего подобного в области построения идейных конструкций в истории не было. Ценность, ради которой нужно не жалеть ни себя, ни семью, ни жизнь, всегда вытекала из мировоззрения. Например, при монархии основанием патриотизма была религия. Царь считался представителем Бога, и потому защита державы, которую ему вверил Бог, считалась служением Богу. Жертвуя собой ради России, человек в конечном итоге понимал это жертвой Богу. Коммунисты не могли представить принесение себя в жертву государству жертвой ради коммунизма по той причине, что коммунизм принципиально отрицал ценность государства. В «священных» текстах коммунизма, коими считались работы Маркса и Ленина, черным по белому эти мысли были прописаны.

Оставшиеся во власти фигуры не могли этого не понимать, но иного выхода не видели. Новая религия была составной частью плана повышения обороноспособности страны. Бывший космополит Сталин, некогда доказывавший вторичную ценность России, обращается к народу: «Братья и сестры». Люди будут умирать «за Родину, за Сталина!» с той же самоотверженностью, с какой первые христиане умирали за Христа.

Кажется, это хорошо и правильно — верой и правдой служить своей стране. Но сама по себе страна всегда позиционируется вторичной ценностью, инструментом, так или иначе работающим на первичную ценность. Единственный известный вариант позиционирования территории первичной ценностью мы находим у друидов. Чтобы повторить его, необходимо мировоззрение, из которого такой вывод будет следовать. Пока такого мировоззрения нет, провозглашение патриотизма высшей ценностью неизбежно будет профанацией. С таким же успехом можно провозгласить высшей ценностью футбольный клуб.

Производство патриотов строится по той же технологии, что и производство футбольных болельщиков. Людей более высокого уровня оно не захватывает. Ведь человеку хочется знать, почему он должен считать государство более ценной сущностью, нежели свою жизнь. Когда он не находит ответа, патриотизм подвергается осмеянию.

Очень скоро коммунистическая теория теряет свою ценность, что тут же сказывается на кадровой политике. Масштаб перестает быть решающим показателем. Проходным билетом во власть становится способность наращивать мощь страны: делать хорошие танки и бомбы, развивать промышленность и сельское хозяйство, осваивать космос и

целину.

Теория коммунизма постепенно переходит в разряд демагогии и ритуала. Реальным делом считается только то, что связано с хозяйством. В итоге коммунистическая идеология выдавливается на обочину и оказывается в ведении клерков института марксизма-ленинизма, никчемных людей, ищущих спецпайки, путевки и прочее.

Чудная сложилась ситуация. Формально эти «теоретики коммунизма» были жрецами, охватывающими целый мир, понимающими законы его развития, определяющими цель и задающими направление. Фактически они личного блага искали, карьеру делали, в курилке анекдоты рассказывали про коммунизм. Это был аналог религиозных книжников древнего Израиля, только современным «жрецам» поставили задачу раскрашивать любое решение власти в коммунистические тона. ЦК принимал решение, исходя из сиюминутности. «Книжники» представляли его вытекающим из глобального осмысления.

Во власти оказываются два типа людей. Первый тип: честные люди с хозяйственными, политическими и военными талантами. Второй тип: нечестные люди с аналогичными талантами. Первых можно назвать честными друидами, почитающими священным долгом служение Государству. Вторых — мнимыми друидами, ищущими не благо страны, а личное. Свою истинную цель они прикрывают коммунистической демагогией. С трибун льются пустые речи, которым аплодируют пустые люди.

Пока был жив Сталин, мнимые друиды тщательно скрывали свои цели. Но природу не скроешь. Возникали группировки, дерущиеся между собой за теплые места. Они понимали энергию общества дармовым ресурсом, который стремились использовать на обустройство своего быта. Сталин не давал лжедруидам развернуться в полную мощь. Это затормозило разрушительные процессы, но не остановило их. Внешне божество-государство продолжало укрепляться материально. Внутренне оно стремительно слабело.

Идейный вакуум означает: опереться больше не на что, стратегической цели нет. Это приводит к естественным последствиям — система оплывает и рушится. Возникает цинизм государственного уровня, на черное начинают говорить белое.

Видимые противоречия с одинаковой эффективностью рушат как сталинский другом, так и ленинский коммунизм. Советское общество формально заявляет о служении одному божеству (коммунизму), но фактически служит другому (государству). Это примерно как миссионеры всеми правдами и неправдами убеждали язычников срубить дуб, которому те молились, и построить из него христианский храм. Язычники соглашались, но в реальности продолжали молиться дубу, существовавшему теперь для них в виде храма. Христиане без цели поклоняться Христу трансформировались

в христианских язычников. Коммунисты без цели строить коммунизм превратились в коммунистических друидов, даже хуже. Лукавившие язычники хотя бы точно знали, чему молятся. Советские люди толком не понимали, что строят.

Маркс и Ленин ясно понимали последствия отклонения от стратегического курса. Это как если вы плывете на другой континент, малое отклонение от курса на коротком отрезке времени не будет заметно. Но по мере дальнейшего движения корабль будет все больше и больше уклоняться от курса. И если на нем нет людей, способных видеть стратегический курс, в один прекрасный момент он станет игрушкой стихии, которая однажды закинет его на рифы. Поэтому отцы-основатели четко расставляли акценты, говоря о патриотизме.

Сталин тоже все прекрасно понимал, но не видел иного выхода. Размолвка со стратегическим партнером (Германией), породившая призрак надвигающейся войны, не оставляла шансов продолжать прежнюю политику, а новой не было. Оптимальной в этой ситуации выглядела смена ориентиров и сохранение коммунистической риторики. Но на одной риторике далеко не уедешь, что и подтвердил крах СССР.

ГЛАВА 6

Разложение

В атмосфере поклонения государству Сталина сменяет Хрущев — как мыслитель даже не ноль, а минус (по масштабу тоже). Хрущев считал теорию демагогией. Он был, что называется, «реальным мужиком», то есть делал то, результат чего можно увидеть на коротком отрезке времени. Его мышление было типичным для малого человека.

Он считал гарантией сохранения личной власти контроль силовиков. Если силовики могут любого уничтожить физически, чему доказательство сталинские репрессии, надо контролировать армию, МВД и ФСБ. На этой задаче он сосредоточился, реализовал ее, но так до конца жизни и не смог понять, каким образом потерял власть.

Близорукость свойственна безыдейным правителям. Последний состав ЦК КПСС тоже до последнего и не мог понять, почему, имея мощную армию и карательные органы, потерял власть. И современные госруководители, когда придет их время, а оно приближается семимильными шагами, тоже не поймут причину потери власти.

Две тысячи лет назад таким конструкциям был поставлен точный

диагноз: дом, построенный на песке, рухнет, и падение его будет великое. Устоит под напором внешних обстоятельств только здание, имеющее каменный фундамент. Компенсировать несовершенство «чуда архитектуры» деньгами нельзя — танки из говна еще никому не удавалось сляпать.

Дом, в котором мы живем, уже не дом на песке (без фундамента). Это уже падающее строение. От удара о землю его отделяют по историческим меркам мгновения. Вскоре он упадет и разлетится на кусочки. Из-за несоответствия скорости падения нашему восприятию мы не фиксируем действие. Нам кажется, все нормально. Есть недочеты, но они были всегда. А раз так, занимаемся привычной текучкой. Но если смотреть шире, приближение очевидного конца нельзя не признать. К сожалению, наши правители этого искреннее не осознают.

Сталин понимал значение фундамента и не отказывался от идеи коммунизма до последнего. Он всеми силами старался масштабную идею совместить со сложившимися обстоятельствами. Он сделал все возможное: изменил технологию достижения цели, заменив разжигание пожара мировой революции на вооруженное противостояние Западу, позиционируя это решение тактическим. До последнего он утверждал стратегической целью построение коммунизма на всей планете.

Хрущев не то что понимал или не понимал, он вообще не мыслил в таком масштабе. Эта область для него попросту не существовала, как квантовая механика. Поэтому при всем желании Хрущев даже представить не мог, какие силы высвобождает, провозглашая мирное сосуществование капиталистической и коммунистической систем.

Своей «идеей», прекрасно звучащей в сиюминутном масштабе, Хрущев приговорил СССР к смерти. При нем ленинская идея мировой революции сошла на нет. Сталинская идея противостояния двух систем ушла следом. Место высшей идеи заняли популизм и обывательская мудрость. Комичность ситуации в том, что, закопав коммунизм в могилу и забивая крышку его гроба, он делает заявления о построении коммунизма к 1980-му году.

Если даже допустить, что Хрущев был хорошим хозяйственником и администратором (спорная вещь, однако), но даже тогда на роль стратегического руководителя он не годился по ключевым показателям. Крупный руководитель должен мыслить стратегическими категориями и формировать философские суждения. Для Хрущева все это было демагогией чистой воды. Он считал, мировоззрением пусть клерки занимаются. А он на главном сосредоточится — на контроле армии и экономики. И еще на кукурузе, идею которой привез из США (сегодня современная «кукуруза» — нанотехнологии, которую, кстати, нынешние «Хрущевы», тоже крепкие хозяйственники, привезли из США).

Идея Сталина, хоть и друидская по сути, давала обществу цель и, значит, почву для подвига. Советский человек худо-бедно понимал: нужно противостоять Западу, который, спасая свою шкуру от всеильного учения Ленина, хочет развязать войну. Чтобы избежать войны, нужно много и честно работать. Не за страх, а за совесть, то есть служить.

У советского человека была миссия. Хрущев перечеркивает ее через провозглашение мирного сосуществования с Западом. Объект, названный Сталиным антагонизмом, с которым в принципе не может быть мирного сосуществования, как у огня с водой, Хрущев объявил потенциально совместимой сущностью. Мол, капитализм больше не враг коммунизму. Это потенциальный партнер и, может быть, в далеком будущем, друг.

За короткий по историческим меркам срок цель в России поменялась четыре раза. Сначала целью было служение Богу. Затем целью стало построение коммунизма в мире. Потом целью стал друизм (государство как высшая ценность). Со времен Хрущева в СССР целью объявляется просто жить. Просто есть, пить, развлекаться, работать, но главное — обустроить свой быт. Все это выливается в гуманизм, который учит: не стоит жить для Бога, для идеи, для государства. Нужно жить исключительно для себя.

Каждая смена идеи имела закономерные следствия. Когда высшей ценностью был коммунизм, ради него жертвовали человеком и государством. Когда ценностью стало государство, на жертвенный алтарь были принесены коммунизм и человек. Когда высшей ценностью объявили человека, ему в жертву принесли идею коммунизма и друизма.

Хрущев объявил лозунг римского плебса «хлеба и зрелищ» главной целью. Разница с Римом была в том, что римская элита не возводила это правило в статус высшей идеи. Для нее это был всего лишь способ влиять на плебс. При Сталине этот лозунг становится тактическим инструментом, не отменяющим хотя бы на бумаге высшей цели. Хрущев возводит быт в ранг высшей цели.

Советский человек теряет почву для подвига. Если высшая цель — утюги и ковры на стенку, зачем ракеты с танками строить? Надо ширпотреб развивать. А поскольку у Запада ширпотреб получается делать лучше, надо Западу подражать. В идеале — вообще уехать туда, ведь там круче быт обустроен.

В этот период рождаются обывательские сентенции типа «Если бы не уперлись под Сталинградом, сейчас бы пиво пили не "Жигулевское", а баварское». Иными словами, если бы Германия победила, с точки зрения высшей цели по Хрущеву, проигрыш в войне был лучшим вариантом для жителей СССР. Он приближал к цели — бытовому благу.

В простых человеческих ценностях, образующих текущую жизнь, нет ничего плохого, пока они занимают свое место. Беда случается, когда они становятся высшей целью, подменяя собой мировоззренческую идею.

У советского человека, ориентированного на бытовое благо, которого он не имеет, потому что танки строит, раздваивается сознание. Его как бы разрывают две силы, зовущие идти одна налево, другая направо. Что-то типа византийского лукавства, когда нужно себе выгоду искать, но представить этот поиск в виде служения Богу.

Хрущевская идея мирного сосуществования разрушила железный занавес и вместе с ним остатки коммунистической идеи, которая на тот момент выражалась в ритуальном славословии. С Хрущевым даже для славословия коммунизма места не осталось. Советское общество как бы потеряло душу, и потому начало стремительно увядать.

Религию советских друидов начинают размывать либеральные идеи. Государство из божества превращается в службу, что-то вроде ночного сторожа. Теперь не человек для государства, а государство для человека. Высшая ценность уже давно не коммунизм и не государство, а человек. Новое божество-человек, в отличие от божества-государства, имеет какое-никакое основание — инстинкты.

Если проследить развитие наметившейся тенденции, идея коммунизма сначала эволюционировала в другом (при Сталине начали забывать о коммунизме). Потом трансформировалась в гуманизм (при Брежневе начали забывать о сильном государстве). При Горбачеве доминирующей идеей стала идея «римского плебса», путевку в жизнь которой в свое время дал Хрущев.

Дальнейшие события становятся насколько необратимыми, настолько и закономерными. Божество-человек в погоне за благом, выше которого ничего не может быть, войдет в противоречие с другими «божествами», которые так же уверены — выше их блага ничего нет. Однажды начнется потеха, «с потехи такой околеть».

Рождается новая трудноуловимая сущность. Ее признаки: цену вещи на 1—20 % образует материальный функционал, и на 80—99 % бренд. Бренд первичен, функционал вторичен. Уберите с бутылок кока-колы бренд, и продажи провалятся в тысячи раз.

Если мы не допускаем остановки процесса (а мы не допускаем), нет сомнений, очень скоро бренд (виртуал) вытеснит из вещи материю. Останется чистый бренд, утративший материальность... Это будет новое божество, питающееся плотью государства и человека.

Есть три составляющих нашего бытия: дух (религия или философская идея), материя (государство как организация общества плюс ресурс) и индивид (человек). В любой период истории есть высшая ценность, в жертву которой приносятся остальные две, и одновременно одну ценность постоянно теснит другая. Когда полный круг пройден, вновь

возникает противостояние духовных сущностей.

В свое время религию потеснила идея коммунизма. Прошло время, и государство потеснило идею коммунизма. Потом человек потеснил государство. На наших глазах начинается новый виток истории — человека начинает теснить что-то новое, трудноуловимое. Это не государство и не материя. Это продукт обожествления быта и бренда.

Развитие идет дальше. Вопрос времени, когда новая сущность начнет поглощать материю и человека. Сейчас трудно представить, как именно это будет выглядеть, но не вызывает сомнения, произойдет обязательно. Уже происходит. Самые толстокожие скоро заметят контуры нового.

ГЛАВА 7

Занавес

Принципиальные изменения, привнесенные Хрущевым, формируют новую мораль. Нечестные вытесняют честных во всех слоях общества, от самого верха до самого низа. В первую очередь гниет голова. При Сталине талантливые хозяйственники и политики выдавили мыслителей. При Хрущеве и его последователях талантливые хищники (популисты и лицемеры) выдавливают честных хозяйственников с политиками.

Голова общества наполняется хитрыми и ловкими обывателями. Между ними начинается конкуренция. Самые махровые победители, на ком пробы негде ставить, получают главный приз в этой борьбе — доступ к ресурсу общества. Возникают новые группировки, борьба между которыми за доступ к ресурсу выходит на новый виток.

Идею личного блага — бытоустройства, а дальше все хоть огнем гори, культивирует поздний СССР. Вчера эта идея не считалась зазорной, но открыто позиционировать быт смыслом жизни было неприлично. Сегодня это возведено в норму и стало основой системы. Неприличным пока считается открыто сказать «я ворую», но эволюция не останавливается. Придет время, и открыто говорить то, о чем шепчутся, будет нормой.

Процесс социального разрушения напоминает эскалатор разврата, описанный во второй книге «Проект Россия». «Чтобы лучше понимать, о чем идет речь, рассмотрим происходящий процесс на примере сексуальной сферы. Начнем с традиционного общества, где недавно мы жили. Еще вчера в сфере отношения полов первой ступенью была область ухаживания мужчины за женщиной. Женщина кокетничает, мужчина настаивает. Вокруг этого возникает игра, идущая в рамках традиционного ритуала условностей. Эту тему

до известных границ можно обсуждать открыто. Это не скрывается, это возможно продемонстрировать в обществе.

Вторая ступень теневая, интимные отношения. Это не осуждается, но говорить об этом открыто не принято по умолчанию. Все делают это, но не откровенничают. Точно так же, как не рассказывают о личных гигиенических процедурах.

Третья ступень закрытая. Здесь различные извращения. Эта область под строжайшим запретом, как для обсуждения, так и для практики.

Демократия включила «эскалатор». Ступени начали двигаться, причем, на первых порах очень медленно, практически незаметно. Ухаживание мужчины за женщиной приравнивается к чему-то типа рукопожатия. У всех на глазах теперь можно целоваться. Вторая ступень занимает место первой. Традиционные интимные отношения можно открыто обсуждать. Третья ступень перемещается на положение второй. Гомосексуальные связи теперь не считаются пороком. Говорить о них открыто не приветствуется, как раньше не приветствовалось говорить о традиционных интимных отношениях, но и не порицается. Третью ступень формирует новое содержание из области темного (извращения типа педофилии или скотоложества).

Следующий сдвиг на одну ступеньку происходит уже намного быстрее. Интимные разнополюсные отношения воспринимаются, как недавно воспринимался поцелуй. Первую ступеньку занимает педерастия, промискуитет и прочее. Это теперь не только не осуждают, об этом можно открыто говорить. На второй ступени педофилия или скотоложество. Это уже не осуждается, но говорить об этом открыто считается дурным тоном. На третьей ступени размещается еще более экзотическое извращение, например, поедание экскрементов или некрофилия.

Чем активнее культивируют демократию, тем быстрее движется «эскалатор». Если ничего не изменится, еще при нашей жизни педерастия будет восприниматься как поцелуй. Педофилия займет первую ступень, ее можно будет не только практиковать, но и открыто обсуждать (на Западе эти тенденции уже набирают силу). Поедание говна и секс с покойниками перейдет на вторую, теневую ступень, о которой все знают, но не осуждают, воспринимая как естественное явление. Третью ступень займет практика маньяков-садистов (на первых порах будут мучить виртуальных людей в виртуальном пространстве, а дальше страшно подумать).

Если читатель не поленится и умозрительно продолжит развитие свободы, он увидит бездну ада. Почувствует его смрадное дыхание. Поймет смысл выражения *«приходят к вам в овечьей шкуре, внутри суть волки хищные»* (Мф. 7, 15).

Если кто-то подумает, этого не может быть, тот бесконечно заблуждается. Все выше написанное не выдумка воспаленного воображения, а малая часть

реальности. Стыд не позволяет описать в полном объеме действительность. Сатана спекулирует на сильнейшем факторе — половом инстинкте, разрушая стыд и вместе с ним человека. Прямо и косвенно, исподволь, из утверждения «живем один раз» рождается логика удовольствия, которая не имеет дна» (Проект Россия. Вторая книга).

По уровню открытости целей циники и мыслители одинаковы. Их отличает источник идеи. Идея мыслителей есть отношение к выводу из целого знания. Идея циников-эгоистов диктуется желанием плоти. Они стремятся к сиюминутному удовольствию, не пытаясь заглянуть дальше. Типичное поведение наркомана, который укололся, ему хорошо, и он не думает (а нафига думать!), что будет дальше.

За счет открытости позиции циников у них появляются сторонники. Возникает армия червячков и жучков, грызущих социальное дерево. На данный момент их потенциальные противники, носители той или иной идеи (коммунизма, либерализма и прочее), выхолощены. Они как машина без двигателя, недееспособны, и потому не представляют собой помехи для циников.

Патриоты всех мастей, несмотря на их эмоциональный накал, тоже не являются препятствием для циников хотя бы потому, что под современным патриотизмом нет основания (эмоции не могут считаться основанием). Патриотизм в этом случае неизбежно превращается в ура-патриотизм (явление, аналогичное спортивным болельщикам).

На фоне идейного вакуума циникам, провозглашающим высшим благом личное благо, гарантирован результат. Причина: их цели имеют достаточно прочный фундамент — инстинкты. Он не глубокий, но это больше, чем ничего.

А что было бы, если бы Сталин реализовал свой план сполна: захватил бы всю Европу и потом весь мир? Мог бы он обойтись без идеи коммунизма, ограничившись идеей сильного государства? Или не мог?

Вождь всех времен и народов был в полшаге от цели. Помешал ряд обстоятельств, в том числе атомная бомба. Военной необходимости в Хиросиме не было никакой. Это была рекламная акция Америки, рассчитанная на одного зрителя — Сталина, после чего мир был поделен на два блока. Но не будь атомной бомбы и того набора обстоятельств, которые помешали Сталину захватить весь мир, в принципе ничего бы не изменилось.

Представим, Сталин реализовал свой план. Представим, он хозяин мира. Все, цель достигнута. СССР размером с планету Земля. Дальше что? Когда цель достигнута, она исчезает. Нельзя стремиться к уже достигнутому. Далее высшей целью неизбежно было бы провозглашено... бытоустроительство.

И опять мыслителей сначала выдавили бы хозяйственники с политиками. Потом их точно так же выдавили бы талантливые обыватели-аппаратчики. В скором времени они разделились бы на враждующие группировки. Для борьбы было бы извлечено из чехлов старое оружие — коррупция и казнокрадство.

Гниль головы быстро бы распространилась на все общество. Возник бы колосс на глиняных ногах, внутри которого активно работали бы миллионы рядовых червячков, подтачивающих колосса. Когда они превратили бы существенную его часть в труху, все бы рухнуло.

Судя по высказываниям Троцкого о перманентной революции, этот пламенный трибун понимал невеселое будущее. Но выхода не видел. Любой сценарий развития событий скатывался на идею бытоустроительства (любая идея без Бога скатывается к этому). Смена идеи вела к смене состава власти. Последними приходили черви, и ВСЕ. Троцкий предполагал лекарством перманентную революцию, когда против червей всегда будут подниматься борцы и прочее. Но непонятно, из чего это следует. Если с коммунизмом понятно: он следует из капитализма как следующий виток развития, то с идеей систематических революций ничего подобного. Это желание Троцкого, не более.

На примере разложения России ярко видна судьба общества, утратившего идею. Кораблю без цели ни один ветер не будет попутным. Не на чем сосредоточить свой потенциал, если нет цели. Личности, обществу и человечеству нужна миссия — высшая идея. Если ее нет, никто не сможет сказать, зачем мы вообще находимся на Земле.

Россия, как и всякая иная страна без цели, гарантированно развалится. Бжезинский, на данный момент советник американского президента Обамы, в интервью газете «Arab News» утверждает: «Чтобы стать военным противником США в мировом масштабе, у России должна быть определенная миссия, глобальная стратегия, возможно, идеологическая причина. Но ничего такого у нее нет».

Миссию не заменяет желание быть крутым, равно как и общие слова типа «борьба за мир во всем мире». Призыв бросить ресурс общества на обустройстве быта — не миссия. При идеологическом вакууме такие призывы ускоряют развитие социальных пороков.

Если даже допустить, что лидеры ведущих стран понимают последствия безыдейного состояния, лучше от этого не становится. Чтобы дать миру высшую идею, в первую очередь нужно понятное мировоззрение. Из набора подсознательных шаблонов, как бы он хорошо ни звучал, нельзя вывести никакой идеи, кроме бытоустроительной, но это тупик. Не видя иного выхода, они вуалируют проблему лозунгами в стиле «хлеба и зрелищ». Для падающей структуры это слабая подпорка.

ЧАСТЬ ЧЕТВЕРТАЯ

ИДЕЯ

«На войне моральный фактор относится к физическому как три к одному».

Наполеон

ГЛАВА 1

Конкретика

В первой части мы описали переходный период перед фазовым скачком аллегорией — гусеница превращается в бабочку. Если это неизбежно и будет сопровождаться ломкой всех ключевых узлов, идея-минимум заключается в спасении от катастрофы. Так как спасателей мы не видим (да они и сами себя не видят в этой роли), идею спасения можем реализовать только мы сами.

Спасение — общее понятие. Чтобы оно обрело конкретику, нужно очень ясно понимать характер и последовательность действий. Минимум надо представлять, какая сила является спасением. Как выглядит спасатель. Какая структура у него должна быть. Что это: государство определенного типа, вне или над государственная структура? Почему именно эта модель спасительная, а остальные нет?

Чтобы дееспособных и адекватных людей собрать в команду, на все эти вопросы требуются четкие ответы. Лозунги их не заменят. Практика показала: лозунги хороши для сбора маргиналов. Все ответственные люди хотят понимать, куда и почему им предлагают идти.

Для начала определим базовое требование к будущему спасателю. В первую очередь, он должен быть здоровым. Под здоровьем мы понимаем структуру, каждая часть которой находится на своем месте.

Чтобы добиться такого эффекта, необходим контролирующий орган, расставляющий всех по своим местам. Образно говоря, нужен организм со здоровой головой, что в нашем смысле означает наполненной мозгами.

Первый показатель спасателя: в его «голову» имеют доступ только мозговые клетки. Любые иные клетки, как бы ни были они хороши, не должны иметь возможности проникнуть в голову.

На сегодняшний день мы имеем не просто обратную ситуацию, а нечто хуже: «голова» заполнена не просто не теми клетками, на 99% она заполнена говном. Надеяться на спасателя с такими «мозгами» невозможно.

Чтобы реализовать нашу идею — защититься на время переходного периода, нужно создать конструкцию, исключающую попадание говна в голову. Это главное условие, определяющее дальнейший успех. Если оно не выполняется, все остальное не имеет смысла.

Еще недавно мы считали: такая государственная конструкция есть. Нужно просто понять принцип этого правильного устройства. Все остальные вопросы представлялись техническими.

По прошествии времени стало понятно: отыскать оптимальную форму

государственного устройства невозможно. Не очередную утопию, игнорирующую человеческие качества и исходящую из каких-то идеальных предположений, а рабочую модель, учитывающую все качества, свойственные реальной личности. На сегодня мы можем констатировать: невозможно создать принцип формирования власти, поднимающий наверх только умных, сильных и благородных.

В первую очередь это касается любой формы выборной власти. Все формы демократии, фашизма и коммунизма есть утопия. Они не работают по той же причине, что и вечный двигатель. Чтобы вечный двигатель работал, нужно нарушить законы физики. Чтобы демократический принцип реально работал, нужно нарушить законы человеческой природы. Как говорил Л. Толстой, святых и честных могут выбрать только святые и честные. Так как обществу далеко от состояния святости, реализация выборной системы будет означать: любое активное говно получит возможность подниматься наверх. Второй шаг: ради укрепления своего положения оно начнет подтягивать себе подобных.

Анализ показал: никакая выборная власть не может работать так, как предписывает ей теория. По сути это утопия из серии «если допустить, что все люди хорошие и честные, из них можно построить такую-то социальную конструкцию». Но как бы ни была она хороша в теории, на практике работать не будет, потому что не все люди хорошие и честные. Тратить время на создание очередной утопии нет смысла.

Модели с иными механизмами формирования власти несколько лучше, но тоже содержат неприемлемые пороки. Диктатура или монархия в краткосрочной перспективе могут привести к некоторым улучшениям (а могут и не привести). Но в долгосрочной перспективе, как говорится, «хрен редьки не слаще».

На сегодня мы вынуждены признать: любой тип государственного устройства (то есть все варианты демократии, монархии или тирании) несовершенен в первую очередь из-за принципа формирования власти. Все они имеют дырки, через которые во власть проникает, мягко говоря, не самый лучший человеческий материал. Разница между этими государственными конструкциями лишь в том, что дырки находятся в разных местах. Построить «не дырявую» модель государства нереально. Если заделаешь одни дыры, появятся другие. Здесь как с коротким одеялом: ноги укрыты — голова мерзнет. Голову закрыть — ноги мерзнут.

Нам не удалось найти принцип, при котором власть формировалась бы так же, как мозг (мозг состоит из мозговых клеток, а не из более живучих или зубастых победителей конкурентной борьбы). И, похоже, такой модели не существует.

Ной в свое время предсказывал потоп. Люди смеялись над ним и

строили дома. Они утонули. Выжил только праведник с семейством из восьми душ, строивший корабль. Бог «в восьми душах сохранил семейство Ноя (2 Пет. 2, 6).

Мы прогнозируем катастрофу, по сокрушительности сравнимую со всемирным Потопом. Чтобы облегчить этот период для людей, нужно строить настолько же отличную от государства конструкцию, насколько корабль отличен от дома. Все остальное в стратегической перспективе бессмысленно.

Строить дом в преддверии потопа — смерти подобно. Дом хорош в условиях суши. В условиях моря он — гроб. Нужно не государственную конструкцию создавать, а искать что-то принципиально иное. Нужно ответить на вопрос: что это такое?

Если это не государство, значит, это внегосударственная (или надгосударственная конструкция). Но такой ответ слишком общий. Что это такое? Социальная сеть? Новый тип общины?

ГЛАВА 2

Пиррова победа

Кроме понимания что строить, есть еще одна, не менее серьезная проблема. Для изложения ее сути предположим: мы знаем, какую структуру строить. Так же предположим, нам удалось стянуть элиту — умных и активных людей, способных не только говорить, но и делать. Идея выступила в роли магнита, притянувшая крупицы железа — думающих людей.

Сегодня «железо» рассеяно и ржавеет. Одни озадачены выживанием. Другие решили эту проблему и теперь скучают в обществе потребительского быдла. Третьи спиваются. Все они пропадают — одни от водки, другие от роскоши, третьи от разврата. Сохраниться они могут, если объединятся в монолитную команду. Допустим, это произошло. Далее, кажется, все просто. Надо тем или иным способом брать власть... Получаем ресурс нации, концентрируем его на построении оптимальной конструкции и готовимся к защите от катастрофы.

Если смотреть на ситуацию глубже, это только кажущийся успех. В реальности он будет означать пиррову победу. Не в смысле, что выгода будет выше затрат, а в том, что наши усилия обернутся против нас.

Логика такая: предположим, мы взяли власть. Значит, взвалили на себя обязательства решать множество текущих проблем. Дело даже не в том, что большинство из них в принципе нерешаемые. Дело в том, что они требуют решения, то есть на них нужно тратить время и силы.

На двух стульях усидеть нереально. Мы занимаемся или текучкой, или стратегическим управлением. Совмещение того и другого похоже, как если бы генерал одновременно и военную доктрину разрабатывал, и на передовую бегал в перерывах пострелять.

Система нас как бы обманет. Бремя по удержанию власти входит в противоречие с реализацией стратегической идеи. Отказ от власти означает отсутствие ресурса и безопасности, без чего нельзя приступить к реализации идеи.

Дилемма. Без власти нельзя получить ресурса и безопасность, что означает невозможность реализовать идею. Обладание властью означает отсутствие времени и сил на реализацию генеральной задумки. Что делать?

Эта проблема подводит к выводу: нам не нужна власть в традиционном смысле. Нам нужны молоко и рога коровы, но не сама корова. Нужен социальный организм, живущий своей жизнью, сам себя регулирующий, в деятельность которого мы не вмешиваемся, но ресурс, которого направляем на достижение идеи (подчеркиваем, не на себя, а на цель). Это вносит дополнительные штрихи в техзадание: создание структуры, не просто не допускающей в «голову» несоответствующих людей, но и позволяющей «голове» устраниться от текучки.

В таком режиме жил Арзамас — плано-убыточное предприятие. Он получал ресурс со всей страны и направлял его на цель, не имеющую отношения к бытовому благу — на создание атомной бомбы.

Для организаторов Арзамаса не имело значения, понимают люди, на что расходуется создаваемый ими ресурс, или не понимают. Достижение любой стратегической идеи возможно, если она не зависит от понимания общества и от того, как непонимающие относятся к ней (в любом случае они будут на нее смотреть сквозь призму предложенных шаблонов). В области больших идей общество есть инструмент, тем или иным способом принуждаемый к исполнению того, чего не понимает. Рабочий точит деталь, не понимая ее смысла, его к этому принуждают деньгами.

Идеальная картина: общество поставляет ресурс. Идейная команда с помощью этого ресурса реализует непонятную для большинства идею. Она не участвует в производстве ресурса, а распоряжается им. Только при таком подходе можно реализовать глобальную цель. Кто пытается совместить текучку с глобальным, у того не получается ни того, ни другого.

Можно ли создать конструкцию, при которой реально освободиться от текучки, связанной с производством ресурса, но остаться главным распорядителем ресурса? Чтобы ответить на этот вопрос, посмотрим, существовала ли в истории человечества сила, пользующаяся «молоком и рогами», не участвуя в выработке «молока и рогов»?

Первое, что приходит на ум, — феодальный строй. Крестьяне были в роли коровы (производили продукт). Рыцари были потребителями продукта. Граф не лез в устройство крестьянской общины. Крестьяне сами организовывали экономику, выбирали старшин, уклад жизни, мирились, ругались, что-то делили и прочее. Они напоминали сам по себе растущий лес. Владелец леса не организовывал его, он ходил туда по грибы и на охоту.

Обращаем внимание: речь идет именно о свободных крестьянах, а не о рабах. Рабы сами по себе не могли организовываться, поскольку были в статусе домашних животных или даже инструментов. Рабовладелец должен был принимать самое активное участие в организации их производственной деятельности и социальном устройстве.

Можно вспомнить и более сложные формы, например, владение Золотой Ордой своими зулусами (областями). Или владение Римом завоеванными территориями. Или владение европейскими странами своими колониями. Они не лезли во внутренние дела и устройство общества. Они давали местным «ярлык на княжение» в обмен на «молоко».

Но упомянутые системы — не совсем то. Власть там должна была вырабатывать военную силу. Если по каким-то причинам она прекращала это делать, следом оскудевал ресурсный поток и в итоге система рушилась.

Нам же нужна структура, позволяющая сконцентрировать все силы на производстве глобального продукта, не отвлекаясь на производство ресурса. По этой причине никакая колониальная или силовая модель нас не интересует, ибо не решает главной задачи — свободы от текущих задач. Она обязывает нас тратить время и ресурс на производство силы. Без силы нельзя побудить людей идти к цели, которую они не понимают и не могут понять (любая глобальная идея выходит за границы восприятия среднестатистического обывателя).

Демократическая, монархическая или тираническая модели еще меньше применимы в разрезе поставленной задачи, поскольку устроены так, что поглощают все силы на решение множества текущих проблем типа ЖКХ. Нам же необходимо найти способ не касаться низового производства (в широком смысле), но при этом пользоваться производимым обществом ресурсом, чтобы создавать главный продукт (как это делал Арзамас, производивший только атомную бомбу).

ГЛАВА 3

Теократия

Есть ли социальная модель, при которой группа лиц может пользоваться «молоком и рогами», не заботясь о производстве того и другого? Кажется, невозможно иметь власть над всем производимым ресурсом и силой, не производя ни силы, ни ресурса.

И все же это не утопия, а реальность. Модель, позволяющая малой группе людей пользоваться плодами административной, научной, военной и экономической работы, не участвуя в оперативном производстве и управлении ресурсом, называется теократия.

Высшая власть — жрецы — не производит военный и экономический продукт ни прямо, ни косвенно. Жрецы вообще не касаются этой темы. Но при этом имеют власть над продуктом. Они могут тратить ресурс на метафизические цели, не обращая внимания, насколько это соответствует бытовым целям общества.

Пока мы не касаемся практической стороны дела. Мы только говорим: большое дело можно реализовать при теократии (разновидность диктатуры). Любая иная система заставляет правителя тратить львиную долю времени на текучку и действовать в границах понимания общества. Если людям непонятно, куда тратится ресурс (а это будет, потому что цель общества — бытоустроение), система возмущается и выкидывает правителя, реализующего неясные обществу цели. Если правитель уклоняется от участия в текучке, система тоже возмущается. Свободное место тут же занимает другая фигура.

Максимум уклонения, которое правитель может себе позволить, — это поставить двойника вместо себя на трибуну, чтобы махал ручкой, как это делал Сталин. Но от решения более серьезных текущих вопросов Сталин не мог уклониться.

Система, управление которой предполагает контроль экономических, политических, социальных и силовых институтов только в ручном режиме, образно говоря, — могила больших идей. Для реализации материальных и тщеславных задач власть в такой системе — верх мечтаний. Но для решения действительно глобальных задач она не годится.

В наше время ни один правитель даже мечтать не смеет освободиться от текучки. Он обязан лично выстраивать сдержки и противовесы и стеречь возведенную конструкцию, носясь с ней, как курица с яйцом. За ним заезжают в установленное время, привозят в определенное место, где он разрезает ленточки, принимает от послов верительные грамоты и прочее. График жесткий. Глобальному мышлению в такой системе нет места. Власть намертво связана с оперативным управлением, на которое тратит все свое время. Ключевые фигуры,

если они даже крупные личности, исключены из стратегического управления.

Сегодня теократии нет в природе. То, что формально выглядит теократией, по факту есть та или иная форма монархии, аристократии или тирании. Просто лица, исполняющие роль политиков и чиновников, одеты не гражданские одежды, а в священнические.

Показатель истинной теократии: жрецы не участвуют в производстве и управлении. Во всех современных «теократиях» (например, некоторые исламские страны), «политики в рясах» заняты тем же, чем «политики в галстуках»: думают, как повысить эффективность налогооблагаемой базы и усилить обороноспособность. Под ковром идет междоусобная борьба вокруг ключей от «трюма». Теократия возможна, когда:

- подавляющее большинство верит в существование высшей идеи;
- есть четко проговоренная высшая идея;
- есть носители идеи;
- общество верит, что носители реализуют идею.

Если нет хоть одного из этих условий, настоящая теократия невозможна. В нашей действительности нет ни одного из указанных требований. Никакой высшей цели на горизонте не видно. Многие предельно оглушены и не способны верить/не верить в высшую цель. Профессиональных союзов, заявляющих себя носителями высших идей, так много, что непонятно, кому и почему верить. Большинство не верит никому.

Суммируя подобные факты, констатируем: современные условия исключают теократию. Для этого нужна глубокая массовая вера. Чтобы понять необходимый уровень глубины веры, посмотрим на примеры древности.

Ксеркс приказал построить мост через пролив Дарданеллы. Буря разметала практически построенный мост. Царь приказал бичевать пролив. Целый отряд занимался этим нелепым, с современной точки зрения, занятием. Люди серьезно, без всяких ухмылок, верили в то, что наказывают воду за сопротивление царской воле.

Другой пример: Кир остановил армию, чтобы наказать реку Гинду, унесшую священную лошадь. Целая армия в течение года копала 360 каналов, и в итоге отвела воду. Река была осушена, религиозный долг выполнен.

Персидский царь плыл на переполненном судне. Началась буря. Капитан сообщил царю: если судно не избавится от «лишнего» груза, оно затонет. Царь приказал людям прыгать за борт. Люди начали прыгать, ибо не мыслили, как можно послушаться царя.

Современный правитель не может помыслить ничего подобного, ибо

понимает: отдай он такой приказ, есть вероятность, его самого первым выкинут за борт. Потому что никто сегодня не рассматривает правителя чем-то сакральным. В теории это обычный менеджер, которого общество периодически нанимает на работу и увольняет.

Верующие — принципиально иной материал. Они способны совершать поступки без рациональной мотивации. Например, первые христиане предпочитали лучше умереть, чем признать императора высшим авторитетом. С позиции здравого смысла, который потом возобладал, глупо лишаться жизни ради отказа выполнить пустую формальность. Но пока была глубокая вера, «пустая формальность» перевешивала рационализм.

Нерациональное поведение вообще свойственно верующим. Например, племя майя вело войны с единственной целью: добыть жертвенный материал (пленников). Ни о каком захвате чужих территорий и грабеже речи не было. Люди шли на войну, имея надежду в лучшем случае остаться живыми. В худшем случае их ждала смерть. На своих великих религиозных праздниках индейцы бросали золото в водопад в огромных количествах. Если актеру, выступающему перед царем, по сценарию предписывалось умирать, он убивал себя не притворно, а по-настоящему.

В условиях массовой религиозной веры возникает особая атмосфера. Люди готовы на то, на что без веры ни при каких условиях не пошли бы. Например, если люди верят — власть от Бога (или сама является божеством), они готовы умирать по слову власти. Если веры нет, люди не совершат ничего, что выходит за границы их понимания.

Поскольку понимание большинства примитивно и узко, их нельзя призвать к делу по реализации большой цели. Максимальная цель, которую способна услышать масса, всегда будет из серии «повышения благосостояния трудящихся».

Люди могут выполнять огромную непонятную работу, нести материальные и энергетические потери, тратить свое время и ресурсы, перенапрягаться и идти на любые жертвы, если имеют сверхмотивацию. Такой мотивацией может быть только цель за рамками видимого мира (минимум, за рамками своей жизни, как у коммунистов).

Все варианты земных целей такой мотивации не дают. Например, деньги образуют серьезную мотивацию, но здесь свой потолок. Юлий Цезарь говорил: «Я знаю много людей, готовых убивать за деньги. Но я не знаю ни одного, готового умирать за деньги».

Во избежание недоразумений обращаем внимание: речь идет именно о сознательном приятии смерти в обмен на такую-то сумму, а не о смерти во время драки за деньги. Никто из дерущихся не хочет умирать, он дерется в надежде победить, то есть остаться в живых. Если шанса нет, человек в драку не полезет. Еще могут быть эмоциональные мотивы, но там смерть

принимается тоже не за деньги, а например, за стояние за свою честь.

Итак, ключевой узел — сверхмотивация. Она возможна, если есть большая цель за рамками земной жизни. Иными словами, это огромная информация. Сознание большинства не в состоянии вместить такой объем. Единственный вариант признать такую информацию за истину — принять ее на веру. Это образует высшую цель и, далее по цепочке, высшую мотивацию для достижения цели.

ГЛАВА 4

Отторжение

В современных условиях теократия невозможна. Причина: с одной стороны, большинство стало более образованным, с другой стороны, поглупело. Взгляд среднего человека стал более узким по сравнению с его предком. Как показатель, большинство не в состоянии задуматься о смысле жизни. В сознании может родиться какой угодно вопрос, но только не этот. А это — показатель масштаба. Вернее, его отсутствия.

Кроме того, все существующие на сегодня религии колоссально дискредитированы не столько поведением священнослужителей, сколько невозможностью отличить, кто из них прав, кто нет.

Раньше, когда человек всю жизнь проживал там, где родился, у него перед глазами была одна-единственная религия, которую он считал истинной, не особо задумываясь, почему так считает. Сегодня человек не ограничен своей местностью. Путешествуя по миру виртуально и реально, он видит множество религий. Каждая утверждает себя единственной носительницей истины, клеймя остальных последними словами.

Возникает совершенно иная ситуация. Не имея даже малейшей возможности разобраться, где истина, человек как бы закрывается в том, что ему привычно. Он позиционирует себя приверженцем привычной ему религии, не имея при этом даже тысячной доли веры своих предков. Через внешнюю религиозность он фиксирует свою культурную принадлежность. Как показатель, подавляющее число людей, заявляющих себя верующими, не знают ключевых моментов своего вероучения. Иными словами, они сами не осознают, во что верят. Для них вера сведена к обряду и общим словам.

Прежние баталии вокруг одной буквы (подобно-сущный или единосущный) кажутся современному человеку невероятной глупостью. На этом основании большинство «верующих» признают не только свою

истину, но также истину всех других религий (выступают лишь против сект, потому что официальный монополист на религиозную истину создал крайне отрицательный образ всем своим оппонентам). В результате религия стала выхолощенной и гламурной. Такая вера никогда не сможет дать сверхмотивации.

Очевидно, что построить теократию в такой ситуации невозможно. Но так же очевидно: любая иная социально-политическая модель, кроме теократии, не позволяет сосредоточиться на реализации глобальной идеи. Что же делать?

Может быть, выход в культивировании религиозной веры? Раз основание теократии — вера большинства в высшую цель (вера, потому что большинство не может вместить глобальную информацию) выходом будет ответ на вопрос: как массе привить веру (не уточняем пока, какую именно веру).

Практика однозначно показывает: какую религию государство прививает людям, такую большинство и принимает. Если в одной местности начинали прививать ислам, в другой — христианство, в третьей — буддизм, через некоторое время во всех этих местностях выросло поколение мусульман, христиан и буддистов.

Свежий пример из нашей действительности — вера в демократию. Еще вчера любому крестьянину предложение выбрать там, где он ничего не понимает, казалась очевидной глупостью. Но вот заработала пропагандистская машина, и теперь огромная масса людей уверена: человек может сделать сознательный выбор в области, о которой понятия не имеет. Ему просто нужно собраться, подумать, и без всяких знаний он совершит правильный выбор хоть власти, хоть победителя математической олимпиады.

Если эту технологию применить для формирования других установок, большинство так же примет их на веру, и так же будет совершать непонятные для себя действия. Здесь могут быть возражения со ссылкой на наши собственные слова, что раньше люди не видели иных религий, кроме своей, а сейчас видят их и попадают в прострацию. Но ради чистоты эксперимента допустим, это как-нибудь преодолено.

Если не принимать во внимание подобные моменты, кажется, возразить нечему. Действительно, какая разница, что внушать людям: веру в их способность выбирать власть или религиозную веру?

Здесь есть одно большое НО. Чтобы начать формирование религиозной веры, нужна группа людей, принимающих эту информацию не на уровне веры «по традиции» и «потому что так у нас принято», а намного глубже, на сознательном уровне.

Нельзя поверить «для дела». Это всегда будет лицемерие. Слова о вере

никогда не станут делами. Свою жизнь человек строит, исходя из информации, которую считает настоящей. Информацию, заявленную им ради выгоды истинной, он никогда не будет воспринимать фундаментом для своих решений.

Кроме того, манипулятивные технологии имеют ограничение среды, в которой применяются. В потребительской атмосфере они сработают в рамках потребительских установок. Можно заставить людей покупать ненужные вещи, но нельзя заставить их, например, вести аскетический образ жизни. Для этого потребуется создавать новую среду с соответствующей атмосферой.

Нельзя представить пассажира тонущего судна, находящегося в здравом уме и твердой памяти, который, имея возможность спастись, отказывается от нее только потому, что нет четкого плана спасения, а ему спать или танцевать хочется. Если пассажир тонущего судна говорит: «Я все понимаю, судно тонет, но спастись не буду, а буду танцевать или спать, ибо стар/молод, богат/беден, болен и прочее», это верный показатель, он не услышал или не понял информацию.

На тонущем судне действуют все. Эффективно или деструктивно, второй вопрос. Главное, люди не могут не действовать. Они могут отказаться от идеи спасения по соображениям благородства, уступая место в шлюпке женщине с ребенком. Могут бегать в панике по кораблю и совершать бессмысленные движения. А еще могут организованно и четко реализовывать операцию спасения, а не футбол смотреть.

Понимает человек, как спастись или не понимает, это никак не влияет на желание действовать. Непонимающие будут похожи на лягушку, бессмысленно болтающую лапками в крынке с молоком. Она хотела жить и не видела выхода. Желание выжить заставляло ее совершать бессмысленные действия. В результате лягушка взболтала уплотнение, и образовалось то, чего раньше не было.

Из безвыходной ситуации появился выход — лягушка оттолкнулась от новой сущности и выпрыгнула из кувшина. Если бы она принимала решение, исходя из реальной на тот момент ситуации — выхода нет — то расслабилась бы и утонула, как ее подруга. Ее спасло желание жить и бессмысленное действие.

Мы в аналогичной ситуации. Стоит под тем или иным предлогом прекратить поиск модели, позволяющей не текущими делами заниматься, а достижением цели, как нас поглотит бытовая, политическая и коммерческая текучка. Мы утонем в ней, как вторая лягушка.

Чтобы реализовать глобальную цель, необходимо найти возможность

пользоваться ресурсом общества и быть свободными от его создания. Такую возможность дает только теократия. Любая иная модель будет забирать львиную долю времени и ресурсов на удержание власти в этой модели. Но тут понимание входит в противоречие с практикой. По объективным причинам теократия сегодня невозможна.

На выбор два пути: а) изобретать социальную модель, отвечающую заявленным требованиям; б) отказаться от цели. Высоцкий пел: «В дорогу — живо! Или — в гроб ложись. Да! Выбор небогатый перед нами». Мы не хотим ложиться в обывательский гроб и потому выбираем первый вариант.

Положение небезнадежное. У нас есть понимание, что делать. Наши размышления могут показаться странными, но они обозначают направление. Двигаясь этим курсом, можно решить поставленную задачу.

ГЛАВА 5

Природа

Чтобы понять принцип функционирования будущей социальной модели, нужно еще раз вернуться к рассмотрению природы современного человеческого материала. Одно из его главных качеств — он имеет малый масштаб мышления и непомерные амбиции.

Великие люди древности признавали чей-то авторитет (жрецов, Бога...). Наши современники никакого авторитета в принципе не признают. Подавляющее большинство на глубинном уровне уверено: их личность является высшей ценностью во вселенной. Выше нет ничего даже в теории.

Люди не знают ценностей, за которые готовы сознательно отдать жизнь. Не в порыве эмоций и не в размышлениях на кухне, а именно сознательно. Как христиане, взвесив все «за» и «против», принимали решение умереть за Христа.

Единицы превышают уровень городских приматов, но общая атмосфера эпохи формируется не единицами, а большинством. Отсутствие глобальных целей породило приоритет сиюминутного блага. Как следствие, появились установки гуманизма и либерализма, возводящие плоскость мышления в норму. Земные ценности (человеческая жизнь, материальные блага, земные удовольствия) легли в основу системы ценностей. Ее основание — не мировоззрение, а инстинкты.

Дух эпохи пропитал собой ведущую часть человечества. Сегодня нельзя найти на планете более-менее развитого общества, по умолчанию не принимающего эти установки за само собой разумеющуюся истину.

Это, кажется, так же естественно, как дышать. Любые страны, в том числе исламские, позиционирующие себя врагом гуманизма и демократии, по фундаментальным параметрам разделяет ценности гуманизма.

Никто не задается вопросом, из чего следуют высшие ценности гуманизма. Жители нашей эпохи считают их истиной только потому, что они соответствуют их инстинктам. Люди как бы спрашивают свою плоть: «Хорошо ли получать удовольствия?». Та им отвечает: «Хорошо». Этого признания достаточно, чтобы бытовую истину возвести в статус высшей идеи, а все остальное считать демагогией.

Кратчайший способ реализовать бытовые истины — деньги. Кратчайший способ получить деньги — отнять. Это идеал, ведь прибыль 100 %, вложение — ноль. Эта истина не оформлена в строгую систему, но на уровне подсознания присутствует, побуждая совершать логичные, вытекающие из базовых установок, поступки.

Люди воруют все, к чему имеют доступ, в изощренных и неожиданных формах, прикрывая это различным бла-бла-бла (или не прикрывая), что только усиливает атмосферу циничности и продажности. Квинтэссенция ситуации — в политическом секторе. Политики призывают к тому, во что сами не верят. Не потому что люди плохие, а потому что в своих действиях исходят из своего видения мира.

Выступления лиц, позиционирующих себя национальными лидерами, пусты и потому сначала были смешны, теперь попросту раздражают. Все понимают: они не знают, что делать. Отсутствует цель, к достижению которой можно позвать.

Попытка заменить высшую цель призывами хорошо жить дала противоположный эффект. Лидеры руководствовались вроде бы очевидной логикой: если каждый будет стремиться обустроить свой быт, в итоге все станут хорошо жить. Но так как самым эффективным инструментом достижения заявленной цели являются деньги, а самым эффективным способом воровство, высшей целью стала добыча денег оптимальным путем. Руководствуясь этой безупречной логикой, люди рассматривали свою должность в первую очередь как способ добыть деньги. Здесь корни всех хищений и злоупотреблений.

Стыдить людей за то, что они добросовестно выполняют внушенную им установку, глупо и бессмысленно. Какими соображениями человек должен руководствоваться, чтобы от взятки отказаться? Почему, имея выбор: принести обществу вред (и нажать денег) или принести обществу пользу (и не нажать денег), человек, продукт современного общества, практически всегда выбирает первый вариант? Потому что для второго нет мотивации. Атмосфера временности всего, в том числе и должности, и жизни (на этом основана демократическая система с ее постоянной сменой власти),

многократно усиливает эффект.

Система сама вырастила своих могильщиков. Если нам на протяжении двух последних десятилетий денно и нощно, прямо и косвенно внушали: главное в жизни — материальное благосостояние и обустройство быта, система пожинает плоды своих установок. Хищения и взятки имеют исключительно мировоззренческие корни. Пока не изменились установки, нет шанса победить воровство (как бы оно ни называлось).

Чтобы изменить ситуацию, нужно не копировать шаблоны прошлой эпохи, насколько кажущиеся очевидными, настолько и неработающие, а дать новое мировоззрение. Если люди осмысленно посчитают его верным и согласятся с его выводами (как пассажир тонущего судна, признающий информацию о катастрофе истинной, соглашается с выводом о необходимости определенных действий) — это выход.

Пока мировоззренческий вакуум пытаются заменить идеей бытоустройства, ситуация даже в теории не может быть исправлена. Власть обречена вводить последний аргумент — страх. Тут тоже свои проблемы: для страха нужны карающие органы.

Каратели — те же обыватели. У них нет иной цели, кроме как обустроить быт. Это значит, они начнут не столько карать, сколько торговать своей возможностью карать. Силовики не смогут выполнить карательную функцию. Беспомощность против терактов подтверждает это. Понимать себя на службе идее — одна модель поведения. Понимать свое место кормушкой — другая модель поведения. В том и другом случае логику поведения предопределяет точка отсчета, а не желание власти.

Советские чекисты служили идее коммунизма (не важно, что они ее неглубоко понимали, достаточно, что они в нее верили). Это объясняет, почему они могли практически все. Чтобы представлять объем и скрупулезность работы, скажем: во время теракта в конце 1970-х в московском метро КГБ проверил всех подписчиков газеты «Советский спорт». Причина: на месте теракта был обнаружен клочок этой газеты. Как он там оказался, может с утра лежал, кем-то случайно оставленный, и к террористам не имел никакого отношения, неизвестно. Но чекисты проверяли все. Подписчиков газеты было более трех миллионов. Всех проверили. Если бы советский КГБ с теми кадрами сегодня взялся за проблему терроризма, результат был бы быстрым и зримым.

Скажем больше: будь политическая воля хотя бы на уровне стареющего Политбюро, даже наша стремительно коррумпирующаяся ФСБ могла решить многое. Но что решать, если воли нет вовсе, что заметно на примере Кавказа. Вместо того чтобы решать проблему, от нее откупаются. Кому не ясно, что это мина замедленного действия? Всем ясно. Непонятно, на что надеются люди, принимающие подобные решения.

Уровень логики нашей власти — страусиная тактика. Пока вопрос решается деньгами, будем его решать деньгами. Когда проблема деньгами перестанет решаться, тогда подумаем, что делать. Такая стратегия ведет в тупик, ибо к тому времени проблема вообще ничем не будет решаться. Обезболивающее может снимать боль, но не устраняет причину боли. Колоть обезболивающее — самое простое. Понимать его как лечение — самое опасное.

Пока у людей другая мотивация, ничего стратегического в принципе не может быть. Это очень хорошо заметно на силовиках. Люди устраиваются в ФСБ и МВД не служить обществу, не защищать его, а деньги зарабатывать. У многих мечты откровенные: вот бы хапнуть сразу несколько миллионов, и катись все к известной матери.

Мы не осуждаем этих людей, особенно молодых, потому что если тебя с малых лет учили брать от жизни все, и если все вокруг берут от жизни все, а чудаков, которые не берут, система выдавливает, потому что они тромб в финансовых потоках, как можно ожидать иного? Когда ребенка с малолетства учат говорить только по-английски, он не заговорит по-русски. Ругать его за английскую речь может только полный идиот.

Можно как угодно и сколько угодно менять одних генералов и рядовых на других, но если у новых те же цели, что и у прежних, ситуация не изменится. Людям нужно дать цель (не путать с лозунгом, которому непонятно почему нужно следовать), с новой целью они будут совершать другие действия.

Современные люди напоминают червячков, живущих в дереве. Стремясь к своему благу, они прогрызают норки в корнях и стволе, обустроивая свой быт, думать, не думая рушить систему хотя бы потому, что не мыслят в таком масштабе. Все их мысли и цели в рамках бытового блага и тщеславия. Если червячка спросить, хочет ли он обрушения системы, тот возмутится — конечно, нет! Наоборот, он желает дереву здоровья и процветания. Может на эту тему целую речь спонтанно выдать.

И это не лукавство. Его логика понятна: чем дерево здоровее, тем ему больше достанется. Если червячку объяснить, что он пилит сук, на котором сидит, и допустим, он все поймет, ничего не изменится. Раньше он чувствовал: не все спокойно в нашем царстве, теперь знает. Но дырки сверлить продолжит, потому что цели червячка не изменились.

Понимание ситуации в условиях сохранения прежней цели сыграет обратную роль. Он придет к выводу: нужно ударными темпами, без оглядок, делать запасы, пока система не рухнула. И начнет наш червячок усиленно готовить себе «запасной аэродром».

Характерный пример: вакантна должность ректора крупного университета. Кандидат на эту должность назначается голосованием. Претендентов море. Одна группировка «разнесла» кому следует, договорилась о взносах с откатами

и прочее. Решение принято в пользу человека этой группировки. Осталось соблюсти формальную процедуру (за кандидата должны проголосовать академики).

Кандидат никакой. Договориться с академиками за взятку нельзя. Они — ключевые фигуры, их голосование узаконивает назначение. Как сделать, чтобы академики проголосовали за того, за кого «занесли»? (Обратите внимание, как сместился акцент: раньше говорили «дали взятку», то есть осуждающе, а теперь «занесли», то есть буднично и по-деловому). В этом изменении можно уловить природу человека. Люди не желают выглядеть плохими. Но хотят достигать своих целей. И раз цель — деньги любыми способами, они вуалируют неблагоприятные поступки нейтральными словами.

Итак, чтобы академики проголосовали правильно, нужно создать им ситуацию, когда все кандидаты, по сравнению с нашим «никаким», будут еще хуже. Оказавшись в такой ситуации, академики начнут оперировать логикой «на безрыбье и рак рыба» и проголосуют на нужную кандидатуру.

Пока вроде бы ничего особенного, привычные откаты/закаты. Особенное вот где: чтобы создать ситуацию, в которой пройдет «никакой», «решальщики» выявляют претендентов, которые реально профессионалы с именем и могли бы поднять работу университета. Выявив «опасные» фигуры, они их вычеркивают из списка (хороших кандидатов отсеивают по формальным причинам). Убожествам, наоборот, дают дорогу. Чем более убогими будут кандидаты, тем больше «никакой» (за которого занесли) будет лучше выглядеть.

Академики, выбирающие ректора, в шоке от представленных кандидатур. Они бухтят по поводу того, почему в список не внесены достойные люди. Им невдомек, что всех достойных специально тщательно зачистили, чтобы провести своего. В итоге академики голосуют за «никакого», потому что на остальных без слез не взглянешь. Такая вот кадровая политика.

Это повторение известной политехнологии, когда с выборов снимают всех опасных кандидатов, какими бы хорошими они ни были. Проходной балл тут не в умении созидать, а в гарантии, что посаженный на должность человек будет воровать и делиться.

А что руководимый им объект начнет разваливаться, в этом имеются свои плюсы. Есть повод указать на недостаточное финансирование. Свои люди грамотно составят нужные бумаги, комар носа не подточит, и все будет выглядеть правильно. В следующем году бюджет увеличат, доходы червячков вырастут. А объект все равно загнется.

Авария на Саяно-Шушенской ГЭС демонстрирует зависимость видимой конструкции от невидимой системы. Гидроагрегат № 4 рухнул не из-за технической ошибки, усталости металла и прочей чуши, которой нас кормят СМИ. Знающие люди в курсе: это произошло из-за откатов и

распилов. Деньги на плановый ремонт тупо воровались.

Логика чиновника проста: зачем тратить деньги на то, что и так работает? Не лучше ли потратить их на себя? Дальше стратегия действий понятна. На бумаге все было сделано, на практике деньги украли, и ГЭС не устояла.

Неосведомленный читатель, возможно, не верит. Как так можно? А если и можно, кто виноват и почему не наведут порядок? Но как навести порядок, если система на этом построена? Нельзя получить заказ, не дав откат. Вернее, можно, но только один раз. Второй раз не давший откат не получит заказ. Откажут по формальным причинам.

Доходит до смешного. Выделяются деньги на замену шпал дорожного полотна и просят сумасшедший откат. Подрядчик говорит: если столько дам, я физически не смогу выполнить работу. Ему в ответ: меняй не все шпалы, а через одну.

Выделяются деньги на строительство МКАД. Далее откат, и дорога становится поуже. Миллиарды уплывают. Возбуждаются уголовные дела. Потом «занос», и дела сворачиваются. И никакой президент Ничего тут не сделает, потому что система сильнее любой своей части. Этот эффект отметил еще Сталин, когда говорил о силе Apparata.

Есть примеры, которые вообще ни в какие ворота не лезут. Мэр одного крупного города поругался с хозяином аэропорта и начал ему «кислород перекрывать». Затеял «ремонт» дороги и моста, фактически перекрыв путь к аэропорту всему наземному транспорту, а также затруднил прямое железнодорожное сообщение между городом и аэропортом.

Червячки перестают видеть берега в погоне за своей целью. Но если быть последовательными, червячки правы. Они логично и всеми силами стремятся к цели, которую им внушили. Если разбудить в червячках жалость к дереву и его обитателям, логика все равно возьмет свое. Что изменится, будут они думать, если мы, одни из многих «пилящих и заносящих», прекратим пилить и заносить? Ничего. А раз так, какой смысл? Только хуже сделаем себе и всем, кто от нас зависит. Но ради чего? Цель какая? Тупик...

Завершим аналогию про червячков их полным оправданием. Осуждать людей за то, что они выбирают самый эффективный для себя путь к цели, которую им внушили, невозможно. Природа человеческая такова, что не может не стремиться к благу. Что люди считают благом, к тому они будут стремиться всеми способами. Но вот что именно люди будут считать благом, зависит не от них. Это зависит от системы.

Мы имеем сомнительный человеческий материал. Его главный порок — он видит единственную цель своей жизни в устройении своего быта. Он изначально ориентирован, как можно больше брать у общества, и как можно меньше отдавать (в идеале брать все и не давать ничего).

Эти установки современный человек впитывает с молоком матери, они у него на уровне подсознания. Заставить людей отказаться от этих установок невозможно. Как в этих условиях построить нужную нам социальную конструкцию — теократию?

ГЛАВА 6

Невидимки

Общество рождает примерно 50 % мальчиков и 50 % девочек. Есть определенный процент воинов, мыслителей, рабочих и т. д. Следовательно, крупно мыслящих личностей, которые не могут не иметь большой цели, народ рождает во все времена.

Крупным свойственно желание понять: почему так, а не иначе. Однажды они приходят примерно к тому же, что и мы — осмысливают целое и делают из него выводы, что становится их большой целью. Не уточняем, какой именно. Главное, большой.

Далее вопрос в реализации цели. Пройдя всю эволюционную цепочку, они рано или поздно задаются тем же вопросом, что и мы: достижение любой глобальной цели возможно, если посвящать ей все время и всю энергию. Значит, они тоже искали ответ на вопрос: как не касаться текущих дел, но иметь «молоко и рога»?

Теперь зайдем в вотчину маргиналов, но не для того, чтобы доказать или опровергнуть теории мировых заговоров и прочее, а чтобы нащупать принцип, который поможет справиться с нашей задачей — создать конструкцию, аналогичную теократии.

Кстати, доказывать наличие или отсутствие тайных мировых игроков — задача глупая и бесперспективная хотя бы потому, что если они решили остаться неизвестными, у них хватило ума организовать это так, что их не «засветят». Поэтому разговоры о мировом заговоре нам неинтересны. Мы сами мировой заговор, если угодно.

Уверенность в невозможности нарушить анонимность демонстрирует наш собственный опыт. Решив быть анонимными, мы насытили информационное пространство «фактами», которые уводят любопытствующих в приятную им сторону.

По вопросу авторства есть несколько версий, удовлетворяющих все вкусы. Одна группа версий дает повод считать, что автором является Кремль и чуть ли не сам нынешний премьер. Вторая группа версий настаивает: это происки коварного Запада. Третья группа версий утверждает: это дело рук РПЦ (чуть

ли не самого Патриарха). Есть версии, что за Проектом стоят сионистские круги, а может, бандиты и уголовники или, еще хлеще, — Усама Бен Ладен. Имеется версия типа Проект сочинен отшельником на досуге. В общем, ассортимент найдете в Интернете. Выбирайте на свой вкус.

Каждый остановится на версии, какая ему покажется правдоподобной. Возникнет болото вариантов, в котором будут копаться историки, опираясь исключительно на факты (которые мы им оставили). А Проект анонимным как был, так и останется. Как масоны...

Масонов отрицать нельзя. Достаточно посмотреть на Вашингтон с высоты птичьего полета: улицы образуют рисунок масонских знаков. Доллар, на котором сегодня стоит мировая экономика, насыщен этими знаками.

Мы не знаем целей, ради которых это сделано, но вывод однозначен: цели были глобальные. Принимая во внимание масштаб попыток, можно утверждать: эта сила не могла быть заметна на уровне политической и экономической текучки, поскольку не имела мотива участвовать в подобной «каше». Но она не могла не нуждаться в энергии «каши». Она должна была искать возможность иметь ресурс, не участвуя в его создании.

Эта сила столкнулась со всеми нашими проблемами. Из человеческого материала эпохи масонов теократию тоже нельзя было построить. Следовательно, они искали другой способ организации общества, решающий задачу «молока и рогов».

Опираясь на эту мысль, взглянемся в современное общество с космической высоты. Охват ситуации рождает ощущение, что социально-политическая модель имеет искусственное происхождение. Ее анализ указывает на признаки теократии скрытого типа.

Нет смысла разбрасываться громкими словами о мировой теократии, жрецы которой предпочитают оставаться в тени, — это отдает несерьезностью. Но мы можем говорить о фактах. А они таковы: современное общество производит огромный материальный ресурс, но не распоряжается им. Производимое изымается посредством финансовых и политических инструментов.

Люди не в силах этому противиться по тем же причинам, по каким, имея сбережения в долларах, не могут противиться обесцениванию. Можно сколько угодно охать и причитать, но противиться бесполезно.

Более крупный пример: «бывшие» хозяева снимают сливки с «бывших» колоний экономическими, финансовыми и политическими способами. Но колонии не могут этому противиться, как бы они того ни хотели. Потому что не понимают: что значит противиться? Кому в морду дать?

Люди могут сколько угодно протестовать, но не могут изменить

социальную модель, заставляющую их производить продукт и отчуждать его в пользу неведомой силы хотя бы потому, что не понимают принципов ее действия.

Система устроена таким удивительным образом, что одни страны превращаются в ресурсы, другие — в производителей, третьи — в потребителей, и они не в состоянии друг без друга выжить. Попытка любого правителя выскочить из этой системы не может иметь успеха, поскольку выходит за рамки его видения. Да и зачем ему это нужно?

Кроме того, существуют искусственные препятствия, способствующие сохранению распределенных ролей. Например, Киотский протокол, ограничивающий выброс вредных веществ в атмосферу, есть отсечка, исключаящая развитие стран второго эшелона, которым определена роль сырьевого придатка. Чтобы они таковыми и оставались, нужно ввести правила, которые эти страны не сумеют выполнить из-за технического отставания. Киотский протокол прекрасно справляется с этой функцией.

Нет смысла выявлять природу, контуры и цели силы, стоящей за созданием конструкции. Если она не открывает свои цели, значит, позаботилась о невозможности сделать это посторонним. Любая попытка выявить их выбрасывает нас в маргинальную область домыслов и рассуждений о мировом заговоре.

Современная мировая система производит продукт, который у нее изымается против ее воли. Изымающая сила, которую общество идентифицировать не может, не имеет к производству продукта отношения. Этот факт позволяет утверждать: из современного человеческого материала в условиях нашей эпохи можно построить конструкцию, позволяющую иметь «молоко и рога», не участвуя в производстве того и другого.

С одной стороны, каждый желающий может зафиксировать существование огромной гармоничной системы, работающей подобно гигантскому заводу и отдающей вырабатываемый ресурс тому, кто организовал эту систему. С другой стороны, единственная модель, позволяющая достичь такого эффекта, — теократия. Как многократно говорилось, теократия невозможна при неверующем (или слабо верующем) населении.

Современная система создавалась из неверующих. И она... теократия. Это невероятный вывод, к которому нас приводит логика.

Как можно построить теократию из неверующего населения? В поисках ответа приходим к единственно возможному, с нашей точки зрения, выводу. Населению нужно дать другой объект веры, который оно не будет

идентифицировать как религиозную веру, но при этом будет слепо и свято верить в предложенные постулаты. Второе условие: жрецы как реальная власть должны быть сокрыты. Люди должны принимать за власть то, что властью в глобальном смысле не является.

Власть, которую мы видим сегодня на политической сцене, в глобальном смысле не является властью. Реальная власть переложила на бутафорскую все заботы, связанные с заботой о «корове». Обыватели дерутся за право ухаживать за «коровой», имея наградой малую часть от «рогов и молока». Основное уходит широким потоком совсем на другие цели.

В прошлом каста жрецов специально выставляла себя на всеобщее обозрение. Ноу-хау новой теократии — жрецы скрыты за кулисами. Они не участвуют в конкурентной борьбе за власть, не тратят силы на удержание в седле. Все это они оставили бутафорской власти. На сцене выступают фигуры, в принципе ни на что глобальное не влияющие, реальность которых ограничена тактическим уровнем.

Не касаясь целей, ради которых создавалась такая огромная модель (мы их не знаем), мы восхищаемся масштабом, глубиной и объемом работы. Это были титаны мысли, бесконечно превосходящие традиционный для человека масштаб.

Если атомную бомбу изобрели американцы, это не запрещает пользоваться результатом их мыслительной работы всем, кто сможет. Если масоны изобрели социальную модель, понуждающую общество производить ресурс и военную силу, а также изобрели инструменты, позволяющие снимать сливки, нам полезно понять ее.

ГЛАВА 7

Фиктивность

Осмысление мира в соответствующем масштабе рождает образ громадных шестеренок, вращающих друг друга в заданном направлении. Природа шестеренок не позволит им остановиться, как сущность воды не позволяет остановиться ее круговороту в природе. Гигантские массы воды испаряются, потом снова выпадают на землю в виде осадков, потом опять испаряются, и так вечно.

Аналогично и с людьми, и с правителями: в существующей системе власть на «сцене» не может закрепиться. Возникает политический круговорот, основной узел новой теократии, гарантирующий

одновременно постоянство и временность политической власти. Движущая сила круговорота — потенциальная возможность любого человека стать властью (ее бутафорского характера он не понимает, ибо мыслит на другом уровне).

Легитимность зависит не от силы носителей власти, а от легко возбудимой массы, объявленной источником власти. В этих условиях возникает ситуация, когда можно пользоваться «коровой», не касаясь связанных с ее содержанием проблем.

Вообразим себя силой недавнего прошлого, имеющей большую цель. Пройдя цепочку указанных выше размышлений, мы придем к необходимости построения теократии нового типа. Для ее создания, с одной стороны, нужно разрушить религию, с другой — объявить глас народа гласом Бога (вопросы чисто технические).

Второй шаг: временность власти должна стать ключевым требованием системы. Решается через ограничение пребывания у власти путем эмоциональной риторики: НАРОД должен иметь право отозвать одних и возвысить других (можно еще кучу оснований придумать, доказывающих, что временная власть — высшее благо).

Третьим шагом вводим двойственность, как в США, где общество имеет право воевать и тут же имеет право протестовать. Логика такова: США может воевать, но не выглядеть агрессором. На улицы выйдут многотысячные акции против войны. В итоге плохие военные как бы воюют, но хороший американский народ как бы против войны.

Любой обыватель в такой ситуации оказывается в прострации. Если найдется гражданин, высказывающий свои стратегические соображения по сути, он будет делать это с многочисленными оговорками, рассказывать, как уважает свободу и права. По факту любые умники будут выступать за сохранение фундамента той конструкции, против которой они возражают. Все сведется к пустой говорильне и круглым столам.

В ситуации доступной власти доминирующей политической силой будут группы обывателей, желающих получить ресурс для достижения своих целей (бытоустройство). Раньше люди сбивались в военную силу. Теперь будут сбиваться в политические партии. Военная борьба создавала условия, когда власть получал самый сильный. Политическая борьба создает условия, когда власть получит самый... мягко выражаясь, ловкий.

Конкуренция в условиях, когда результат зависит от умения склонить на свою сторону как можно больше народу, выводит на первое место психологию, понимание природы массы плюс умение выставить оппонентов в неприглядном свете.

Откровенная ложь быстро уступит место более тонким технологиям. Победит тот, кто более точно просчитает, что обещать (и обещать ли вообще).

В сложившихся условиях может оказаться выгоднее потупить голову и «признаться»: не могу ничего обещать (типа, честный), но буду делать все для моего народа и страны (типа патриот). На фоне откровенных обманщиков, обещающих заведомо нереальное, это будет выглядеть круче.

Любая борьба имеет свои нюансы, массу приемов и технологий. Но все это вторично. Люди сами придумают все эти технологии, сами изыщут средства и сами же себя проконтролируют, образуя необходимый круговорот политиков.

Наверное, многие умудренные опытом политики, читая эти строки, криво ухмыльнутся. «Какой круговорот? — подумают они и хмыкнут. — Мы тут постоянные. Все давно поделено, каждый знает правила игры». Можно ответить воображаемым оппонентам: не торопите события. Насколько вы постоянные и самостоятельные, о том чуть ниже поговорим.

Итак, выборная система приведет самых сильных, шустрых и умных во власть. Это будет гарантированно разношерстная в идейном смысле команда. Люди могут быть друзьями, но у них не будет главного — высшей идеи. Они понятия не будут иметь, зачем им такой ресурс и что посредством него они собираются делать. Люди собрались в команду, чтобы просто завоевать и пользоваться. Просто быть крутыми, и все.

По сути это солдаты. Не важно, побеждают они или проигрывают, важно, что никогда не знают цели. Солдаты всегда руководствуются лозунгами. Аналогично и победители выборных батальонов: у них нет цели, они всегда руководствуются лозунгами, шаблонами, установками. Этих установок не говорят, потому что они нелицеприятны, но их суть примерно такая: быть крутым, показать всем кузькину мать и, конечно, обустроить быт.

Отсутствие высшей идеи означает: команда во власти не будет стремиться привести мир в соответствие со своей идеей (по причине отсутствия таковой). Без идеи нет повода и стимула выходить за рамки системы. Команда будет приспосабливаться под систему (и думать, как ее обмануть). Горбатый сказал бы таким политикам: «Дурилки картонные... обмануть хотели».

На подступах к власти победители будут превозносить идею системы. Очень скоро все вменяемые люди, оказавшись во власти, поймут: если выполнять все демократические требования, система точно рухнет. Ничто не может жить, постоянно меняя «голову».

Ликург, когда ему предлагали установить демократию, отвечал: установи ее сначала у себя дома. Представьте всеобщее голосование в многодетной семье, и вы увидите — семейный бюджет уйдет в магазин игрушек (такова будет воля большинства). Если продолжить мысленный эксперимент, семья или умрет с голоду, или изменит принцип принятия

решений.

Чтобы система обрела хоть какую-то стабильность, нужно постоянство власти. Если правители этого не поймут (подавляющее большинство в верхах вообще ни о чем таком не думает, для них это просто бизнес), сработает инстинкт. Получившие однажды власть не захотят расставаться с ней по тем же причинам, по каким не расстаются с деньгами.

Тем или иным способом они придут к мысли: необходимо наступить на горло демократической песне, но при этом сохранить легитимность. Сделать это можно только одним способом: создать раздвоенную ситуацию. На трибуне требовать соблюдения конституции, развития и укрепления демократии. В кулуарах думать, как обойти свои требования. *«Всякое царство, разделившееся само в себе, опустеет»* (Мф. 12:25).

Чтобы не потерять легитимность, не получить образ тирана и деспота, власть прибегнет к технологиям, известным как «карманная оппозиция» (когда свои люди изображают противников), и «карусель» (когда члены команды поочередно сменяют друг друга в кресле президента). Используя ряд уловок, основанных на негласных договоренностях, некоторое время они станут успешно лавировать между Сциллой и Харибдой.

Носителям власти кажется, они первые изобрели технологию, позволяющую создавать видимость демократии: типа и овцы целы, и волки сыты. Кажется, ловкие ребята решили задачу: по закону власть временная, по факту — постоянная.

«Ну и что, — думают они. — Главное, все формальности соблюдены. Формально мы — народные избранники». По факту возникает карточный домик, который держится на внутренних договоренностях и неписаных правилах, идущих вразрез с принципами системы. Каждый строитель домика интуитивно или сознательно понимает: при форс-мажоре конструкция рухнет. Это рождает тревогу, которая тем или иным способом распространяется по всей политической области. Начинается невероятное воровство.

Это имеет место перед падением любого государства. Перед падением царской империи воровали так, что на три пушки приходился один снаряд. Солдаты кормили вшей в окопах, царские чиновники воровали, священники их благословляли, и в итоге все это рухнуло с таким грохотом, что вибрация до сих пор не улеглась.

Раньше расхитители военного бюджета оправдывали себя высоконравственными соображениями типа «не убий». Сегодня никак не оправдывают. Просто воруют, и все. Ради уверенности в завтрашнем дне, ибо в потребительской системе такую уверенность дают только деньги. Все понимают: глупо верить власти, которая сама себе не верит.

Все воруют, оправдывая себя: корабль все равно потонет. Раз

сокровища все равно пойдут на дно, изъятие ценностей вроде как и не воровство... Вот если бы они шли на великую цель, а мы бы их украли, тогда да, мы вроде как предатели. А так... обычное присвоение бесхозного.

Когда есть желание взять то, что тебе не принадлежит, но очень хочется, недостатка в оправданиях не бывает. Власть становится абсолютно беспомощной. Вопрос времени, когда она свалится. На ее место придут другие такие же, и пройдут тот же круг.

Предсмертный показатель — сбой иммунной системы. Защитники социального организма становятся его разрушителями. Все, от рядового до генерала, берут. Чем выше чин, тем берет больше (но реже, по принципу: лучше раз в год миллион, чем каждый день тысячу). Кто сомневается в сказанном, предлагаем ознакомиться с уровнем жизни крупных чинов и их родственников и сопоставить его с уровнем заработной платы.

Теоретически мы допускаем: есть единицы, которые не берут. Но, во-первых, исключение подтверждает правило. Во-вторых, скоро их место займут молодые, у которых изначально установка на прибыль. В-третьих, у самого честного генерала, наблюдающего повальное воровство, возникает вопрос: ради чего я занимаю неподкупную позицию? Почему я и моя семья живут плохо, имея возможность жить на широкую ногу? Почему бы мне не пощипать заживевших воришек?

Трупные пятна на теле общества не вчера появились, и продолжают разрастаться. Сделать ничего нельзя, потому что цели нет. Без цели нельзя мыслить по-хозяйски. Все гонятся за сиюминутной выгодой момента в ущерб долгосрочным перспективам. Власть равнодушно взирает на развращение народа, на его вымирание, но ничего не делает. Не потому что не хочет, а потому что в такой ситуации это невозможно.

Никакой диктатор, тиран или барин не позволит спаивать или развращать крепостных. Напротив, он заинтересован в здоровом человеческом материале не только из гуманных соображений, но в первую очередь, чтобы не лишиться источника своего благополучия и своей безопасности.

Власть, играющая в «карусель» и «карманную оппозицию», не способна мыслить даже как помещик, не говоря о большем. Сиюминутная эффективность для нее выше стратегических соображений, что хорошо заметно на отношении к СМИ. Власть понимает СМИ не как инструмент формирования сознания, а как возможность решить сиюминутную задачу типа к выборам кого-то пропиарить или отвлечь внимание от насущной проблемы («козел скотобойни»).

Барин не может пригласить команду наркоторговцев, чтобы они отвлекли мужиков от той или иной темы, посадив их на героин, потому что в долгосрочной перспективе это значит утрату источника дохода. Временная власть

может, потому что сиюминутный эффект важнее. Пусть мое поколение разложится и вымрет, мне все равно. Главное, чтобы свою власть не потерять в период моей жизни. После меня хоть потоп.

Атмосфера тотальной раздвоенности способствует умножению негатива. Все понимают: игра по неписанным правилам обязывает говорить о необходимости постоянной смены власти, но при этом ясно понимать, кто реальный хозяин, а кто подставное лицо. Но тут ловушка. Чтобы уловить подвох, проведем аналогию.

Представьте себя владельцем завода. Все бумаги оформлены на ваше доверенное лицо. Но при этом все знают: реальный хозяин вы. С вами ведут ответственные переговоры, вы принимаете решения и прочее. Формальный хозяин (ваше доверенное лицо) только подписывает бумаги, даже не читая их.

Такая ситуация будет сохраняться, пока система в стабильном состоянии. Но вот нештатная ситуация — фиктивный хозяин погиб. От его родственников приехали юристы и переоформили акции на наследников погибшего, живущих за океаном. У них с реальным хозяином нет предмета для разговора. В новой ситуации переговоры будут вести не с вами, а с наследниками, законными хозяевами предприятия. Вы теперь никто.

Перекладываем эту ситуацию на политическую действительность демократической страны, правители которой живут по принципу «в условиях демократии имеем постоянную власть».

Все понимают: пока система в стабильном положении, власть со своими липовыми оппозициями и партиями имеет силу. Но как только стабильность нарушится, весь этот колосс на глиняных ногах неминуемо начнет заваливаться. Оппозиция будет набирать силу, изобличая нарушения (которые к тому времени всем станут очевидны). В итоге она победит (заграница поможет), а из бывших представителей бывшей власти начнут подбирать кандидатов на роль отрицательных героев политического сериала жанра «месть народа». Какой будет сценарий этого сериала, оранжевый или как у Чаушеску, зависит от ситуации, но в целом направление понятно.

Система после первого обрушения восстановится. После каждого восстановления государство будет значительно слабее и, как результат, раздробится. В реале оно превратится просто в территорию, где проживает население, с которым можно поступать по ситуации.

ГЛАВА 8

Модель

Создатели системы знали: демократия инициирует описанные выше процессы в любой стране (с малыми нюансами). Общество само себя будет ослаблять до удобоваримых кусочков, которые поглотит новая теократия. Мы шокированы и восхищены техникой. Это что-то фантастическое как по задумке, так и по масштабу.

Судя по всему, кадровый принцип невидимой части новой теократии тот же, что и у жреческой касты — наверх поднимается понимающий. Не хороший оратор, способный общими словами проникновенно говорить о том, чего не осознает, а тот, кто вник в глубину учения, стал носителем идеи — жрецом.

Действительно ли человек понимает идею, или только говорит о своей вере в ее истинность, видно из поведения. Например, Маркс или Ленин в нашей классификации были жрецами. Их понимание видно не только из слов, но и из дел.

Кто говорит об истинности своего знания, но не действует сообразно ему, тот может нацепить хоть десять ряс, это не сделает его жрецом. Кто искренне верит в то, чего не понимает, — простак. Кто лукавит, говоря о горячей вере, — типичный для нашего времени синтез бизнесмена и чиновника.

Жрец способен отстаивать истину в спорах. Например, коммунисты вели дискуссии, пока в их среде не сформировалось чиновничество, вытеснившее мыслителей, как кукушонок птенцов из гнезда выталкивает. Эта бюрократия задушила мысль, и все окостенело. Христиане вели богословские споры, пока тяжелая рука власти не родила начетничество. Книжники из серии «чего изволите» — показатель начавшейся гангрены. Они не имеют мнения, они всегда в рамках официального учения, с которого кормятся.

Благодаря деятельности таких книжников, по понятным причинам обласканных властью, бесхребетная позиция, предписывающая не иметь своего мнения, известная в церковных кругах «за послушание», возводится ВОШами в статус добродетели. Ее суть — выполнять приказы начальства, если даже они против твоей совести, демонстрируя этим свою смиренность (принцип, изобретенный иезуитами). Их устав провозглашает: «Подчиненный должен быть как труп в руках начальника».

Очень скоро эту практику перенял Ватикан, потом Россия, что в итоге подорвало дух (но пока не уничтожило). Государственное христианство стало напоминать такую же закостенелую религиозную машину, как в древнем Израиле времен Христа.

Все это сказано к тому, чтобы отличать настоящих жрецов от чиновников

и бизнесменов. Первые живут сообразно информации, признаваемой истинной. Вторые только говорят о ней, но живут другими целями, в противовес своему учению.

Нам сейчас трудно сказать, в какую форму должны organizоваться жрецы, чтобы избежать внутренней коррозии. Фантазии на эту тему придают разговору маргинальный оттенок, и сама тема перестает восприниматься серьезно.

Зато с видимой частью модели все понятно. Суть либеральной демократии передает шоу-бизнес. Перед камерами и миллионами поклонников выступает поп-звезда (не имеет значения, политическая она или эстрадная, ключевое слово — популярная, поп). За ширмой люди контролируют выход на сцену.

Звезд образует признание толпы (например, голосование эсэмэсками может дать место в хит-параде). Любая технология раскрутки работает, если звезда в публичном пространстве. Если же она не появится на сцене, толпа за нее не может проголосовать. Пропавших со сцены мгновенно забывают. Внимание переключается на новую поп-звезду (как ребенок забывает желание, если его отвлечь погремушкой).

Контроль над поп-звездой есть контроль входа на сцену. Это стратегическая высота. Кто ее контролирует, тот контролирует поп-звезду. Либеральная часть системы так устроена, что общество само себя сохраняет и организывает (как лес сам себя организывает, выступая и санитаром, и производителем).

Общество в такой системе беспомощно перед изъятием у него чистого продукта посредством нетрадиционных способов, например, через инфляцию. Член общества будет пребывать в уверенности, что он — полный хозяин своих активов. Человек будет рассуждать: вот мои деньги, недвижимость и прочее, что хочу с ними, то и делаю.

Изъять этот актив грубой силой нереально и хлопотно. Но если вы контролируете узлы финансовой, экономической и политической системы, изъять все очень даже просто. Общество отдаст все с той же неизбежностью, с какой раньше отдавало свои активы под угрозой нависшего над головой меча. Разница в том, что сейчас оно не осознает этого.

В первой книге «Проект Россия» мы разложили демократию по полочкам и обнаружили: она в принципе невозможна, как вечный двигатель. Теория демократии противоречит базовым законам человеческой природы точно так же, как вечный двигатель противоречит базовым физическим законам.

Глубже вникнув в ситуацию, мы увидели: критикуемая нами

демократия есть не целое, а видимая часть целого — теократия нового типа (подлинная власть скрыта, а формальная и ничего глобально не решающая — на сцене).

Суть глобальной социально-политической модели неизвестных гениев ухватывается в три мазка. Есть сцена, где пляшут звезды, есть поклонники перед сценой, и есть ширма, за которой стоят невидимые массе жрецы. Реально от них зависят глобальные решения (типа Гитлера спонсировать), а не от выбранных на время президентов или хитрецов, думающих, что они обманули систему и из временщиков стали постоянными.

Все детали системы используют свойства человеческой природы. Кандидаты в звезды создают тусовку и борьбу. Группировки возникают и распадаются с бешеной для социальных процессов скоростью. Как эстрадные поп-звезды друг другу соль в туфли подсыпают, так политические поп-звезды друг друга компроматом закидывают. То же самое в среде поклонников. Но за кулисами — тишина и покой. Там единомышленники. Они понимают закономерности развития и реакций общества, что позволяет получить «рога и молоко».

Возникает любопытная ситуация. Действительно, для контроля неверующей массы сложно придумать что-то лучшее, чем демократическая система. Она дает иллюзию выбора (реальный выбор народ все равно не может сделать по той же причине, по какой невозможны всенародные выборы лауреатов Нобелевской премии). «Дети» при деле, играют в демократию. Одни как политические актеры, другие в роли избирателей, третьи выступают обличителями, четвертые просто наблюдают за этим всегда скандальным спектаклем на кухне. Пятым действо уже надоело, и они сосредоточились на своей песочнице. Остроту ситуации добавляет то, что «дети» полагают себя взрослыми (потому что у них тело выросло, и они говорят о вещах, кажущихся им взрослыми).

Дистанцируясь от эмоций, складывая и раскладывая ситуацию, мы приходим к странному выводу. Демократия есть неотъемлемая часть оптимальной конструкции для реализации глобальной цели. Любое иное социально-политическое устройство исключает возможность заниматься глобальным проектом, ибо текучка забирает всю энергию.

Жесткая логическая цепочка такова: мы понимаем степень опасности ситуации, из чего следует запрет на бездействие. Конструктивное действие реально при наличии огромного ресурса и при условии посвящения главной цели всего времени и всех сил.

Это осуществимо, если есть возможность пользоваться «молоком и рогами», не участвуя в производстве ни того, ни другого, что достигается построением социально-политической модели, которую мы назвали «новая

теократия». Ее неотъемлемая часть — демократия. Сама по себе демократия не есть благо для общества, но так как достижение любой большой цели возможно только через новую теократию, составной частью которой является демократия, получается, она неизбежный элемент.

Нужно строить систему, где демократия будет доведена до уровня США. Когда от выборов реально будет зависеть власть, возникает гарантия смены одних временных правителей на других. Если правители целиком и полностью будут зависеть от мнения большинства, мы получаем возможность изымать «рога и молоко», и в результате сосредоточиваемся на достижении нашей идеи.

С позиции логики кажется все идеально. Но насколько приемлема эта модель с позиции морали и нравственности? При кажущейся незначительности в больших вопросах на самом деле мораль — самое главное. Поэтому, прежде чем сделать вывод, давайте рассмотрим все модели государственного устройства. И только после полного обзора сделаем окончательный вывод.

ГЛАВА 9

Полная версия

Наше дело названо «Проект Россия», а, например, не «Родина Россия», не случайно. Сам термин «проект» (от лат. projectus) означает брошенный вперед, выступающий во вне, торчащий. Проектное действие имеет начало и конец во времени. Проект направлен на достижение заранее определенной цели. У нас нет цели обожествить Россию (для этого нет оснований). Наша цель — получить ресурс для изменения курса, которым сегодня идет мир, движимый чужим проектом, которого ни власть, ни общество вполне не осознают.

Развитие Проекта напоминает исторические параллели между Россией и Америкой. В свое время США, дабы иметь дополнительные гарантии, что Сталин воздержится от захвата всего континента, поставили задачу создать оружие, в десятки тысяч раз превосходящее традиционное. Не уточнялось, какое именно. Главное, чтобы оно было на несколько порядков мощнее.

Рассматривались технологии создания искусственных землетрясений и иных природных катаклизмов, а также экзотическая по тем временам технология высвобождения энергии атомного ядра. Остановились на атомном проекте. Результат вскоре был продемонстрирован Сталину — один город уничтожили одной бомбой.

Чтобы СССР устоял, ему нужно было аналогичное оружие. Оптимальный вариант — пойти по уже проверенному пути. СССР скопировал направление, в

котором двигались ученые США, и получил атомную бомбу. Паритет был восстановлен.

Мы считали, из современного человеческого материала можно построить модель, где люди осмыслят современную ситуацию, увидят ее манипулятивный характер и страшные последствия, и откажутся от демократии. Далее это спровоцирует поиск новой модели устройства общества, на чем люди и сконцентрируются.

Мы писали в первой книге: «В демократической теории утверждается, что власть не захватывается силой. И не дается от Бога. Власть выбирается самим народом. Народ, понимаемый как источник и оправдание власти, выбирает самых достойных, которым доверяет власть. Чтобы демократия не переросла в диктатуру, власть доверяется на фиксированное время, по истечении которого передается следующему избраннику. Если избранник не справляется, народ избирает другого. В этом суть демократии. На первый взгляд все разумно. Но есть одно большое «НО». Дело в том, что для совершения сознательного выбора нужны знания. Не шапочные и частичные, а глубокие знания. Призыв «выбирать сердцем» свидетельствует о том, что устроители выборов признают отсутствие знаний у народа. Без знаний выбор невозможен. Вы не выберете лекарство, если не имеете соответствующих знаний. По красоте упаковки выбор невозможен, потому что это будет выбор упаковки, а не лекарства. Так же невозможно «сердцем» определить лучший научный труд из двух представленных, если нет соответствующих знаний. Если каким-то образом человека, не имеющего соответствующих знаний, побудить к выбору, он будет выбирать не труд, а обложку; не лекарство, а упаковку. Солдаты не могут выбирать военачальников именно из-за нехватки знаний. Если устроить всесолдатские выборы, к власти придут краснобаи, умеющие манипулировать солдатскими желаниями. Всенародные выборы сводятся к откровенной глупости, потому что народ, как ребенок, всегда отдает предпочтение фантику, а не содержимому. Народный выбор в духе «голосуй сердцем» всегда сводится не к сути, а к форме. С таким же успехом можно организовать всенародные выборы нобелевских лауреатов в номинации «ядерная физика». Самое ужасное в том, что народ пойдет выбирать лучшего физика, если правильно организовать выборную кампанию. Победит на таких выборах кто угодно, кроме настоящих ученых».

Через пять лет мы убедились: идея «без знания нет выбора» утонула в человеческой глупости и информационном потоке. Люди как ходили

выбирать то, о чем понятия не имеют, так и ходят, едва их позовет труба политтехнолога. Основная масса так и не поняла главной мысли: человек не может выбирать, если у него нет знания о предмете выбора. Это будет манипуляция, но никак не выбор.

Подобный казус стал для нас хорошим уроком. Теперь мы усвоили: если что-то кажется очевидным и само собой разумеющимся, это не значит, что оно всем кажется очевидным. Мы говорим: для сознательного выбора нужны знания. Но люди, образующие электорат, не понимают то, что нам казалось неопровержимой и вопиюще очевидной аксиомой.

Пять лет назад, описывая всенародные выборы нобелевских лауреатов в номинации ядерной физики, мы воспринимали это как гротеск. Сегодня уверены: никакой это не гротеск. Клич всенародно выбирать ученых найдет полное понимание у массы-электората.

Миллионы людей пойдут голосовать не ради хохмы, а будучи уверенными: они идут совершать сознательный выбор — физиков выбирать. Споры будут не вокруг абсурдности самого действия, а вокруг того, что выборы нечестные (не дают, гады-сволочи, народу лучших физиков выбрать). Самые активные будут избличать жуликов, которые голоса неправильно считают. Которые за народ все решили, превратив выборы в профанацию, и что они требуют настоящих выборов.

Останется подлить в этот горящий дурдом масла, образуемого священным правом каждого выбирать и быть избранным, и всенародные выборы нобелевских лауреатов состоятся. Насколько это театр абсурда для хоть немного думающего человека, настолько это реальность для подавляющего большинства — электората.

Единственное, что нас по-настоящему радует, мы все же пробрили броню инертности массы. Запущенный нами культурологический импульс нашел отклик в сердцах умных и равнодушных людей. Мы предложили взглянуть не на бантики, развешанные вокруг выборного действия, а на саму его суть. И все, способные думать, увидели: а король-то голый!

Зачем создавать часы, у которых есть стрелки, но нет движущего механизма? Стрелки придется двигать на виду у всех, имитируя работу часов. Как бы крутящий стрелки не старался, он будет обвинен в слишком быстром/медленном кручении.

Избежать обвинений можно только в одном случае: если у часов есть невидимый механизм. Тогда есть основание внушить людям: стрелки движутся благодаря вашей электоральной воле. Можно показывать любое время, но у народа не будет претензий, потому что винить некого. Типа мы же сами, своей коллективной волей стрелки двигаем.

Демократия США — часы с невидимым внутренним механизмом. Демократия в России — часы, стрелки которых нужно двигать на виду у всех. Видимые двигальщики не могут избежать зависимости от массы и превращаются в поп-звезд. Далее между поп-звездами и массой возникает прямой и никем не регулируемый контакт. Масса требует реализации своих желаний, не учитывая политическое и экономическое состояние страны. Она — избалованный ребенок, кричащий свое «хочу», не связывая его с экономикой семьи. Родители вынуждены уступать, и чем больше уступают, тем больше ребенок требует. Финал развития таких отношений понятен.

Если в семье негативное развитие можно пресечь, в демократической атмосфере это невозможно. Если масса не получит желаемых обещаний от одного, она потянется к другому. Голоса избирателей уйдут тому, кто сумеет больше понравиться. Во что выливается такое развитие, хорошо иллюстрируют выборы в странах бывшего советского блока. Хаос и пороки там нарастают по всем фронтам, и избежать этой тенденции невозможно. Скорость процессов может колебаться в зависимости от особенностей того или иного человеческого материала, но в целом направление у всех одно.

Например, Китай, в силу своих культурных особенностей, идет медленнее в системную ловушку. Россия быстрее. Украина еще быстрее. Но какая разница, с какой скоростью твой корабль плывет на рифы? Финал у всех будет одинаковым. Весь мир будет производить гигантский ресурс, но распоряжаться им будут «жрецы».

Мы не в курсе, жива ли команда, строившая мировую модель, или ее постигла участь коммунистов. С одной стороны, если идея верная, она всегда будет подпитываться свежей кровью (что видно на примере науки). В этом случае идейная команда исчезает, только если цель достигнута. Вторая причина возможного исчезновения команды — если идея ошибочная.

Не зная идеи строителей новой теократии, мы не можем оценить ее идею. Значит, не можем сказать, исчезла стоящая за ней команда или нет. Велика вероятность, что команды давно нет. Возможно, модель работает как брошенное производство из фантастического рассказа, и мы наблюдаем инерционный ход системы.

Вне зависимости, инерционный это процесс или формируемый и управляемый, система продолжает работать, стягивая мир в сферу влияния одной силы. Не совсем понятно, чем все закончится, но в общих чертах это будет что-то крайне негативное, против чего в любом случае нужно бороться.

Технология борьбы построена на игре по правилам системы. В информационную эпоху грубая сила может иметь место, но не как генеральная линия, а как часть спектакля. В свое время Юлиус Эвола писал: «Когда цивилизационный цикл подходит к концу, нельзя добиться результатов простым сопротивлением или прямым противодействием силам разрушения». Все эти методы борьбы безнадежно устарели и никуда не ведут. Пусть мертвые хоронят своих мертвецов. Глупо играть по правилам прошлой эпохи.

В построении логики действия мы исходим из понимания современного мира не как реальности, а как имитации реальности. Мы исходим из факта — мир живет на сцене. Мир есть спектакль. По законам пьесы все реальное кажется нереальными наоборот. Сцена ловит образ, но не действительность. Если на сцене показать действительность, она будет смотреться ложью, при этом полностью соответствуя действительности. В этом есть какая-то магическая сила.

Изменить развитие ситуации означает принять эстафетную палочку у потерявшей цель теократии и построить новую теократию. Благо, работу по внушению населению мысли о том, что демократия (внешняя составляющая теократии), на профессиональном уровне выполнена до нас. Некоторые моменты нужно переделать, но если вопросов с социальными и манипулятивными технологиями нет, все это решаемые проблемы.

Кажется, мы нашли выход из ситуации. Теократию можно построить по западному образцу, когда внешнюю часть модели представляет демократия, а внутреннюю власть жрецов. Главное, понимать: демократия есть не самостоятельная модель, а часть системы, названной нами «новая теократия».

ГЛАВА 10

Проблемы

Новая теократия всем хороша. Но есть моменты, которые нас очень смущают. Например, внешняя сторона новой теократии (демократия) хорошо работает, если народ уверен, что он выбирает. Этот эффект заметен на западном избирателе. Он искренне верит, что именно выбирает и им никто не манипулирует. Точно так же, как покупатель майонеза искренне верит, он сам выбирает продукт, и реклама тут ни при чем. Он не задается вопросом, почему покупает (голосует рублем) за ту продукцию, которую рекламируют, а не за ту, которую не рекламируют. И почему изменит свои приоритеты, если реклама сместит акценты.

Чтобы масса считала манипуляцию разумным выбором, среднестатистическое большинство интеллектуально должно быть ниже среднего. Если интеллект массы будет выше, она заметит противоречие, увидит, что реально никакого выбора не совершает, все решено без нее. Как только это станет очевидно критической массе, спектакль будет освистан и система перестанет работать.

Повторится та же ситуация, что в СССР. Диктатура позиционировала себя властью народа. Для малограмотных людей одно ничем не отличалось от другого, потому что они не понимали ни того, ни другого. Это позволяло на черное говорить белое.

Но потом началось странное. Компартия стала поднимать уровень интеллекта людей на недопустимую высоту. Во всех высших учебных заведениях вводится обязательное изучение коммунизма — работ Маркса и Ленина. Было бы полбеды, если бы изучение свелось к официальной мифологии. Беда в том, что людям давали глобальные знания. Их учили думать, анализировать, делать выводы и иметь собственное мнение.

Спрашивается, зачем инженеру понимать марксизм? Он что, от этого лучше свою работу сделает? Если не лучше, тогда зачем? Всеобщее образование было нужно для ликвидации технического отставания. Именно для достижения этих целей населению нужно было учить физику, химию, биологию и прочие прикладные науки. Поднятия мировоззренческого уровня для этого точно не требуется. Для чего же тогда расширять сознание инженера до таких границ? Зачем Маркса заставлять изучать?

Можно предположить, советская власть считала, что повышение интеллектуального уровня увеличивает прочность системы. Типа если все идеологически подкованы, враг нас не сломит, народ не удастся свернуть с верного пути.

Такая логика имеет право на жизнь при условии, если теория в общих чертах соответствует практике. Если теория противоречит практике, лучше бы людям не знать теории. По крайней мере, они не увидят ее несоответствия практике.

Советская система была компромиссом между теорией и объективной реальностью. Из человека, говорившего: «Пропадет Россия, ну и черт с ней», сделали символ государства. Это как Гитлера позиционировать борцом за права евреев.

Трагикомичная ситуация вышла. По чертежу должен был получиться самолет. По факту получился паровоз. Что делать? Оптимально указывать на паровоз и говорить: это самолет. Но тогда люди не должны понимать разницы между тем и другим. Пусть они песни хором про самолет поют, хороводы вокруг него водят.

Зачем поющих и водящих хоровод знакомить с чертежами самолета и паровоза? Цель какая? Разве не оптимально запрятать чертежи самолета как можно дальше и никого к ним не подпускать, дабы никто не мог сравнить, что хотели и что получилось. А «самолет» (по факту паровоз) зачехлить, чтобы никто уже не мог понять, что там такое, сверху цветы водрузить и какое-нибудь ритуальное действие вокруг затеять раз в год. А в перерывах напоминать народу: кругом завистники и враги, которые спят и видят, как бы помешать нашему полету в светлое будущее, и потому нужно готовиться к войне.

Спросите, на что рассчитывать? На то, на что рассчитывал Ходжа Насреддин, обещая эмиру научить ишака разговаривать. За это время «или эмир умрет, или я, или ишак сдохнет». И еще говорить общие слова, хорошие тем, что всегда правильные. Чем дольше, тем лучше (как Китай, он заявляет себя коммунистическим, не помышляя строить никакого коммунизма, последние несколько десятилетий даже не заикаясь о такой цели).

Надо признать, в говорении общих словах советская власть преуспела. Но ошиблась с доступом к чертежам. Вместо того чтобы скрывать их, она заставляла учить, что такое самолет и что такое паровоз. И смех, и грех.

Погружать людей в теорию коммунизма, заранее зная ее несоответствие практике, значит рыть себе могилу. Заведомо понятно: как только люди начнут интеллектуально расти, они УВИДЯТ противоречия. Далее кинутся разбираться в ситуации, думать...

Учитывая, что советское воспитание культивировало понятие долга и чести, легко просчитывается, до чего они додумаются. Большинству будет наплевать. Но обязательно найдутся люди, которые посчитают своим долгом бороться за правду против обманщиков-предателей. Враги СССР поддержат борьбу, и закрутится все по нарастающей.

Советская власть создавала людей с высоким образованием, полагая, что создает своих защитников и строителей. В краткосрочной перспективе так и получилось. СССР конкурировал на равных с Западом во многих технических отраслях, что безусловно есть результат образования.

В глобальной перспективе власть своими руками из своих граждан делала диссидентов — разрушителей системы. СССР в огромной степени был разрушен не врагами, а своими гражданами, возмущенными идеологическими противоречиями.

Есть такой шаблон: «чем человек больше образован, тем лучше». Почему лучше, во всякой ли ситуации лучше? Или есть ситуации, где хуже? О таких вопросах люди, как правило, не размышляют. Зачем, если есть привитый еще со школы шаблон? Этот шаблон подразумевает: препятствовать образованию народа могут только сволочи. Раз мы не сволочи, значит, должны

образовывать народ.

Лаоцзы говорил: когда народ много знает, им трудно управлять. Советские вожди жили исключительно шаблонами. Своих мыслей они не имели и не производили. Основным ориентиром служили установки прошлого (корней которых они тоже не осознавали). В итоге они благими намерениями вымостили себе дорогу в ад.

Наличие шаблонного мышления свидетельствует: в коридорах власти не было мыслителей. Были слепо верующие в то, во что велено верить, не пытаясь понять суть. Были честные друиды, почитавшие высшей ценностью территорию, не умея объяснить, почему они так считают. И было множество просочившихся приспособленцев.

Когда образование стало давать побочные плоды, система начала топорно защищаться. Поскольку сказать по сути было нечего, упор сделали на грубую силу, запрет и «не пущать». Крайне неуклюжие попытки загнать выпущенного на свободу джина назад в бутылку заключались, например, в цензуре. Запрещается читать отдельные книги (в Ленинской библиотеке для прочтения какого-нибудь Гоббса нужно было иметь специальное разрешение). Запрещалась любая критика СССР. Началась охота на ведьм. Но при этом заставляли учить того же Маркса. Воистину, левая рука не ведала, что творила правая.

Во-первых, это подогревало интерес. Люди знали: реальность противоречит учению Маркса и Ленина. По стране ходили анекдоты типа: «Оживили Ленина. Вдруг он исчез. Оживили Дзержинского. Он нашел записку от Ленина со словами «начинаем все сначала». Во-вторых, не устраняя причину (при получении высшего образования по-прежнему было обязательным изучение коммунизма), власть пыталась бороться со следствием. Одной рукой она лила в костер мощную струю бензина, другой — тоненькую струйку воды.

В США реальность еще больше не соответствует либеральной теории, но никакого диссидентства не наблюдается. Были отдельные исключения вроде Розенбергов, американских физиков-ядерщиков, казненных за сотрудничество с СССР, но они погоды не делали. Причина — иной подход к образованию.

Образовательная система Америки не стремилась дать массе мировоззренческие знания, не побуждала думать в этом направлении. Она штамповала людей, знающих узкую область и воспитанных в духе нежелания знать больше. В результате такого разделенного образования американцы являются самыми малообразованными, но при этом самыми самоуверенными. Они ничего не знают и знать не хотят, ибо им внушили, что они и так все знают (на уровне лозунгов).

Продукт такой образовательной системы при всем желании не мог выйти за рамки своей профессии. Невежество лишь добавляло гражданам США самоуверенности. Они были и остаются уверенными в том, что самые крутые, их страна самая свободная, а выборы никакое ни шоу, а самые что ни на есть настоящие всенародные выборы власти.

Чтобы свести к минимуму желание проверить соответствие теории и практики, власть дает установку: философия — отстой и скукота; секс, наркотики и рок-н-ролл — круто. Для торжественных случаев — набор патриотических лозунгов про завоеванную свободу, гимн и нехитрый ритуал. Это все, и этого для народа достаточно.

Воспитанному в таком духе человеку не может прийти в голову читать отцов-основателей демократии. Значит, он не будет сравнивать теорию и практику. Не станет задаваться вопросом: почему так, а не иначе, и из чего это следует. Кроме того, любой американец уверен: он в любое время может ознакомиться с теорией. Потом. Если захочет. Другое дело, возникнет ли такое желание. Естественно, оно возникает у единиц. Остальным и так все ясно, ведь они не очкарики и не ботаники, а крутые «мены» или «вумэны», у которых нет времени глупостями заниматься.

Единицы захотят разобраться в ситуации. Они ознакомятся с теорией, и естественно, увидят противоречие. Пусть пишут на эту тему что угодно. Большинство читать это не будет, потому что если ты уверен, что и так все знаешь, то незачем.

В совокупности такой подход к образованию гарантирует устойчивость системы. Как бы там ни было, американская власть из своих граждан получала не диссидентов, а патриотов. Да, несколько примитивных относительно советского человека. Мы смеялись над недалекими американцами, но цыплят по осени считают. «Смешные» победили всех и потенциально готовы взять мир.

Почему они не взяли СССР в период распада, отдельная тема. Очевидно одно: их принцип управления и воспитания говорит о глубоком понимании той социальной системы, какую они построили.

Если армия будет состоять из одних генералов, ее боеспособность будет близкой к нулю. Этот факт признавали все крупные полководцы, от Македонского до Наполеона. Армия становится боеспособной, когда малая группа командиров понимает тему, а остальные — нет. Единственное, что им нужно понимать — что они самые крутые и сражаются за правду, свободу и мир во всем мире.

Если допустить, что общество состоит из одних мыслителей, оно уподобится армии из одних генералов, то есть дееспособность такого

общества будет низкой. Если же в общество будет конфликт теории и практики, оно само себя убьет.

То, что мы называем проблемой при создании теократии — это необходимость оглуплять общество для создания видимой части теократии — демократии.

ГЛАВА 11

Цинизм

Построить новую теократию без либеральной демократии нельзя. Прочность демократии обратно пропорциональна интеллектуальному уровню населения. Чем люди примитивнее, тем система прочнее. Стоит поднять планку выше, система начнет порождать своих могильщиков и вскоре завалится (исторический пример — СССР).

Это эффект хорошо знаком работникам СМИ. Стоит им немного поднять планку, как тираж газеты падает, рейтинг передачи проваливается. Передача о том, что в колбасе нашли крысу, будет бесконечно превосходить рейтинг о любой фундаментальной проблеме. Кто не будет следовать этому правилу, того рынок просто уничтожит.

Человек может участвовать в выборах власти (или выборах нобелевских лауреатов), если уверен, что им не манипулируют, а он сам, по собственной воле, совершает выбор (как покупатель в магазине). Русский избиратель будет считать выборное шоу не бутафорией, а выборами власти так же искренне, как и рядовой американец, если его интеллектуальный уровень средний или чуть выше. В идеале не совсем темный (чтобы не проснулась крестьянская смекалка), а немного образованный и оперирующий шаблонами по подсказанной логике, завернутой в эмоции (типа менять власть так же естественно, как пеленки у ребенка). Ему от этого сравнения все понятно, и дальше он — готовый материал для того, чтобы нести эту истину людям.

При демократии эта реальность определяет задачу образовательной системы, СМИ, культуры и всего прочего, что работает с сознанием. Они должны не расширять кругозор, а сужать его к узкой технической специализации и чуть-чуть давать лозунгов.

Это не значит, что человек должен быть неграмотным. Напротив, он должен учиться, учиться и учиться... но в узкой сфере. Школа, институт, аспирантура, докторантура. Пусть становится все более высококлассным специалистом. Но обязательно узким. Чем уже, тем лучше. Формировать ему потребность в цельном мировоззрении для системы просто опасно.

Дисциплины и технологии, расширяющие мировоззрение, должны быть исключены из программы. Образно говоря, если кто попытается коснуться вопросов за рамками потребления, то есть не имеющих прямого отношения к текущим проблемам социум обязан от него отвернуться. Только так можно получить идеальный стройматериал демократии — самоуверенного потребителя.

Вопрос стоит ребром. Или полное покрытие населения образовательной системой и СМИ, формирующими узких людей, и никакого мировоззрения. Или отказ от попыток создать из современного человеческого материала новую теократию, где демократия является одной из ее главных составляющих, или работать сообразно логике системы.

Демократии нужны высокообразованные юристы, экономисты, сантехники, физики, музыканты, строители, администраторы, военные, врачи и прочие необходимые экономике и обществу люди. Главное условие — они должны быть узкие, без потребности думать за границами быта, без желания выйти за них. Только такое состояние гарантирует: никто не сможет нарушить блаженное состояние неведения общества. Никакая мысль не пробьет броню инертности. Любая мысль, не согласованная с шаблонами, будет восприниматься людьми как отстой, абстракция и демагогия.

Такое интеллектуальное состояние и соответствующий уровень мышления позволят им раз в четыре года (или раз в шесть лет) веселыми толпами ходить на выборы. Потом, с чувством выполненного долга, возвращаться на рабочие места. И так до следующих выборов.

Подобная идиллия возможна при условии дебилизации людей, блокирования их мышления. «В чем проблема? — наверное, спросите вы. — Именно такую картину мы наблюдаем сегодня, чему свидетельство — реформы в образовании, политика СМИ, идейный вакуум». Но одно дело, когда кто-то дебилизирует людей, а ты наблюдаешь и типа ни при чем. Совсем другое дело, когда это делаешь ты сам и сознательно.

Проблема имеет нравственный характер. Нужно принять внутреннее решение (удастся ли его реализовать, второй вопрос). Сначала надо ответить на первый вопрос: мы пробуем этот путь или нет? Половинчатое решение не пройдет. Если одной рукой призывать крупно думать, а другой склонять к потребительскому миропониманию, получится ни рыба, ни мясо, и мы повторим судьбу СССР.

Как пройти между Сциллой и Харибдой? С одной стороны, никакая модель, кроме новой теократии, не позволяет сконцентрироваться на достижении большой цели. С другой стороны, новая теократия невозможна без демократии, которая, в свою очередь, невозможна без дебилизации массы.

Христианское понимание добра и зла, лежащее у нас в подсознании,

рождает интуитивное сопротивление такой тактике. Мы невольно попадаем своей мыслью в коридор: человеку нужно принести благо. Так как по умолчанию считается, знание есть благо, значит, нужно образовывать. Чем больше, тем лучше.

Но при теократии нового типа знание будет работать в обратную сторону: чем его больше, тем неустойчивее конструкция. Об этом человек боится думать. Если понимаем невозможность совмещения образования и демократии, все равно сердце не принимает выводы. Это где-то там установление демократии требует дебилизации. А у нас все иначе будет. И выборы настоящими, может быть, будут. Не в том смысле, что никто мухлевать и манипулировать не станет, а в том, что все сознательно смогут сделать выбор. Как хорошо... (и дальше мыслью унесемся во что-то приятно-уютное).

Да, мы зависимы от подсознательных установок. Если даже понимаем, что это утопия, она все равно перевешивает здравый смысл. Хочется верить, как тот благородный молодой офицер в рассказе Толстого, что с солдатами, прошедшими муштру, можно общаться по-человечески, словами. Он пробует. У вверенных ему солдат дисциплина стремительно падает. Он признает свое заблуждение, и старшина успокаивает его. Он говорит, мол, ничего, ваше благородие, теперь все будет правильно, порядок наведем. И показывает в качестве аргумента огромный рыжий кулак.

Вторая, не менее важная и одновременно противоречивая тема: нужно соответствовать современным требованиям безопасности и обороноспособности. Сегодня это возможно только при высокоразвитой экономике, что требует высокого уровня потребления. Нужны люди-трубы, прогоняющие через себя вал производимых товаров.

Здесь мы снова возвращаемся к уровню человека. Идеальный потребитель — не слишком умный. Только такому можно культивировать мысль: потребление — смысл жизни. Глубокий человек не сможет считать потребление делом жизни. Высокоразвитую личность не купишь на технологии «в этом сезоне модной считается новая модель телефона».

Чтобы человек потреблял столько, сколько нужно для развития системы, он должен сделать это смыслом жизни. Чтобы человек считал потребление своим призванием, он должен быть как можно менее образованным и как можно более амбициозным. Чем больше человек образован, тем меньше в нем потребительской активности, что ограничивает развитие экономики (кто покупать будет продукцию и услуги?).

Взрослый человек может жить ценностями песочницы, самозабвенно лепить куличи, устраивать вокруг совочков разборки, если он слабоумный. Человек среднего ума не сможет жить песочницей. Те, кто выше среднего, вообще едят, чтобы жить, тогда, как экономика требует, чтобы они жили для того, чтобы есть.

Если смотреть в стратегической перспективе, страны с более глупым

населением будут иметь более развитую экономику, ибо только у глупых целью жизни может быть потребление. Чем выше человек, тем меньше он играет в игру «купи новый телефон, потому что это круто». Вопрос времени, когда общества, формирующие узких людей и малую часть элиты, поглотят общества, сделавшие упор на формирование высоко духовных людей (никуда не годных потребителей). Если только умные не поймут эту тенденцию и не примут установку штамповать потребителей за пределами своей страны. А самим ориентироваться на что-то более высокое. Но тут тоже свои проблемы.

Почему в армии ввели муштру? Потому что армия есть машина из людей. Ее качество напрямую зависит от отсутствия у составляющих ее деталей свободы. Чем меньше свободы (люфта), тем точнее детали выполняют свою программу, и тем эффективнее работает машина. Чем больше люфт (свобода), тем хуже работает машина. Собрать из вчерашних крестьян армию-машину можно одним способом — превратить человека в робота. Максимально хорошая машина — из роботов. Максимально плохая машина — из думающих людей. Военные столкновения доказывали это на практике.

Аналогично и с развитием производства. Сначала один человек знал все операции цикла. По мере развития обществу требуется более сложная продукция. Один человек не может выполнить весь технологический цикл, от добычи и обработки сырья до изготовления конечного продукта. Возникает разделение труда. Одни добывают сырье, другие делают из него полуфабрикат, третьи изготавливают продукт.

Чем активнее идет развитие, тем больше разделяется труд. На сцену выходит конвейерный рабочий, знающий одну операцию — привинтить конкретную деталь на конкретное место. Он более тупой, он робот, но он вытесняет мастера-ремесленника.

Человек производственной и военной машины, по сути, биологический механизм. В идеале он не должен думать за рамками своих функций. К нему предъявляются те же требования, что и к роботу — сосредоточиться на выполнении своей узкой задачи.

На государственном уровне началось соревнование по превращению людей в механизмы (отупление). Возникает прообраз морлоков и элоев. Специально создаются технологии, ориентированные на выдавливание из человека всего, что мешает ему быть роботом.

Не нужно быть семи пядей во лбу, чтобы понять: нельзя продавать наркотики ради изыскания средств на борьбу с наркотиками. Но если не

превращать людей в потребителей, мы проиграем экономическое соревнование (следом и все другие соревнования). Как нам быть?

Поставленные таким образом вопросы загоняют нас в угол. Фактически мы должны или принять за данность истину, озвученную всеми религиями о печальной судьбе массы, и действовать исходя из реалий, или отказаться от глобального проекта. Что делать?

Вопрос риторический. Как пассажир тонущего судна может отказаться от спасения? Тем более, если он перед этим честно пытался донести эту информацию до других пассажиров, но они ее не слышат, не могут услышать. Как быть этому пассажиру, если он пришел к выводу: единственный способ спасения — накормить людей отравой, от которой они умрут, но зато раздуются как воздушные шары и, если их связать воедино, возникнет непотопляемая конструкция.

Все так, но только не хочется спасаться на такой конструкции. Какая-то она нечеловеческая. Если иного выхода нет, лучше застрелиться. Новая теократия в теории дает выход, но она похожа на спасение на трупах, что равносильно убийству души. Поэтому наша задача найти что-то иное.

Если ваша цель — реализация большой идеи, брать власть имеет смысл при условии, что есть понимание, как изменить государственно-политическую конструкцию так, чтобы она позволяла вам тратить свое время и энергию не на политическую, административную и экономическую текучку, а на реализацию глобальной цели.

ЧАСТЬ ПЯТАЯ ИНАЯ СИСТЕМА

«В последние времена мир будет опоясан железом и бумагой. Дни Ноя — прообраз наших дней. Ковчег — Церковь, только те, кто будет в Ней — спасутся».

Иеромонах Нектарий Оптинский

ГЛАВА 1

Вердикт

В современных условиях никакая государственная модель не может блокировать доступ во власть нежелательным элементам. Разные конструкции имеют разные «дырки», через которые проникает негативный человеческий материал.

Никакая традиционная модель государства не освобождает власть от текучки. Получается, при глобальной катастрофе государство не может выступить спасателем. То качество власти, которое генерирует система, плюс необходимость решать огромный поток текущих задач исключают эффективное стратегическое действие.

Единственная модель, максимально освобождающая власть от текучки — новая теократия. Но это не государство, а скорее, надгосударственное образование. Реализация этого образования возможна через нарушение фундаментальных понятий морали и нравственности, что для наших целей неприемлемо. Формально новая теократия является выходом, но в итоге ведет не к решению проблем переходного периода, а к их увеличению (если смотреть в стратегическом горизонте планирования).

Допустим, вокруг идеи защиты общества от гибели на момент переходного периода соберется группа серьезных, глубоких людей — жрецов. Они построят новую теократию. Ресурс общества сконцентрируется на решении проблемы и, можно не сомневаться, оптимальное решение будет найдено. Никакой государственной модели подобная эффективность не доступна.

Но смотрим в корень. Чтобы модель «новая теократия» работала, власть не должна смотреть на население как на людей. Низовая человеческая масса изначально должна пониматься чем-то вроде материального ресурса, расходного материала. Людями в новой теократии считаются только жрецы. Все остальные — не люди, полулюди, недочеловеки.

Неизвестно как будут развиваться события. Но, исходя из неизбежного деления мира на людей и не-людей (или полу-людей), мы можем утверждать: новая теократия не достигает нашей цели — спасение человечества. По своей внутренней конституции эта социальная модель направлена на спасение части (тех, кто считается людьми). Остальные — расходный материал, предназначенный для спасения людей. Это даже не теория золотого миллиарда, это намного жестче — теория золотой сотни тысяч.

Выходит, ни традиционные модели государства, ни нетрадиционные надгосударственные системы для спасения человечества не годятся. Они

или не способны решить задачу, или решают ее без учета интереса всех.

Последнее, что остается рассмотреть, это традиционные социальные негосударственные модели. К таковым относятся любые формы партий, союзов, объединений, члены которых объединены между собой как по иерархичному принципу, так и по сетевому.

Чтобы не столкнуться с эффектом, который выдает новая теократия (спасение части, а не целого), будем рассматривать потенциальных кандидатов через ключевой признак: структура должна вмещать в себя ВСЕХ. При несоответствии этому правилу нет смысла их рассматривать, как бы ни были они эффективны (новая теократия — очень эффективная модель, но мы от нее отказались).

При таком подходе мы обнаруживаем: все без исключения модели ориентированы на часть. Ни партия, ни профсоюз не охватывают целое и не имеют такого намерения. Они ориентированы на часть, тогда как нам нужна форма, способная вместить все население.

История человечества позволяет утверждать: такой супер вместительностью обладает лишь религиозная структура. Это единственная система, способная вместить в себя целое человечество. И умных, и глупых, и богатых, и бедных, и знатных, и простых. Всех.

Обращаем отдельное внимание: подобной вместимостью обладает ЛЮБАЯ религиозная структура. Самая малая секта, имеющая цельное понимание мира, способна вобрать в себя все человечество с тем же успехом, как и любая мировая религия.

В наше время религией принято считать только то, что поддерживает власть. Что не поддерживает, то считается сектой. Когда власть поддерживала культ Аполлона, и не поддерживала христианства, языческий культ считался настоящей религией, а христианство — сектой. Когда власть стала поддерживать христианство и гнать культ Аполлона, официальной правильной религией стало христианство, о культ Аполлона стал считаться сектой. Чтобы смотреть на явление в масштабе, нужно избавиться от привитых стереотипов. И тогда мы увидим — любая секта по потенциалу равна любой религии.

Причина: любое религиозное мировоззрение глобально. Подчеркиваем, если это действительно мировоззрение — видение целого мира (претензия на такое видение), оно не может быть не глобальным (в противном случае это не видение мира, а видение части мира, то есть не мировоззрение, а миро-части-воззрение).

По своей природе оно стремится заполнить собой все и потому интолерантно. Другими словами, абсолютно нетерпимо к иному пониманию мира, кроме своего. По-другому при цельном знании не может быть (в противном случае оно не цельное).

Сегодня нетерпимость считается чем-то дурным. Хороший тон — терпимость ко всему. Но это означает, что человек равнодушен к истине (высшей истиной считает ее отсутствие). Полагая, что высшая истина существует, он не может не стремиться к ней. Однажды человек находит знание, которое, по его мнению, является истиной (в данном случае не важно, на самом деле знание истинно или ему кажется). Главное, если он знает истину, это автоматически делает его нетерпимым к любому иному мнению.

Если человек знает, $2+2=4$, он не может быть терпимым к утверждению, будто $2+2=5$. Он может относиться к этому только как к заблуждению (в какой форме будет проявляться это отношение, в снисходительной или агрессивной, второй вопрос). И он будет нетерпим к иным вариантам ответа, кроме того, который считает правильным.

Толерантным ко всем вариантам ответа на вопрос $2+2=?$ может быть только тот, кто вообще не знает математики. Лишь в этом случае любой ответ имеет право претендовать на истину. Может быть, правильный ответ — 5, может, 7. Яркая иллюстрация этого утверждения современные верующие. Для большинства этих людей все религии правильные, все ведет к Богу. Равнодушие к высшей истине позволяет им не смущаться тем фактом, что одни религии называют Богом то, что другие называют противником Бога.

Чем больше в обществе толерантных людей, тем оно мертвее. Толерантность в переводе с латинского означает терпимость. В бытовом смысле это очень положительное качество (терпимость к чужим вкусам, привязанностям и прочее). Но в глобальном смысле это неспособность к сопротивлению.

В медицине толерантным называют организм, утративший способность отличать собственные тела от чужеродных. Здоровый организм борется с чужаками. Больной организм утрачивает эту способность, то есть толерантность растет. Чем толерантность выше, тем организм меньше способен сопротивляться внешней угрозе. Абсолютно толерантный организм — мертвый организм, труп.

Человеческое общество суть единый организм. Чем меньше в нем толерантности, тем оно нетерпимее к чужакам (или уничтожает их, или изгоняет, или перестраивает на свой лад, делает своими). Чем больше толерантности, тем меньше способности к защите. Максимум толерантности — стать площадкой чужих интересов в ущерб своим, что в перспективе гарантирует смерть.

Характерный пример последствий толерантности — Франция. Этот социальный организм один из самых равнодушных к чужакам. По этой причине через пару поколений Франции не будет. Толерантность

превратит ее в труп. Пока Франция не труп, а полутруп. Наличие остатков жизни выражается в вялом сопротивлении чужому. Например, французы пытаются запретить ношение паранджи. На большее их уже не хватает. Но это полумера, а ими, как известно, вопрос не решить. Перед Францией выбор: или перестать быть толерантной, или дальше умирать в своей толерантности.

Бытует мнение, что Франция — одна из националистических стран, где очень ревностно относятся ко всему национальному. Но это было вчера. Сегодня все изменилось. Сегодня во Франции, что положено арабу, не положено Французу, о чем мы писали в третьей книге, говоря, что у арабов во Франции больше прав, чем у французов.

Резюмируя наши размышления, мы приходим к выводу: единственной конструкцией, способной заместить собой государство, является надгосударственная социальная система. Иных вариантов мы не видим даже в теории. Будущая структура человечества — религиозная модель.

ГЛАВА 2

Диктат

Определившись с направлением, мы оказались перед необходимостью ответить на вопрос: какое конкретно религиозное мировоззрение должно стать фундаментом будущей структуры?

Дать рациональный ответ на этот вопрос невозможно. Доказывать приоритет одной религии перед другой — умножать информационный шум, не продвигаясь к цели ни на йоту.

Информация, позиционированная откровением, не препарировается рациональным инструментарием. Один из величайших математиков, Гедель, в своей теории неполноты говорит: «Где нельзя спрашивать, там нельзя сомневаться». С верой нельзя работать логикой, ибо вера не разрешает спрашивать.

Запрет на вопрошание открывает дорогу как для высшей, и потому непостижимой, истины, так и для чудовищных спекуляций. Пока оставим тему спекуляций и сконцентрируемся на истине. Если полученная через откровение высшая истина исключает вопросы, требуя веры в свои положения, нет смысла выискивать, что есть истина. Для любого верующего истина есть то, что принято считать истиной. Любые размышления тут бесполезны.

Если все так, для нас, людей, пишущих этот текст, истинным

мировоззрением является христианство. Помимо веры у нас для этого есть рациональные основания. Например, не получается поколебать наличие Бога — непонятной высшей Сущности.

Доказательство существования этой Сущности довольно простое. Если вселенная имеет возраст, значит, она однажды появилась. У любого появившегося объекта есть причина. Она всегда лежит за его границами. Выходит, Причина вселенной находится за границами вселенной. Так как под вселенной мы понимаем не только составляющие ее материю и энергию, но также пространство и время, получается, Причина лежит в иной, непостижимой для нас области, за рамками пространства и времени, материи и энергии. Учитывая, что творец всегда выше своего творения, а по творению можно понять уровень творца, мы заключаем: Творец вселенной превосходит по своей сложности вселенную. Это не просто безликая хаотичная энергия. Это в высшей степени разумная и могучая во всех смыслах Сущность, которой нет аналогов. Она живет по другим законам и в других измерениях (термины «законы» и «измерения» не отражают того, что мы хотим сказать, а лишь слабо указывают направление мысли, стремящейся выйти за рамки).

Также не получается поколебать факт Воскресения Христа, о чем мы писали в третьей книге «Проект Россия». Если бы мы имели основание усомниться в этом событии, мы не стали бы лукавить ради соответствия принятым в обществе нормам. Богу не нужно наше лицемерие. Лучше честно ошибаться, чем лицемерить. Но дело в том, что мы не видим возможности сомневаться в существовании Бога и Воскресении Христа.

На этом основании мы заявляем: фундамент спасительной модели есть христианство (если быть точнее — православие). Оно должно вобрать в себя все человечество. Эта социальная модель известна как церковь (не небесная, а земная организация). Церковь — социальная негосударственная структура, позволяющая объединить в себя все человечество. Она построена не на принципе «дерева», когда к стволу крепятся ветви, а на принципе «корзинки», когда роль каркаса выполняет множество сплетенных между собой прутьев.

Конструкция типа «дерево» сохраняется, пока есть ствол, к которому крепятся ветви. Стоит стволу разрушиться, вся конструкция обрушивается. В этом смысле принцип «корзинка» намного прочнее. Утрата одного или нескольких прутьев не нарушает прочности модели. Разрушение конструкции начинается после исчезновения критической суммы прутьев. В первом варианте исчезновение одного элемента рушит конструкцию. Во втором варианте обрушение начинается с исчезновением нескольких элементов. Запас прочности во втором варианте налицо.

По всем показателям социальная конструкция, известная в христианстве как церковь, в идеальном варианте имеет бесконечные

преимущества по сравнению с любым идеальным вариантом государства или партии. На практике она тоже имеет более качественные характеристики по вопросам недопущения несоответствующих элементов в «голову» и свободу от текучки (с сохранением стратегической власти).

Это наше мнение, которые мы считаем верным. Кто не разделяет нашего мнения о истине, с тем мы собираемся не спорить, а побеждать всеми доступными способами (благо, недостатка в них нет, изобретена масса способов борьбы с несогласными).

Из всего сказанного вытекает наша промежуточная цель — построить из человечества систему, близкую по своим фундаментальным принципам к христианской церкви. Никакая иная модель для реализации нашей глобальной цели не годится.

ГЛАВА 3

Расплывчатость

Кажется, дальше все ясно. Как только мы обозначили цель, задача свелась к собиранию единомышленников и дальнейшему строительству нужной конструкции по двум главным направлениям: а) непосредственно строительство; б) борьба с оппонентами. В оппоненты попадают все, кто считает иначе (или вообще ничего не считает, так называемый обыватель). А еще те, кто согласен с констатацией факта надвигающейся опасности и неспособности существующих институтов справиться с ней, но не считает христианскую истину за истину, а христианскую церковь — оптимальной моделью.

Увы, при кажущейся понятности не хватает главного — четкого определения, какую именно модель строить. Понятие «христианская церковь» — очень расплывчатое. Его нельзя рассматривать как чертеж или хотя бы образ. Церковь — это нечто такое... расплывчатое (мы не бюрократическую структуру современной церкви имеем в виду, а именно саму земную церковь, объединение верующих в единое целое).

Чтобы быть уверенным, что нам удалось точно передать нашу мысль, скажем: пока нет четкого понимания, какую конкретно модель строить, конструктивное действие невозможно. Получится что-то типа сегодняшнего Сколково, когда есть желание создать что-то крутое, но нет четкого понимания, чем именно должно быть это «крутое». При таких стартовых позициях можно с уверенностью прогнозировать: в лучшем случае будут построены здания. Научного центра мирового значения, какой

витают в головах его инициаторов, не будет. Вместо аналога Силиконовой долины или Арзамаса появятся просто здания, на которых «погреют руки» те, через кого пойдут финансовые потоки, а также непосредственные исполнители.

Создать мировой центр чего-либо можно при условии, если создатели чувствуют нерв создаваемого. Судя по прямым и косвенным признакам, первые лица ничего подобного не чувствуют. У них детское представление: построим здания, соберем в них ученых, и будет это называться мировым научным центром. Ерунда.

Может так: У них детское представление: построим здания, крикнем в прессе, что построили, тут и ученые сразу прибегут, и будет это называться мировым научным центром. Ерунда.

Окружающее болото поглотит этот объект точно так же, как сейчас поглощает советские науку и образование. На первых позициях будут не гении типа Перельмана, а прохвосты типа сталинского Лысенко.

Чтобы изменить это правило, нужно менять систему. Но это невозможно, поскольку она сегодня забита «политическими флюгерами», не имеющими твердых убеждений. Их единственная цель — не оказаться на обочине при очередном переделе власти. Они всегда «за все хорошее и против всего плохого», потому что это их форма «одежды».

О каких гениях может идти речь, если поп-звезд, победивших на очередном мероприятии из серии «хлеба и зрелищ», бегут поздравлять первые лица государства. А, например, на Перельмана, сделавшего открытие века, они даже внимания не обратили. О каком мировом научном центре можно вообще вести речь?

Любое конструктивное действие становится возможным только при четком понимании, что строим. Общие слова, пусть даже благочестивые и проникновенные, не пройдут. Нельзя строить «просто хорошее здание». Реальное строительство возможно только после определения, что конкретно вы строите: жилой дом или овощехранилище.

Если мы собрались строить социальную конструкцию «христианская церковь» (условное название), в первую очередь нужно уточнить, что это такое. Если этому есть четкое понимание, конкретный образ, чертеж, можно считать, полдела сделано. Более того, при таком раскладе окажется, что не нужно изобретать велосипед. Уже все есть. Осталось лишь привести в эту социальную систему как можно больше людей, и конструкция для преодоления глобальной катастрофы готова.

Пока опустим соображение, которое мы высказывали о невозможности церкви быть защитником (это превратит ее в аналог Ватикана, то есть вместо церкви получится обычное государство, отличающееся от остальных формой одежды первых лиц).

Начнем с того, что церковь есть в первую очередь не зависимое от властей образование. Это не министерство. Это полностью автономное образование, не отрицающее требований государства, но при этом совершенно независимое.

Зависимая от власти структура может называться церковью, но это будет не церковь в полном смысле этого слова. Это будет министерство, используемое властью для своих целей. Власть будет влиять на церковь так, чтобы упрочить свое положение.

Яркий пример такого влияния — выборы патриарха. Власть понимает: патриарх является фигурой, чье слово может подвигнуть миллионы людей к тому или иному действию/бездействию. Поэтому лучше, чтобы слово патриарха не вошло в противоречие с государственным курсом.

Имея нескольких кандидатов, власть исходит не из того, кто из них святее и честнее, больше радеет за веру и прочее, а из понятности личности и уверенности: человек не будет выходить за обозначенные ему границы.

Понятное дело, не все кандидаты одинаковые. На минутку допустим, один кандидат в патриархи заведельно честный и бескомпромиссный. Он сам готов умереть за свои убеждения. Для него указ только Христос. Другой готов идти на многие компромиссы, свой человек для власти и прочее. Вопрос: кого власть поддержит? (Не забываем, поддержка власти имеет решающее значение).

Вопрос риторический. Зачем власти на подконтрольной территории второй Гермоген? Если допустить, что власти потребуется провести действия, идущие вразрез с христианством, заранее понятно: нового «Гермогена» уговорить не удастся. Он еще начнет рассылать обличительные послания против власти (пусть и справедливые). Какая власть допустит такое? Только очень недальновидная. А нормальная власть все это предвидит на ранней стадии и не допустит образования источника опасности.

В результате такой опеки возникает совсем не та конструкция, каковой является церковь. Это совсем иная конструкция — министерство. Иными словами, это даже не государство, а часть государства. Но если государство не годится на роль спасателя, никакая его часть, как бы она ни называлась, не годится тем более.

То есть министерство не является той социальной системой, к необходимости, создания которой мы пришли в своих суждениях. Министерство может, как угодно называться, но название не компенсирует сущности.

ГЛАВА 4

Коррозия

Если смотреть на мир трезвым взглядом, нужно признать очевидное: церковь сохраняла независимость до момента признания ее государством. После того, как она оказалась в зависимом от власти положении, говорить о независимости стало невозможно.

Сказано это не к тому, чтобы бросить тень на церковный институт, а для реальной оценки ситуации. Отличительный признак системы, которую мы называем «христианская церковь», в первую очередь независимость. Если она зависимая, это не церковь. (Здесь мы слово «церковь» употребляем в смысле конструкции, основанной на определенном принципе, а не в общепринятом значении, обозначающем зависимую государственную церковь).

Строить ту или иную часть государства, во-первых, не имеет смысла. Во-вторых, она уже без нас давно построена и живет по своим правилам. В помощниках не нуждается и на роль спасателя людей от кризисной ситуации не ориентирована (а если ее и сделать таковой, получится Ватикан, то есть часть государства трансформируется до размера целого государства).

Второй тупик: стоит нам только рот открыть о построении новой церкви (просто сказать такое словосочетание), как мы тут же получаем статус сектантов. Это глупо, если учесть, что у нас нет намерения создавать церковь в религиозном смысле.

Термин «церковь» удобен для обозначения типа социальной конструкции, не более. Идентифицирующим признаком составляющих конструкцию деталей будет христианство. Так же, как идентифицирующим признаком, например, немецкой армии, являются немцы. Но как немецкая армия не претендует подменить собой нацию, так и конструкция типа «церковь» не подменяет собой института государственной христианской церкви.

Мы не видим возможности создать конструкцию типа «церковь» с чистого листа. Так же мы не видим возможности работать с существующими структурами, именуемыми «церковь». По ключевым признакам они соответствуют конструкции «министерство». Но традиционно их принято называть церквями, и мы не видим смысла менять название.

Оптимально было бы вернуться в состояние, когда церковь еще не попала под власть государства. Тогда можно было бы рассматривать ее как систему, способную вырасти до мировых размеров. Сегодня никакая церковь не может

вырасти до такого масштаба в первую очередь потому, что этот рост будет противоречить интересам государств.

Сегодняшняя раздробленность церкви является результатом политических стремлений, о чем мы писали в третьей книге «Проект Россия». Тут все просто: любая власть хочет иметь полный контроль над своей территорией и не может допустить, чтобы мощный центр влияния находился вне ее поля зрения.

В наше время церковь является одним из самых мощных институтов влияния. Раньше это был самый влиятельный институт. В период его расцвета одного слова было достаточно, чтобы правитель потерял власть (пример — стояние в Каноссе).

Естественно, римский император, принимая решение о возведении христианства в статус государственной религии, не мог не заботиться о сохранении контроля над ситуацией. Именно этим объясняется, почему за всю историю государственного христианства не было проведено ни единого Вселенского Собора, свободного от опеки власти. Напротив, власть в лице императора (в крайнем случае, его представителя) принимала самое активное участие в христианских собраниях. Светская власть в прямом смысле требовала полного подчинения не только по светским, но и по духовным вопросам (этот момент ярко виден на иконоборческом периоде, когда от слова власти зависело, чем будет считаться поклонение иконам — идолопоклонничеством или общением с Богом).

В своем желании сохранить полный контроль власть не стеснялась в средствах. Например, Константин II на одном из Соборов плашмя ударил мечом по столу, за которым сидели епископы, и сказал: «Вот вам канон». Так он отреагировал на сопротивление епископов, не желавших признать требование, которое, по их мнению, было еретическим. Но после такого весомого аргумента признание состоялось.

Христиане, пытавшихся перечить власти, подвергались гонениям. Или власть объявляла их еретиками и сектантами. В основном несогласных отправляли в ссылку. Как максимум наказывали физически.

Показателен в этом смысле Латеранский Собор 649—453 годов, собранный святым Максимом Исповедником и святым Мартином без разрешения императора. Власть усмотрела в этом признак мятежа и наказала инициаторов. Их вина была в том, что они решали духовные вопросы без контроля светской власти.

Для ранних христиан было нормой собираться по своему усмотрению и решать свои вопросы. Для государственной церкви такое стало невыносимо. Любой намек на самостоятельность власть воспринимала подготовкой к бунту и пресекала.

Эту же практику применяли все без исключения правители. Не желая

иметь неподконтрольный центр влияния на своих подданных, они всеми силами трудились над созданием своих «карманных» церквей. Здесь корень многих современных догматических отличий.

Власть могла быть спокойной, если ее церковь отличалась от той, что за пределами «госконтроля». Должно быть все другое, начиная от внешнего вида священников до канонов, обрядов, традиций. Если они говорят и делают так, мы должны говорить и делать иначе. Мы должны отличаться. Это гарантия того, что сосед не сможет влиять на мое население. Для упрочения такого положения наши догматы должны быть объявлены божественными, а соседские — еретическими.

На протяжении тысячи лет книжники каждого государства объясняли, почему их противники суть исчадь ада, а они — благодать божья. Пошла писать губерния... Сегодня этой писанины накопилось столько, что кажется, в ней уже не разобраться.

Монополия власти на истину связала истину, заморозила ее, сделала неживой, догматичной. Неудобную информацию объявляли вне закона. Удобную объявляли божественной. При этом не бралось во внимание само понятие истины. Власть сортировала христианскую информацию, исходя из принципа: если она угрожает государству, ее надо блокировать, даже если это истина. Если она укрепляет государство, ее надо признать священной, даже если она противоречит истине.

Уверяем вас: если завтра от России отделится, например, Урал, одной из первых задач новой власти будет освободиться от влияния РПЦ. За относительно короткое время возникнет какая-нибудь уральская православная церковь, которая вскоре будет признана остальными церквями, созданными по такому же принципу.

Забавно слушать рассказы о том, что русские князья не приняли решение Ферраро-Флорентийского Собора 1438—1445 годов, созванного по всем правилам византийским императором Иоанном VIII, с участием православного Патриарха Иосифа II и Папы Римского Евгения IV. Православный Патриарх объявил Собор канонически состоявшимся и заявил: кто не признает его решения, будет отлучен от Церкви. Но, согласно легенде, наши князья отказались признать решения Собора только потому, что он признал: от Христа исходит Святой Дух (по православному канону Святой Дух исходит только от Бога Отца).

Наверное, такое стояние за веру наших князей многим греет душу, но давайте смотреть на вещи реально. Во-первых, неприятие решений Вселенского Собора само по себе есть проявление гордыни (несколько сотен епископов и монахов ошиблись, а мы правы). Во-вторых, князья не были богословами и потому не могли оценивать верность решения соборян. Чтобы понять суть дела, достаточно вспомнить: они были политиками.

Падение Византии означало: Русь может избавиться от духовной зависимости источника, находящегося на неподконтрольной князьям территории. Если бы они приняли решение Восьмого Вселенского Собора, зависимость бы сохранилась (только теперь она была бы не в Византии, а в Риме).

Представьте себя на месте князей и скажите: хотелось бы вам, как правителю, терпеть на своей территории неподконтрольное влияние? Такое хотение противоречит сущности власти и потому невозможно. Но поскольку открыто свой реальный мотив князья не могли озвучить, на помощь были призваны книжники, которые все устроили.

Ярчайшим доказательством служит синодальный период в России. Обер-прокурор командовал епископами как министр своими подчиненными. Ни разу за всю историю государственного христианства власть не позволила церкви быть самостоятельной. Поэтому государственное христианство вольно или невольно сложилось в министерскую структуру.

Нам же нужна структура «церковь».

ГЛАВА 5

Сложные вопросы

Где же выход? С министерством нет смысла работать. С нуля нужную конструкцию тоже не создать. Но и другого варианта, кроме построения системы по типу церкви, тоже нет. Что же делать?

Перебирая все возможные варианты, мы не видим иного выхода, кроме как попробовать не закрывать глаза на накопившиеся проблемы, а попытаться их решить. Ключевое здесь «не закрывать глаза». Необходимо признать: в нашей церкви есть огромные проблемы. Виноваты в них не люди, виноваты условия, в которых она развивалась. Зависимый институт не может развиваться так же, как независимый. Если бы даже наша церковь состояла из одних святых, она все равно не могла избежать превращения в министерство.

Чтобы преодолеть проблемы, надо не по хвостам быть, а в корень смотреть. Для этого необходимо называть вещи своими именами, даже если тяжело и противоречит шаблонам. Если человек родной, от его болячек не отворачиваются. Их врачуют. Члены церкви не должны отворачиваться от проблем своей матери-церкви.

Чтобы избавиться от болячек тело, к которому мы, православные

христиане, принадлежим, сначала нужно зафиксировать эти болячки. Надо назвать все имеющиеся пороки, не вуалируя и не пытаясь придать им благочестивый оттенок. Кто называет чахоточный румянец близкого человека показателем здоровья, чтобы успокоить родственников (или потому что такое задание от начальства поступило) тот усугубляет болезнь. Не будем усугублять болезнь. Будем честными в первую очередь перед собой. Богу меньше всего нужно наше лицемерие. Но именно игнорирование проблемы порождает лицемерие.

Мы не видим смысла лицемерить. При этом прекрасно понимаем, какую бурю негатива вызовем со стороны тех, для кого проблемы превратились в источник дохода и социального статуса. Как говорится, кому война, а кому мать родная.

Джордано Бруно не боялся костра. Мы не боимся критики тех, кого в третьей книге «Проект Россия» назвали волками в овечьей шкуре (ВОШами). Выскажем свое недвусмысленное мнение по вопросам, которые нам кажутся настолько очевидными и вопиющими, что не замечать их нельзя.

Нужно признать: государственное христианство не провело ни одного крупного собрания без контроля со стороны властей. Это значит, власть неизбежно оказывала давление на принятие решений (в противном случае зачем было нужно монополизировать право на проведение Соборов). Смысл действий власти понятен: стремление сохранить контроль над базовыми постулатами, на которых держится вся социальная конструкция. Если утратить над ними контроль, есть вероятность, что его перехватят враги (что сегодня произошло в России, когда власть утратила всякую идеологию).

Это горький и неприятный, но факт. Как к нему относиться? Особенно с учетом того, что христианское учение отрицает право любого человека определять истину. Никакой человек в мире не может быть мериллом христианской истины. Христос и апостолы учили: человек не может быть арбитром в религиозных вопросах. Спорные вопросы решаются соборно и независимо.

Но при этом мы знаем: византийский император был мериллом истины. Что он считал истиной, то получало статус божественной истины. Чему он отказывал в праве называться истиной, даже если это самая настоящая истина, то официально не могло считаться истиной и получало статус лжи.

Есть много теорий, оправдывающих эту ситуацию. Но мы не оправданий ищем, а ответ по существу. Христос говорил: *«Да — да, нет — нет, а что сверх того, то от лукавого»*. Как быть с тем, что на протяжении нескольких веков от позиции светской власти зависело, что будет считаться истиной, а что ложью?

Еще один вопрос: как относиться к документу, известному как

«Константинов дар»? Вернее, не к самому документу, с ним все понятно, это подделка, а к его последствиям, которые пустили глубокие корни и сегодня воспринимаются само собой разумеющимися.

Чтобы понять, о чем речь, краткая история: примерно в VIII веке появляется документ, в котором говорится: в начале IV века римский император Константин дал папе Сильвестру I верховную власть над западной Римской империей. На основании этого документа утверждалось: легитимной считается власть, признанная папой. Без санкции папы власть нелегитимна.

Чтобы понять силу этого права, представьте: вы определяете легитимность демократических выборов. Без вашего признания выборы считаются недействительными. Результат определяется не усилиями устроителей выборов, а вашим словом. Голосование может быть любым, но решающее значение имеет ваше слово. Надо ли говорить, что пока вы обладаете таким правом, нет никого на планете сильнее вас.

На основании этого документа рождаются «священные» понятия, не имеющие к христианству отношения. Например, понятие священного долга по защите государственной территории. Это противоречит сути христианства. Христос на протяжении всей своей земной проповеди говорил: *«Царство Мое не от мира сего»*. Но власть использует ресурс христианства в своих интересах. Здесь корни благословения государственной церкви воевать и убивать за интересы государства.

«Константинов дар» — подложный документ, составленный «политиками в рясах» в середине VIII века. Документ составили католики и православные вместе (тогда они были единой церковью). Разговоры о подлоге начались после раскола, когда православные стали выяснять отношения с католиками. До раскола все молчали. Ни Папа Римский, ни Византийский Патриарх не оспаривали истинность этого документа.

В XV веке под давлением фактов Ватикан признал подлог. Но суть не в этом. Суть в том, что верхушка всегда знала о подлоге, но молчала. Папа присвоил себе право назначать царей. До этого таким правом обладал Бог.

Пророк Самуил по указанию Бога помазывает на царство Саула. Потом Давида. Следующий царь, Соломон, тоже взшел на трон по прямому указанию Бога. Человек, кем бы он ни был, хоть в рясе, хоть в короне, не имеет такого права. Наполеон, выхвативший у папы корону из рук во время коронации и водрузивший ее себе на голову, дал понять: власть или непосредственно от Бога, или от силы человека.

Но допустим, Константин действительно написал бы такой документ. Из этого ничего бы не следовало. Даже по византийскому закону император был не Бог и, следовательно, не имел полномочий раздавать

такие права.

Бог ни единого слова не сказал на тему, что священники должны определять легитимность власти. Пророки и апостолы даже не намекали ни на что подобное. Помазание правителя на царство со стороны церкви не имеет под собой никакого основания, кроме подложного «Константинова дара». В итоге оно принимает комичные формы. Одной рукой церковь благословляет власть, второй рукой осуждает деятельность благословленной власти.

ГЛАВА 6

Торговцы

Показатель гниения религиозной системы — храмовая торговля. Она процветала перед закатом Израиля. Она процветала перед закатом католичества. Сегодня она процветает в Православии (увы, но это факт).

Торговцы говорят, в храмовой торговле нет ничего особенного. В этом сегодня уверено большинство. Если же указать на позицию Христа по этому вопросу, продавцы в качестве оправдывающего аргумента обычно выдвигают благословение епископа, что, по их мнению, перекрывает авторитет бескомпромиссной позиции Христа.

Как совместить храмовую торговлю с поступком Христа, плетью выгнавшего из храма людей, продававших религиозный товар: жертвенных голубей (аналог христианской свечи), баранов и сопутствующую утварь, а также менял, втридорога продавали верующим иудеям монеты без изображения императора (по иудейским обычаям только такими монетами можно было платить десятину на храм).

Менялы и торговцы развернули деятельность не в храме, а на принадлежащей храму территории. Сегодня в большинстве храмов торгуют внутри. Зачастую одновременно совершается таинство миропомазания и «таинство торговли» (из ничего делают деньги). Если торговля выносится на территорию около храма, это вменяется священнику в праведность. Но Христос изгнал и тех, кто торговал рядом с храмом, на ступенях храма.

Прихожане, покупающие товар у торговцев, считают это своего рода служением Богу. Людям кажется, чем больше они купят товара (тех же свечей), тем сильнее их праведность и прочее. Почему-то никто, в том числе и священство, не напоминает христианам, что Христос выгнал не только продающих в храме, но и покупающих. *«Вошел Иисус в храм Божий и выгнал всех продающих и покупающих в храме, и опрокинул столы*

меновщиков и скамьи продающих голубей, и говорил им: написано — дом Мой домом молитвы наречется, а вы сделали его вертепом разбойников» (Мф. 21, 12 - 13).

Безразличие и попустительство к храмовой торговле привело к тому, что сегодня в доме молитвы торгуют не только религиозным товаром, свечами и подсвечниками, но и таинствами. Почти в каждом храме есть прејскурант на такой «товар» как «за упокой души»; «за здравие»; «крещение»; «венчание»; «отпевание» и прочее. У всего есть своя цена. Напутствие «*даром получили, даром давайте*» (Мф. 10, 1-8) предано забвению.

Кажется, еще немного, и попытка одновременно служить Богу и мамоне закончится тем, что мы узнаем цену билета в рай и стоимость избавления из ада грешников (индульгенция). В какой это будет форме, не важно. Важно, что с вас попросят деньги за молитву о переводе вашего покойного грешника в более комфортное место.

Во времена Христа еврейские священники жили на десятину и добровольные пожертвования. Когда Рим оккупировал Израиль, с пожертвованием возникли трудности. Иудейские жрецы разрешили храмовую торговлю. На возражения Христа не обращали внимания.

У христиан высший авторитет Христос. Его слова имеют абсолютное значение. Но это в теории. На практике в большинстве христианских храмов торгуют и утварью церковной, и таинствами. Священноначалие откаты берет, благословения и должности продает. При этом все знают цену этих поступков.

Все христианские священники, от приходского батюшки до епископа, знают: на храмовую торговлю существует такой же прямой запрет, как на убийство и воровство. Но что толку от этого знания, если торговля составляет основной источник дохода?

В церкви две позиции по этому вопросу. Одна позиция придерживается логики иудейского священства, поощрявшего и оправдывавшего торговлю. Таких большинство. Другая, меньшая часть, выступает против иудейского взгляда на торговлю. Судя по тенденции, иудейская позиция в торговом вопросе одерживает верх. Некоторые оправдывают ее тем, что доходы идут на благотворительность. Допустим, все до копейки идет на благие дела, а не на бронированные лимузины. Ну и что с того? Запрет на храмовую торговлю так же абсолютен, как на занятие проституцией.

Торговля, не важно чем, церковной ли утварью или таинствами, путевками в пансионат или услугами по найму квартир сама по себе плоха, независимо от того, на что идут вырученные средства.

Как быть конкретному священнику в такой ситуации? С одной стороны, слова Христа о запрете. С другой стороны, правда жизни — обязанность содержать семью. Кроме того, все кругом торгуют. Священноначалие

благословляет. Ситуация щекотливая. Оправдывать прямое нарушение запрета на торговлю нельзя. Осуждать священника, попавшего в тупиковое положение, тоже, кажется, нельзя.

Одни плюют на все и делают как все. Другие пытаются лукавить, выдавая торговлю за пожертвование. На ценнике пишут, мол, это не ценник, а рекомендуемое пожертвование. «Когда видишь на вольере со слоном надпись жираф — не верь глазам своим» (Козьма Прутков). Пока не дадите «рекомендуемого пожертвования», товар не получите. Знакомая история: торговый волк упакован в жертвенную шкуру овцы.

Ради справедливости отметим: если вы подойдете к продавцу и скажете, что ребенка нужно окрестить, а денег нет, вам в большинстве храмов пойдут навстречу и батюшка все сделает бесплатно. Так же в некоторых храмах вы можете подойти и попросить бесплатно дать свечку (или дать денег меньше «рекомендуемого пожертвования»).

Но если вопрос встанет о более дорогом товаре, например, о золотом крестике, который «не продается, а отдается за рекомендованное пожертвование», тут уже возникнет заминка. Пока не купите, товар вам не отдадут. Так что как ни крути, а в наших православных храмах торгуют.

Как определиться верующему по вопросу торговли в храме? Принять сторону Христа и осудить? Или принять сторону епископа и закрыть глаза на торговлю? Каждый сам выбирает, ведь вопрос, при всей своей ясности, не такой простой.

Глупо просить людей, чье благополучие зависит от храмовой торговли, оценить ситуацию. Объективности не получится. Мы не осуждаем. Ведь если бы сами выросли и пропитались установками современной церковной среды, скорее всего, занимали бы оправдательную позицию. Благо, уловок много придумано, одна благочестивее другой. Только Христос против.

Человеку свойственно защищать источник своего существования. И если даже защита очевидно неуклюжая, на такой случай предусмотрен набор дежурных фраз в стиле «Бог управит». Извиним слабость зависимых людей. Но не будем забывать уроки истории, которые учат: разложение никогда не останавливается, пока не достигнет предела.

ГЛАВА 7

Надежда

Мы прекрасно отдаем себе отчет, какую тему поднимаем. Читатель спросит: а зачем это вам? Лучше не касаться прошлого, не ворошить ушедшие интересы. Раз уж храмовая торговля стала неотъемлемым атрибутом церковной жизни, пусть будет. Раз «Константинов дар» пустил корни, пусть живет. Кажется, самое верное: жить по принципу «чтобы была тишь и не скреблась мышь».

Наверное, так и следовало сделать, если бы не один нюанс — система не стоит на месте. Она развивается. Уловить направление развития так же легко, как предсказать судьбу дома, фундамент которого местами исчез, местами провалился. Что делать жильцам? Тихо сидеть и ждать, когда он рухнет?

Мы считаем теплохладную позицию неприемлемой. Прятать от проблем голову в песок — путь в никуда. Отцы Церкви не прятались от сложных ситуаций, а формировали по ним свою позицию.

За 1300 лет накопилось множество острых вопросов и противоречий. Мы затронули лишь некоторые. Но в идеале нужно назвать все своими именами и дать на них однозначные ответы. Не общие слова, а конкретные ответы. Например, если монах нарушает обет нестяжания, объясняя это такими-то словами, значит, это не нарушение. Если есть храмовая торговля, и церковь находит ее допустимой, нужно сказать открыто. Позиция, когда формально торговля осуждается, а фактически процветает, неприемлема. Разумный человек не может предположить, что священноначалие, осуждающее это явление, не знает о нем. Знает. Но что дальше? Наша власть сегодня борется со взятками, а сама насквозь пронизана системой взяток.

Надеемся, высказанные мысли будут поняты не как попытка расшатать церковный институт, а как желание найти выход из сложившейся ситуации. Если каждый будет стоять на своей позиции только потому, что она привычна, разрушение не просто продолжится, оно будет идти с нарастающей скоростью.

Проблема указана в «Великом инквизиторе» Достоевского, описывающем второй приход Христа в христианское государство: «Старик великий инквизитор со светильником в руке медленно входит в тюрьму. Дверь за ним тотчас же запирается. Он останавливается при входе и долго, минуту или две, всматривается в лицо Его. Наконец тихо подходит, ставит светильник на стол и говорит: «Это Ты? Ты?.. Не отвечай, молчи. Да и что бы Ты мог сказать? Я слишком знаю, что ты

скажешь. Да Ты и права не имеешь ничего прибавлять к тому, что уже сказано Тобой прежде. Зачем же Ты пришел нам мешать? Ибо Ты пришел нам мешать и сам это знаешь. Но, знаешь ли, что будет завтра? Я не знаю, кто Ты, и знать не хочу: Ты ли это или только подобие Его, но завтра же я осужу и сожгу Тебя на костре, как злейшего из еретиков, и тот самый народ, который сегодня целовал Твои ноги, завтра же по одному моему мановению бросится подгрести к Твоему костру угли, знаешь Ты это? Да, Ты, может быть, это знаешь...

Имеешь ли Ты право возвестить нам хоть одну из тайн того мира, из которого Ты пришел? ...нет, не имеешь, чтобы не прибавлять к тому, что уже было прежде сказано, и чтобы не отнять у людей свободы, за которую Ты так стоял, когда был на земле. Все, что Ты возвестишь, посягнет на свободу веры людей, ибо явятся как чудо, а свобода их веры Тебе была дороже всего еще тогда, полторы тысячи лет назад. Не Ты ли так часто тогда говорил: «Хочу сделать вас свободными». Но вот Ты теперь увидел этих «свободных» людей... Да это дело нам дорого стоило... но мы dokonчили наконец это дело во имя Твое. Пятнадцать веков мучились мы с этою свободой, но теперь это кончено, и кончено крепко... Теперь и именно ныне эти люди уверены более чем когда-нибудь, что свободны вполне, а между тем они принесли нам свободу свою и покорно положили ее к ногам нашим. Но это сделали мы, а того ль Ты желал, такой ли свободы?..

Ибо теперь только стало возможным помыслить в первый раз о счастье людей. Человек был устроен бунтовщиком; разве бунтовщики могут быть счастливыми? Тебя предупреждали... Ты не имел недостатка в предупреждениях и указаниях, но Ты не послушал предупреждений, Ты отверг единственный путь, которым можно было устроить людей счастливыми, но, к счастью, уходя, Ты передал дело нам. Ты обещал, Ты утвердил своим словом, Ты дал нам право связывать и развязывать и уж, конечно, не можешь и думать отнять у нас право теперь. Зачем же Ты пришел нам мешать?».

ЧАСТЬ ШЕСТАЯ

ВЫХОД

«Я создам Церковь Мою, и врата ада не одолеют ее...».
(Мф. 16:18)

ГЛАВА 1

Размышления

В христианстве много вопросов, которых не принято касаться. Их принято заговаривать, хотя все понимают — это лицемерие. Всем очевидно, что закрывать глаза на проблему в итоге — себе дороже. И все равно закрывают. Потому что менталитет. Не принято, открыто говорить о недугах больного (хотя ему становится все хуже). Искать корни болезни вообще считается чем-то вроде попытки придумать новую ересь.

Чудовищно, но это так. В области религии и в патриотизме похожие ситуации. «Сегодня подавляющее большинство христиан считает, что участвовать в судьбе своей Родины — это политика, грязное дело. А посему Родиной должен заниматься кто угодно, только не христиане. Если наши предки считали показателем веры участие в судьбе своего Отечества, то наши современники показателем веры считают неучастие». (Проект Россия. Первая книга).

Остановить разрушение церковного организма можно, если честно ответить на вопросы, накопившиеся за время нелегкой жизни церкви. Кто может это сделать? Никакой человек, будь он хоть трижды императором, не сделает. Местное собрание — тоже. Единственный, кто может справиться с такой задачей — Вселенский Собор.

Что для этого нужно? Как минимум, церковь тысячелетней давности (когда она была зависимой от власти, но еще не раскололась на западную и восточную). Как максимум, церковь 1700-летней давности, когда она была независима от власти.

Сама по себе задача кажется нереальной, НО! У нас нет другого выхода. Или церковь дальше разваливается, а мы как не имели, так и не имеем возможности поставить вопрос о ее роли как спасателя, или пытаемся осмыслить происходящее, наметить пути решения и действовать.

Главное препятствие на этом пути — политическая, экономическая и местническая позиции некоторых иерархов. Она из той же серии, что и нежелание Украины или Белоруссии объединяться с Россией. Подавляющее большинство народа, несмотря на все пропагандистские усилия, за объединение. Правители Белоруссии и Украины против. Спросите, почему? Потому что сегодня они президенты суверенных стран. После объединения они станут губернаторами Белорусской или Украинской области, подчиненных Российскому президенту. Кто же президентство на губернаторство поменяет?

Такая же аналогия и с восстановлением единства церкви. Там тоже есть

фигуры, которые больше о личном интересе радеют, нежели о чем-то другом. Высокие слова у них предназначены исключительно для собраний. А в сердце совсем другие помыслы.

Сегодня в церковной среде теплохладную позицию принято объяснять и оправдывать через благочестивые присказки. Как бы ни была очевидна проблема, люди сочтут за благо молчать. Свое бездействие мотивируют тем, что фундамент церкви уже ветхий, лучше его не трогать, пока стоит. Нам бы дожить свой век без капитальных движений, а дальше хоть трава не расти.

Нежелание ключевых фигур понижать свой статус — главное препятствие любого объединения, в том числе церковного. Снять проблему удастся, если есть волевое решение наверху, как в случае с объединением РПЦ и РПЦЗ. Если преодолеть политические и экономические интересы плюс личные амбиции некоторых епископов, церковь может очиститься от многих пороков и стать единой, как тысячу лет назад.

Церковь византийских времен тоже была зависимой от власти, и потому была поражена многими недугами. Но все же она объединяла в себе всех христиан (за что, обратите внимание, ее никто не называл экуменической). Сегодня термин «единая Церковь» незаметно стал синонимом «экуменическая церковь».

Так как здесь мы вступаем в тонкую область, целесообразно уточнить понятие экуменизма. Это либеральное религиозно-философское течение, ставящее целью объединить различные конфессии.

Неприемлемым моментом экуменизма является предположение, что можно выработать общехристианскую социальную программу, пригодную для всех христиан. Иными словами, все должны отказаться от одной части своих истин и принять другую.

Задача заведомо провальная уже потому, что сегодня нет авторитета, достаточного для того, чтобы отменить одни истины и дать другие. Вернее, ни за каким человеком такого права сегодня никто не признает. Последним человеком, обладавший таким правом, с начала IV века до примерно VIII века был император: сначала Римской империи, потом Византийской. Сегодня эта практика в далеком прошлом (хотя ее плоды в нашем настоящем, ибо забронзовели и как бы получили статус божественных).

Нереально допустить, что сегодня кто-то выступит в роли нового императора. Как бы хороша новая программа ни была (допустим, она гениальна), ее не примут. Вернее, кто-то примет, но это умножит раскол, породив новые церкви, которые с еще большей скоростью начнут растворяться в современных водах нашей цивилизации, подобно осколкам

некогда единого айсберга, дрейфующим в теплом океане. Так что у экуменизма нет шансов.

Речь идет не об объединении разных церквей, а об увеличении православной церкви до размера человечества. Как организовать массовый переход католиков в православие — отдельная тема. Нам она кажется не столь фантастичной.

Возрождению Единой Церкви мешают не догматические расхождения типа «филиокве» (католики признают исхождение Святого Духа от Христа, православные отрицают исхождение Святого Духа от Христа, утверждая при этом, что Христос-Бог и Бог-Отец есть одно и то же). Эта странность — порождение времен, когда обе церкви всеми силами пытались закрепить свою разность. Отсюда же берут корни утверждения католиков о непорочном зачатии Девы Марии (с помощью Святого Духа). Преодоление разногласий лежит не в богословской и идеологической плоскостях, а исключительно в политической.

ГЛАВА 2

Соблазны

Сегодня на пути к Единой Церкви созданы искусственные препятствия. Например, бытует мнение, что Восьмой Вселенский Собор будет от антихриста. Ни один авторитетный источник не указывает на это. Нет ничего подобного ни в Библии, ни в высказываниях апостолов. Святые, в искренности которых можно не сомневаться, тоже ничего такого не говорят.

Максимум кто-нибудь мог высказывать свое мнение, что в конце времен церковь так развратится, что если и соберет Собор, то точно не христианский дух там будет. Но это высказывание имеет совсем другой смысл. Никто из глобальных фигур не говорил, мол, мне было откровение, что Восьмой Вселенский Собор будет от антихриста. Но, тем не менее, в общественное сознание запущен миф, смущающий умы и блокирующий инициативу в этом направлении.

Кроме того, если на минутку допустить, что информация о негативном характере Собора истинная, как объяснить Ферраро-Флорентийский Вселенский Собор, ведь именно он по счету был восьмым?

Если допустить: информация, пугающая простецов, — истинная, возникает вопрос: Отцы Церкви не знали о недопустимости восьмого собора? Если ОНИ не знали, тогда, кто знает? Простой сельский

священник? Или бабуля? Если православным патриархам отказано в знании истины, возникают большие последствия. Получается, каждый сам себе режиссер. Это даже не протестантизм, а гораздо хуже.

Строго исторически восьмое вселенское собрание состоялось пять с половиной веков назад. Там присутствовали все христиане (католики и православные). Православная церковь, сама собравшая его и проводившая, никогда не называла этот собор разбойничьим, но при этом его решений не признавала (хотя открывавший его патриарх, ныне причисленный к лику святых, грозил отлучением от церкви за непризнание решений этого Собора).

На причинах непризнания нет смысла останавливаться, они носят не богословский, а политический характер (Византия находилась перед угрозой захвата турками). Но сути это не меняет. Собор с представителями восточных и западных христиан собирался не семь раз, а восемь. Седьмое собрание было в 787 году. Последнее, восьмое, в 1445 году.

Сейчас христианство в целом и христианские цивилизации в частности могут выстоять, если вернут себе фундамент. Единственным кандидатом на фундамент является Церковь — ЕДИНАЯ, СВЯТАЯ СОБОРНАЯ и АПОСТОЛЬСКАЯ.

Только тогда станет возможен Вселенский Собор, первый за всю историю собранный не по воле римского или византийского императора, а по воле христиан, желающих найти ответы на назревшие вопросы. Над этим Собором впервые не будет довлеть власть, влезавшая в принятие решений, исходя из политических, а не духовных соображений. Впервые на этом Соборе будут руководствоваться только вопросами веры, и ничем больше. Это будет Собор уровня собраний первых христиан.

Одно дело — принять решение. Другое дело — приступить к его реализации. Это тем труднее, чем больше поставленная задача противоречит общепринятым шаблонам. Сегодня в головах большинства утвердилось мнение: провести Вселенский Собор в современных условиях невозможно. Мы же считаем, что именно сегодня, в условиях, когда власть ослабила свою хватку (из-за резкого падения количества и качества веры), проведение такого Собора вполне реально.

Приняв такое решение, мы попали в положение средневекового ученого. С одной стороны, он своими глазами видел: Солнце каждый день движется по небосклону, а Земля «стоит». С другой стороны, расчеты говорят обратное. С третьей стороны, институт, монополизировавший право определять понятие истины, утверждает: Земля есть центр мироздания.

Благондежный ученый обязан работать в рамках установок. Вольнодумцев ждал костер. Большинство предпочитало не умничать и соглашаться с тем, с чем велено соглашаться. Но некоторые, у кого жажда правды была сильнее жажды жизни, шли на костер. В глазах обывателей они выглядели идиотами, но «что позволено Юпитеру, не позволено быку».

Элита способна умереть за свои убеждения. Масса — нет. Ее максимум — инстинкты. Например, родительский инстинкт. Он реализуется не в воспитании, а в питании. Сейчас для многих эти термины — синонимы. Воспитать в ребенке личность основная масса родителей не может по той же причине, по какой не может собрать компьютер.

В реальности воспитанием занимается общество: СМИ, школа, улица и кто угодно, только не родители. Они питают-одевают-обувают, называя это воспитанием. На самом же деле они как птицы, которым инстинкт велит кормить и защищать своих птенцов.

В лучшем случае подавляющая масса родителей могут неосознанно транслировать через себя навыки, которые в свое время получили от своей эпохи. Всякий родитель говорит ребенку: «Делай хорошо, плохо не делай».

На вопрос: что такое хорошо и что такое плохо, простой человек может ответить только на уровне лозунгов. Если ребенок спросит: «А почему хорошо именно то, что ты считаешь хорошим? СМИ говорят наоборот. Кто из вас прав?» В этой ситуации любой родитель, кем бы он ни был, «поплывет». Область идей — не прерогатива большинства.

Люди могут говорить необоснованные истины, но не могут ими жить. Если вы знаете, что под вашим домом зарыт клад, в сотни раз превышающий стоимость вашего жилища, и достать его можно только сломав здание, вы его сломаете. Если ходят слухи, будто под вашим домом зарыт клад, но вы не уверены в их истинности, вы не будете ломать свой дом. Уровень веры виден по делам.

Сожженные на кострах инквизиции понимали, за что умирают. Не важно, ошибались они или нет. Важно, что это был не сиюминутный эмоциональный порыв. Перед тем как сжечь Джордано Бруно на костре, братья по вере уговаривали его отказаться от своих взглядов. Потом немножко пытали. Потом сильнее, по нарастающей. В совокупности «уговоры» продолжались шесть лет. И все же он предпочел умереть, нежели отказаться от своих убеждений, потому что считал свое знание верным, а отказ от него неприемлемым. (Кстати, мы тоже считаем истину Джордано Бруно заблуждением, но все же снимаем шляпу перед его мужеством и стойкостью).

Церковь передала «брата Джордано» в руки светских властей,

сопроводив это просьбой проявить милосердие и не пролить крови заблудшего (в переводе на обычный язык того времени это означало сжечь живым).

«Что же это за убеждения такие, — думает обыватель, — ради которых глубокий умный человек в здравом уме и твердой памяти предпочитает отдать жизнь? Разве есть на свете то, за что можно жизнь отдать?». И, не найдя ничего, говорит себе — нет. Оправдывая свое решение, человек заговаривает тему общими размышлениями о фанатизме.

Любопытный феномен, но тот же обыватель всю свою жизнь целиком и без остатка отдает бытоустроению. С одной стороны, он утверждает: глупо бездумно отдавать свою жизнь чему-либо. С другой стороны, кладет свою жизнь без остатка на алтарь быта.

Человек чаще всего не задается вопросом: почему из всех возможных вариантов, на что потратить жизнь он выбирает именно этот (бытовой). Он вообще не задумывается ни о чем подобном. В своем бездумном поступке положить жизнь на потребление обыватель не находит ничего странного. В сознательном поступке Джордано Бруно положить жизнь на алтарь свои убеждений он видит фанатизм. Где логика?

Нет сомнений, каждый положит свою земную жизнь на тот или иной алтарь (и вы в том числе, уважаемый читатель). Одни смогут себя спросить: по какой причине я кладу свою жизнь именно на этот алтарь, а не на иной. Другие не сумеют даже подумать про это, что говорит о разном уровне развития. Мы никого не осуждаем, мы констатируем факт. Поговорите со своими знакомыми о смысле жизни, и вы увидите нашу правоту.

ГЛАВА 3

Кризис смысла

Христианство необходимо вырвать из удушающих объятий государства. Только через это можно избежать негатива. Если ничего не делать, сбудется предсказанное многими святыми: церковь станет прибежищем совсем не той силы, с которой начиналась.

Бог предается молчанием. Чтобы не предавать, нужно действовать. Чтобы не выглядеть глупо, действию нужна сила соответствующей величины. Заранее можно сказать: это должна быть светская сила. Более подробно об этом повествуется в части седьмой данной книги. Здесь же мы предлагаем определиться, из чего вообще можно построить силу, из

какого материала. Тут как со зданием: если конструкция плохая и гнилая, каким бы крутым ни был ремонт, но когда несущие детали развалятся, то здание рухнет, похоронив под собой все там находящееся.

Чтобы представить качество нужного нам материала, вообразим: перед нами океан серной кислоты. Наша задача: установить в нем платформу, на базе которой построить здание. Из такого представления рисуется понимание качества материала. В первую очередь это должен быть благородный материал, не подверженный коррозии.

Информационная среда современного мира сравнима с серной кислотой. Противостоять ей может человеческий материал, сохраняющий свою самость. В идеале он должен вообще не разлагаться. В реальности должен быть способен к максимальному сохранению себя.

Помимо этого материал должен обладать качеством, которое движет прогресс (сила без прогресса в материальном мире невозможна, о чем свидетельствует история жизни на земле). Для прогресса нужен не созерцательный интеллект, а деятельный, неутомимый, жаждущий понять то, в чем нет практической необходимости.

Прогресс — результат не столько стремления к лучшему, сколько следствие потребности творить ради творчества, то есть иррациональное желание. В творчестве есть жертвенность. Без нее нет полноценного стремления, ибо без жертвы нельзя проломить шаблоны.

Из этого вытекает третье качество — дерзость, пассионарность, способность выйти за рамки. Если этого нет, творчество будет пустым, а интеллект сведется к шлифовке уже сделанных открытий. Прорывных открытий он никогда не сделает.

Как бы ни был человек умен, благороден и устойчив к разрушительному давлению извне, но если не способен к творчеству, к порыву и полету мысли, он может, как угодно глубоко понимать опасность, но заставить себя действовать сообразно своему пониманию у него не хватит ни силы, ни воли. Умный и благородный во всех смыслах человек, лишенный бурления жизненной и творческой энергии, представляет собой умное пустое место.

Последние 50 лет в мире нет ни одного прорывного открытия. Почему? Потому что ушла дерзость. Без дерзости нет почвы для озарения. Только дерзкие способны на прорыв за границы привычного, без всякой выгоды, исключительно от полноты жизни.

Деньги озарения не дают, они выхолащивают, устанавливают границы. Зачем лететь на Марс, если наша цель — прибыль? С этой позиции само предложение вложиться в межпланетный полет, связанный с риском для жизни, глупо выглядит. Зачем? Денег заработать? Но это можно сделать гораздо быстрее и проще, вложившись в ценные бумаги. Космонавтам тоже

непонятно, зачем рисковать жизнью, если главная цель — прибыль. Куда ни повернись, коммерческая логика удушает жизнь. Пухнут фондовые рынки и прочий виртуал, но подлинная жизнь становится вялой и дряблой.

Если взять потенциал любой развитой страны за 100 % и соотнести его со стоимостью экспедиции на Марс, а потом соотнести потенциал Испании времен открытия Америки со стоимостью экспедиции Колумба в Америку, мы увидим: полет на Марс более дешевое и менее рискованное предприятие по сравнению с экспедицией Колумба. Но мы никуда не летим и ничего не осваиваем. Потому что, а зачем? По этой причине человечество даже Луну до сих пор не освоило.

Прибыль не является целью, двигающей горы. Холмы и пригорки — да, но горы двигает только дерзость духа. Открывателями новых земель двигала не столько жажда наживы, как нам теперь внушают в школах, сколько высота стремлений, готовность от избытка дерзости рискнуть жизнью. У людей была физическая потребность дышать воздухом опасности. Все остальное, в том числе нагруженные золотом каравеллы, были приложением и следствием этих качеств.

Главная проблема современности — уходит дерзость. У людей нет духа замахнуться на высокое. Когда-то они были орлами, парящими в облаках и желающими жизни не столько долгой и сытой, сколько несгибаемой и правильной. А потом утонули в сытости и стали мелко мечтать. Финальный кризис — кризис смысла жизни, как в Риме III - IV веков до Р.Х. Если нет смысла умирать, нет смысла жить.

ГЛАВА 4

Материал

Итак, базовые качества народа, из которого можно построить новую силу, способную освободить человечество из затягивающейся петли, — благородство, интеллект, жажда творить и дерзость. Если этих свойств нет, силы не получится.

Какой народ наиболее полно обладает всеми этими качествами? Чтобы освободиться от личных вкусов и предпочтений, представим себя инопланетянами. Для нас все народы совершенно одинаковы, ни к одному из них нет эмоциональной привязанности. Мы их рассматриваем исключительно с позиции, насколько они годятся для решения задачи.

Человеческий материал классифицируется тем же способом, что и металл. Ему присущи общие свойства, но у всех есть индивидуальные

характеристики. Одни металлы более прочные, другие более легкие, третьи более электропроводные и так далее.

Есть качества, свойственные всем народам. Есть качества, присущие отдельным народам. Одним свойственна воинственность, другим — склонность к торговле, третьим — пунктуальность, четвертые рождаются с чувством ритма, пятые по руке гадают хорошо. Каждому свое доминирующее качество, выделяющее его среди других народов.

Каждому делу более соответствует один народ и менее — другой. Например, механизмы, собранные цыганами, не будут пользоваться таким же успехом, как механизмы, собранные немцами. Араб в качестве воина эффективнее француза, что признавал Наполеон. Англосаксы больше финнов понимают в организации международной торговли. Евреи опережают другие нации в ростовщическом бизнесе. Русские обладают удивительными терпимостью и выносливостью.

Из всех свойств нужно выбрать одно — главное. И по наличию этого качества судить о пригодности/непригодности материала. Если главного качества нет, остальные бессмысленны.

Если основополагающим качеством является дерзость в широком смысле этого слова, каким мерилom мерить этот показатель? Способностью пойти на смертный бой? Кинуться на дзот? Задраить себя в горящем отсеке подлодки или пойти на костер? Или ставить на себе опыты, как делали первые врачи?

Выяснить, какая нация больше способна на такую жертвенность, какая меньше, дело неблагодарное. У всех имеется огромное количество примеров самопожертвования. Если даже удастся вычленить более предрасположенных, их будет слишком много. В итоге все сведется к системе кулика, хвалящего свое болото.

Мы видим мерилom интеллектуальную и творческую дерзость. Это резко сужает круг потенциальных кандидатов, не умаляя народы, не соответствующие этому признаку. Все они имеют воинскую дерзость, но не все имеют дерзость интеллектуальную. Нужны мыслители, способные пойти за свои убеждения на костер. Нужны апостолы, готовые лучше умереть за веру, умереть с верой, чем отказаться от нее и жить без веры.

В связи с отсутствием этого признака мы вынуждены вычеркнуть арабские и кавказские народы. Они — воины, способные на смертельный риск, но этот тип пассионарности не двигает прогресс (а он сейчас играет решающее значение).

Про восточные народы мы тоже можем вынести аналогичное суждение. В японцах есть дух, они воины, но все же не двигатели прогресса. Они гениально встроились в прогресс, и преимущественно шлифуют чужое, доводя его о совершенства.

Китай, Юго-Восточная Азия и вообще все, что ассоциируется с тем регионом, отпадает по тем же причинам. Все эти нации не проявили себя в искомом нами смысле. Они обладают дерзостью, устойчивостью к внешней агрессии, умом. Но они не двигают прогресс. Это больше созерцатели, им никогда в голову не придет лететь на Луну.

Латинская Америка, Индия, Африка, Австралия и все островные народы тоже отпадают. Никто не отрицает их весомого вклада в прогресс и науку, но это очень мало для нас. Нам нужны люди с более яркой интеллектуальной пассионарностью. Остаются англосаксы и европейцы. Англичане отпадают, они прошли пик, и теперь тихо стареют. Кто был в Англии, подтвердит висящую в воздухе инертность.

Может, американцы подходят? В них есть энергия, дерзость. С интеллектом (имеется в виду элита) тоже все в порядке. Одна проблема — они беззащитны против разрушающей информации. Начало их конца обозначилось в эпоху сексуальной революции. Общество рабочих, инженеров и капиталистов, удивлявшее мир своими достижениями, сегодня превратилось в общество клерков, обслуги и ростовщиков. Сегодня американцы больше потребители, нежели строители новой цивилизации и воины в интеллектуальном смысле.

Кого можно выделить из европейцев? Итальянцы, французы, испанцы развратились, что доказывает отсутствие духовного иммунитета. Они сыто стареют, вяло реагируют на очевидные проблемы. Европа слишком напоминает Испанию перед походом Тарика 711 года. Арабский военачальник не самого высокого чина грабительским походом вошел в Испанию. Не встретив сопротивления, нечаянно завоевал Испанию. Причина — дворянство не было готово к любому дискомфорту. Оно предпочло платить дань, нежели воевать с ним. Отвоевывание назад шло семь веков (Реконкиста).

Среди европейцев можно выделить немцев. Они воины с интеллектом. Одна проблема — у них тоже нет иммунитета против разрушительного действия информации. Она развращает их до уровня плебса Римской империи, и эта тенденция устойчивая.

Может быть, евреи подходят? Они хорошо выдерживают давление окружающей среды и не разлагаются под ее воздействием. Они жили 2000 лет без государства, часто во враждебном окружении, но при этом сохранили традиции, культуру и все, что отличает их от других народов. Про немцев или французов, стремительно утрачивающих свою уникальность в более комфортных условиях, такого не скажешь.

Евреи, безусловно, умны, но они перестали быть дерзкими. Цели Израиля не выходят за рамки земных ценностей. Они утратили качества защитников крепости Моссад. Как современные итальянцы утратили качества древних римлян, современные египтяне — качества древних египтян, современные греки тоже не те греки, так и современные евреи

утратили качества своих предков. Тот народ был готов по первому зову расстаться с жизнью ради верности своим убеждениям. Сегодня евреи играют в те же демократические и политические игры с той же целью, с какой играют западные люди — ради колбасы.

Кстати, выдерживать давление внешней среды могут не только евреи. Например, курды живут без своего государства не одну тысячу лет. Упоминания о них встречаются в документах древнего Египта, шумеров и ассирийцев. Менее интересный пример из той же области — цыгане. Они сохраняют себя на протяжении тысячелетий, не имея государства. Но это, скорее, теоретический вариант. Словосочетание «цыганское государство» даже на слух звучит странно. Реальность, наверное, превзошла бы самые смелые фантазии.

Остаются русские. В этом молодом народе высокая концентрация как воинской, так и интеллектуальной дерзости, что показала сталинская эпоха. Русские — творческие и умные. Конструкция из этого «материала» — Россия, до сих пор стоит под нарастающим давлением внешней среды.

ГЛАВА 5

Идентификация

Если русские — оптимальный человеческий материал, уточним, кто есть «русский». Как определить его и отличить от остальных? По цвету волос, особой форме носа или черепа невозможно определить русского. Славянин такими критериями еще как-то определяется, но русский не вмещается в это «прокрустово ложе».

Русский царь Владимир Мономах был наполовину еврей, на четверть швед, на четверть татарин. Русский царь Иван Грозный открыто говорил, что не считает себя славянином и выводит родословную от скандинавов, о чем есть исторический документ. Русская царица Екатерина II по крови была на 100 % немка. Последняя русская царица, жена Николая II, тоже была стопроцентная немка. Русский царь Александр III имел славянской крови немногим более 20 %.

Среди великих русских ученых и писателей огромное число людей, не имеющих к славянам или никакого отношения, или частичное. Например, Менделеев или Пушкин. Первый больше еврей, чем славянин. В Пушкине тоже мало славянского.

Среди русских полководцев много людей или совсем без славянской крови (Багратион, Барклай-де-Толли), или с очень низким процентом

(Суворов был славянином на 1/5). Первые русские святые Борис и Глеб были частично славянами, частично греками.

Если перебрать сонм русских святых, мы найдем там людей всех национальностей: немцев, евреев, татар, грузин, казахов, армян, шведов, французов и прочих. Проще перечислить национальности, которых нет в этом списке. Понятие «славянин» и «русский» не синонимы. Кто не согласен, тому предоставляется возможность объяснить, почему Суворов, будучи славянином, максимум на одну пятую часть, считается русским полководцем. И если кто скажет, что он нерусский, перед ним открывается увлекательная перспектива в поисках ответа, чей же Суворов полководец? Австрийский? Польский? Армянский? Татарский? Есть множество вариантов. Вам какой ближе? Нам ближе мнение, что Суворов — русский полководец.

В начале «Истории государства российского» Карамзина встречается фраза, где некий скандинавский князь произносит свое длинное неславянское имя, после чего говорит: «Мы, русские...».

Люди явно понимали: они не славяне. Тем не менее, относили себя к русским. На территории Руси возник феномен. Люди разных национальностей как бы душой вросли в эту атмосферу и считали себя русскими. Не славянами, а русскими. Как еврей Дмитрий Иванович Менделеев мог назвать себя славянином? Никак. А русским — запросто. И с полным основанием на это, потому что его Россия признала своим, русским.

Для России русский примерно как для Америки американец, как для христианства христианин. Биология в данном случае вторична. Первично самоощущение и признание той сущности, с которой человек себя идентифицирует. Человек может быть по биологии хоть трижды славянином, но при этом не быть русским. Сколько таких примеров...

По всему миру разбросано множество русских, ни разу в России не бывших, по-русски не говорящих, но при этом они больше русские, чем многие выросшие в России, но сердцем далекие от нее, ни о чем, кроме колбасы, думать не умеющие.

Все, кто имеет отношение к написанию этой книги, по крови славяне до своих бабушек-прабабушек (далее не знаем). Но при этом мы заявляем: попытки монополизировать понятие «русский» исключительно синонимом «славянин» смешны.

Под русскими мы понимаем всех, кто к таковым себя относит: армян, славян, татар, башкиров, чукчей, евреев, французов, немцев, казахов. Всех тех, кто чувствует в себе ту трудноуловимую в рациональной логике сущность, побуждающую считать себя русским. Кто считает себя русским, тот и русский. Косоворотку с кушаком при этом носить

необязательно. Достаточно быть русским человеком — жить по совести и по закону.

В каждом человеке есть русскость. Но это «железо» у всех на разной глубине. У одних на поверхности и выпирает. У других глубоко залегает, докопаться еще надо. У третьих гора сверху, и чтобы добыть «железо», сначала гору убрать нужно.

Все это хорошо, но как работать с таким определением? Нужно ведь понимать границы: где кончается один материал и начинается другой. Соблазнительно назначить всех, живущих на территории России, русскими. Но мы знаем: во-первых, не все славяне русские, во-вторых, многие русские живут за пределами России.

Оптимальный человеческий материал — русские. Русские немцы, русские евреи, русские славяне, русские татары, русские французы, американцы, итальянцы и прочее, прочее, прочее. Подчеркиваем: не выходцы из России, а все, кто ощущает себя русским по духу, по мировоззрению, по образу мыслей. Это наш искомый материал. Самая высокая концентрация его — в России.

Чтобы работать с этим материалом, нужно влияние в России. Если бы оптимальным материалом были немцы, нам было бы нужно влияние в Германии. Если бы пригодными для дела оказались американцы или французы, мы бы искали влияния в США или Франции. Но так как оптимальный вариант — Россия, нам нужно влияние в России.

ГЛАВА 6

Мода

Мы не заявляем русских самым хорошим человеческим материалом. Нельзя сказать, что лучше: трактор или автобус. Смотря для чего лучше. Так же нельзя сказать, какой народ лучше. Но нам кажется, у русских есть больший потенциал, нежели у иных народов.

Это утверждение касается именно сегодняшнего дня. Вчера, безусловно, приоритет был за европейцами. Они до сих пор представляют собой локомотив технической цивилизации. Но локомотив потихоньку тормозит, как перед своим закатом начал останавливаться Рим. Вопрос времени, когда эта сила совсем остановится.

Главный порок западной цивилизации — статус человека определяется его способностью дать как можно меньше и получить как можно больше. Кто хочет стать богатым, должен неукоснительно соблюдать этот принцип.

Если вы будете брать у общества ровно столько, сколько даете обществу, у вас нет шанса разбогатеть — простая арифметика.

У русских тоже проклевываются эти тенденции, но если говорить об элите, у нее большой потенциал. Люди способны больше давать, чем получать. Чтобы окончательно раскрыть этот потенциал, нужно создать соответствующие условия. Когда дающий человек будет пользоваться в обществе большим уважением, чем человек берущий, начинают происходить удивительные вещи. Можно в прямом смысле восстать из пепла.

Самая большая проблема — этот потенциал не раскрыт. Чтобы его разбудить, нам нужно культивировать моду на интеллект, на масштаб, в первую очередь на мировоззренческие темы. Хороший пример Англия. Небольшой остров без намека на газ, нефть и прочие природные ископаемые, стал мировой державой, над которой не заходило солнце, задававшей тон всему миру. Почему так произошло?

В среде английской элиты культивировалась мода на высокое. Если ты богатый, и это все, ты просто мешок с деньгами. Если ты породистый, и это все, ты суть породистая лошадь. В высший круг того времени нельзя было войти богатством или породой. Доказать свою эксклюзивность бриллиантами, бассейном с шампанским и черной икрой ведрами было невозможно, все выросли в богатстве. Через такое самоутверждение в Англии можно было войти в круг разбогатевших простолюдинов, но никак не в круг элиты. Это до сих пор подтверждается на примере наших соотечественников, живущих там. Они стали богаты и очень богаты, но в высший свет им путь заказан.

Входным билетом в высший свет был не уровень потребления, а высота духа. Если ты личность, а не просто удачливый торговец, делец, коррупционер или наследник папиных капиталов, реализуй свои таланты, если они у тебя есть. Если ты богат и со связями, но максимум, на который ты способен, — потребление, чем ты отличаешься от простолюдина?

Любого прохожего наугад бери с улицы, отмой его, если он грязный, одень, и он сможет вести жизнь богатого потребителя не хуже тебя. Да что там городской житель, любой дикарь освоит жизнь богатого потребителя, став еще круче. У него природное чувство ритма, он динамичнее, быстрее, выносливее. А вот то, о чем мы говорим, любой освоить не может, как не может освоить геометрию Лобачевского или теорию Эйнштейна.

Для девочек и мальчиков из простонародья, почитающих шампанское и бриллианты за эталон счастья, новый потребитель будет полубог. Для реальной элиты этот богач будет всего лишь богатая побритая обезьяна в костюме.

Простой человек хотя бы имеет оправдание своей примитивности, он

задавлен бытом и нуждой. Если у тебя нет таких проблем, но ты все равно не способен подняться выше потребления, общество считало тебя нулем. В серьезный круг тебя не пускали. От элиты общество требовало не объема потребления, а объема духа, интеллекта, воли.

Такая атмосфера заставляла англичан, претендовавших на звание элиты, предпринимать рискованные путешествия, пускаться в опасные мероприятия, делать научные открытия, выигрывать войны и прочее. Такие дела показывали человека, а не его вещи.

Все это двигало науку и экономику и в целом социум. Нефть и газ ни одну страну не сделали великой. Только дух. Но духу нужна цель, и если она сведена к гонке за потреблением, если этот пример задается с самого верха, у такого общества нет будущего.

Пока в России, как впрочем, в любой другой стране, утопающей в демократическом словоблудии, нет атмосферы, культивирующей высокое. Но это не значит, что ее нельзя сделать. Осознание, что это необходимо сделать в кратчайшие сроки, придаст нам сил.

Хороший человеческий материал — залог успеха всего мероприятия. С его помощью мы построим силу, которая создаст условия для проведения Вселенского Собора, который поможет вывести православие из состояния зависимости и стать ему спасателем человечества. Но чтобы это произошло, Собор должен ответить на многие вопросы.

ЧАСТЬ СЕДЬМАЯ СССР

«Пока есть государство, нет свободы. Когда будет свобода, не будет государства».

Владимир Ленин

ГЛАВА 1

Времянка

Любая форма государства, равно как и более мелких конструкций (партия, союз и т. д.), не способна защитить «голову» от проникновения в нее нежелательного, мягко говоря, элемента. Максимум через два поколения «голова» наполнится говном, а мозговые клетки растекутся по самым неожиданным участкам тела.

Это мировая тенденция, которая приведет к атомизации человечества в целом и общества в частности. Мир будет единой гниющей кашей, которая неминуемо попадет во власть превосходящей силы, о которой мы подробно расскажем в других книгах.

Возникает вопрос: если все так, то как объяснить наши разговоры в предыдущей части о том, что если наша цель — создать защитника на момент переходного периода, и так как на эту роль никакая модель государства и вообще любой светской структуры не подходит, нужно искать новую модель социальной конструкции. Мы увидели оптимальной моделью принцип построения церкви — в идеале сетевой и по принципу «корзинки». Но поскольку с нуля такую систему создать нельзя, ибо изначально будет сектантский запашок, что на уровне эмоций отвратит людей, нужно базироваться на уже существующей церкви.

Не собираясь выяснять, какая церковь более правильная, какая менее (или совсем неправильная), ибо выяснение это бесполезно, мы взяли за основу нашу православную церковь. Но тут одна серьезная заковыка. Подлинная система «церковь» должна быть независимой. Мы же наблюдаем полную зависимость, начиная с самого первого дня ее основания (имеется в виду русская православная церковь). По факту эту конструкция ближе к министерству, чем к церкви, о чем мы говорили в предыдущей части.

Чтобы стать независимой, нужно выйти на надгосударственный уровень. В рамках любого государства независимость невозможна по причине природы власти. Власть не может не контролировать все, что находится на ее территории (иначе это не власть). Но вместе с тем она не может контролировать то, что больше ее территории.

Например, никакая власть не может контролировать интернет. Здесь мы делаем поправку на то, что любая транснациональная корпорация, при всей своей независимости, имеет поддержку и защиту определенной страны. Если эта страна захочет подчинить себе ту или иную корпорацию, которой владеет ее гражданин, она сделает это (если даже ее активы находятся за пределами страны или распылены по всему миру, как интернет, например).

Чтобы защититься от атаки, нужно найти равносильного защитника. Если такого нет, шанса на защиту тоже нет. Теоретически США могут уничтожить интернет. На их территории все коды, программы, протоколы и прочие вещи, образующие фундамент интернета. Но принцип интернета убить нельзя. Если Соединенные Штаты (допустим такую фантастическую вещь) озадачатся убиением интернета, они просто уйдут с рынка. Эту нишу тут же заполнят другие силы. Так что если ваша система глобальная, уничтожить ее невозможно, даже если вы контролируете ключевые узлы. Точно так же нельзя уничтожить принцип круга. Можно убрать все круглое, но принцип круга останется.

Мы говорим о предельно широком явлении — религии. Если христианство поднимется выше государства, его нельзя уничтожить не только на уровне принципа, но даже на уровне носителей. Это и есть сила, на которую можно опереться. Но чтобы стать такой силой, христианство должно обрести независимость.

Чтобы получить независимость, нужно открыто, честно и ясно зафиксировать все, скопившиеся за более чем полторы тысячи лет, вопросы и проблемы. Все назвать своими именами и попытаться найти способ преодолеть ситуацию.

Единственный институт, способный решить эту проблему, — Вселенский Собор. Но так как его проведение требует огромных усилий, прежде нужно создать силу, способную взяться за решение подобной задачи.

Таким образом, решение глобальной задачи оказалось завязано на наличие материальной силы. До тех пор, пока ее нет, браться за решение задачи — это то же самое, что строить метро с одним экскаватором.

Мы многократно говорили: нельзя создать устойчивую государственную или политическую конструкцию. (Любая развалится. Но мы не говорили, что нельзя создать временную устойчивую конструкцию. И если нет другого выхода, нужно искать, как создать временную государственную модель. Для нас главное, чтобы она простояла, сохраняя «голову» в здоровом виде, ровно столько, сколько нужно для создания надгосударственной структуры. А когда «голова» станет опасно наполняться непотребным веществом, конструкцию можно ликвидировать

Исходя из этого, мы ставим цель создать максимально устойчивую, насколько это возможно в современной ситуации, государственную модель. Заранее понимая невозможность вечного двигателя, мы ставим задачу создать механизм/организм, который проработал бы как можно дольше.

ГЛАВА 2

Возвращение

Самой оптимальной моделью для власти является теократия. Все остальные плохие или очень плохие. Значит, снова акцентируем внимание на вопросе, как в современных условиях создать теократию.

Ранее мы вывели: традиционная теократия невозможна по техническим причинам. Новая теократия невозможна по причинам морального и нравственного характера. В первом варианте запрет относительный, ибо техническая проблема так или иначе всегда решается. Во втором варианте запрет абсолютный: аморальное нельзя сделать моральным. Единственный выход: поиск технического решения построения традиционной теократии.

Главная проблема при создании традиционной теократии невозможность дать людям веру должного уровня. На полувере уровня суеверия никакой теократии не создашь. Нельзя опавшими листьями топить атомный реактор. Ему уран нужен, атомная энергия.

Глубокая вера — аналог атомной энергии. Ее появлению мешают знания. Уровень знаний нашего современника таков, что не позволяет принимать на веру то, что принимал его предок. В священных текстах зашифрованы глубокие знания в формате, ориентированном на восприятие человека, жившего минимум два тысячелетия назад.

Если бы вам сейчас понадобилось объяснить такому человеку, что такое компьютер или фондовая биржа, вы могли это сделать только через использование аллегорий. Неизбежно появились бы драконы и змеи, под которыми вы разумели бы непостижимые для ума того человека явления.

Сегодня мы готовы воспринимать очень сложную информацию не аллегорически, а так как она есть (до определенного уровня, конечно, но этот уровень однозначно выше, чем у нашего предка). И вот с высоты нашей информации мы отнесли все аллегорические образы к категории мифов (сказок). В представлении людей XXI века — это фантазии человека, наевшегося галлюциногенных грибов. Отношение к ней соответствующее. Но если бы кто удосужился посмотреть на эту информацию под другим углом, скептицизма бы поубавилось. Для появления веры этого, конечно, недостаточно, но есть повод призадуматься.

Если вера в религиозную истину уровня первых христиан сегодня невозможна, можно ли вызвать аналогичную по накалу веру во что-то иное? Отвечая на свой вопрос, мы говорим: помимо веры в религиозную идею возможна вера в идею, имеющую нерелигиозное происхождение. Следовательно, конструкция, именуемая нами теократия, может быть не

только религиозной, но и иного характера. Вот в этом ином характере, как нам кажется, и есть выход.

ГЛАВА 3

Идеократия

У теократии (идеократия — ее разновидность) два ключевых узла: жрецы (носители идеи) и вера в истину, представленную жрецами. Источником идеи может быть или метафизика, или человек. Иных источников помыслить нельзя.

Если источник идеи — откровение, идея называется религиозной. Если источник идеи — знание человека, идея называется философской. Носитель той и другой идеи есть жрец. Например, носители коммунистической идеи (настоящие носители, а не начетники) в той же степени жрецы, что и носители любой религиозной идеи. Те и другие считают свое знание истинным и полным и строят свою жизнь согласно своему мировоззрению.

Если высшая власть принадлежит религиозным жрецам — это теократия. Если высшая власть принадлежит философским жрецам — это идеократия. По ключевым параметрам это родственные системы. Различия столь несущественны, что их можно игнорировать.

СССР, особенно ранний, был в чистом виде традиционной теократией. РКП(б) — самым настоящим синедрионом, собранием жрецов. Потом их сменили завхозы, но на первом этапе власть имели носители идеи — жрецы. У них была высшая цель — коммунизм. Все остальное, в том числе государство и народ, понимались средством достижения цели, дровами для пожара мировой революции.

Никто из жрецов не собирался спрашивать «дрова», хотя бы они были брошенными в печку или не хотят. Это был расходный материал, предназначенный для достижения цели. Партия/синедрион позиционировала себя независимой от мнения народа.

Жрецов никогда не интересует мнение народа. Они могут его учитывать, как учитывают характеристики материала, с которым собираются работать. Но не для угождения материалу, а чтобы с его помощью достичь цели.

Коммунистические жрецы плевать хотели на мнение народа, полагая, что у него по таким вопросам не может быть мнения. Точнее, мнение может быть, но неизбежно неавторитетное, и обращать на него внимание не имеет смысла. Эйнштейн не обращал внимания на мнение крестьянина, поскольку последний

если и мог высказаться о квантовой механике, то исключительно в эмоциях типа «бред».

Если бы даже все крестьяне высказались против идеи атомной энергии, для Эйнштейна это ровным счетом ничего не значило. Аналогично и для коммунистических жрецов (и для любых жрецов: если весь народ против их идеи, это ничего не меняло в намерениях). Жрецы рассматривали это препятствием, как полководец — реку. Для каждого случая своя технология преодоления препятствия. Полководец форсировал реку. Коммунисты преодолевали сопротивление непонимающего их истины народа террором, совмещенным с манипуляциями.

Советский Союз получился случайно. Его сотворили не коммунистические жрецы, а политическая и социальная стихии, выдавшие из теории и практики такой синтез. Но для нас важно другое. Коммунистический эксперимент показал: классическая теократия (идеократия) возможна. Высшая власть может не заигрывать с населением, не зависеть от него и не подстраиваться под его уровень мышления. Она может открыто декларировать большую цель и двигаться к ней.

Народу предоставляется возможность понять идею и источник, сумму знаний, из которого идея выведена. Единицы понимали. Но так как большинство неспособно понять мысли Гегеля и Маркса, понимание заменяли лозунгами. В этом нет ничего страшного, это нормально. Люди должны заниматься своими малыми делами, образуя экономику (налогооблагаемую базу) и формируя культуру. На кого лозунги не действовали, кто был выше среднего, перед тем было три пути: или молчать о своем понимании, или предложить его на служение КПСС, или быть попросту физически сломанным.

Открытое позиционирование коммунистами своей идеи и информации, из которой она следовала, давало партии свежую кровь. Единицы понимающих возникали во всех слоях общества, от студентов до министров. Все, кто заявлял себя понимающим, имел шанс стать носителем высшей власти. Социальные лифты реально работали.

Пока не будем обращать внимание на то, что идея коммунизма вошла в противоречие как сама с собой, так и с реальностью, что повлекло необратимые последствия. Это частный случай. Допустим, идея коммунизма непротиворечива. В этом случае мы бы получили систему, где высшая власть — жрецы не за кулисами, а на виду. Они открыто заявляют свою цель и открыто изымают для ее достижения производимый обществом ресурс.

Настоящая классическая теократия не имеет нужды в скрытой власти. Есть народ, который ничего не понимает, но верит (основание веры — догматы/лозунги). Под руководящей и направляющей волей жрецов все идет к озвученной жрецами цели. Советский народ точно так же не понимал, зачем СССР кормит полмира, как египетский народ не понимал, зачем он строит пирамиды. Но те и другие верили — надо.

ГЛАВА 4

Основание

Идеократия, по сравнению с классической теократией, имеет существенный недостаток. Теократы источником информации заявляют Бога. Соответственно, первая точка отсчета, на которой строится дальнейшая конструкция, объявляется недоступной человеческому уму. Ее не требуется понимать. Ее надо принять на веру.

Идеократы источником своей информации объявляют человека (самих себя или отцов-основателей). Точка отсчета идеократии объявляется недоступной для общей массы. Через определенную технологию обществу внушают мысль: вам этого не понять, не пытайтесь и не суйтесь. Но думающим людям такую позицию заявить невозможно. Для них единственным основанием приятия информации является понимание.

Философское и религиозное знание в равной степени недоступны для массы. Но верить одинаково в истину того и другого знания люди не могут. Одно дело верить в то, что объявлено от Бога. Совсем другое — верить в то, что сказано человеком.

Верить в непогрешимость человека нельзя. Если кто сам себя объявит непогрешимым, это будет настолько противоречить общим представлениям, что не найдет отклика даже у самых доверчивых. Человек не абсолют и потому способен ошибаться. Следовательно, вера в любые его концепции, пусть даже они верны, логически будет слабая.

Фундаментальная разница между теократией и идеократией: первая призывает верить в свои ключевые утверждения, вторая — понимать. Но поскольку большинство не способно понять информацию, выходящую за границы текущих интересов (ему попросту непонятно, как это связано с жизнью), идеократия вынуждена отходить от своей установки на понимание и навязывать населению веру в свою информацию.

Удерживать такую веру можно пару поколений (и то это много). Дальше навязанная вера рушится, что видно на примере СССР. Посредством манипуляций ему удавалось некоторое время внушать широкой массе веру в коммунизм. Десятки миллионов людей, понятия не имея о коммунизме, заявляли о горячей вере в него. И не на словах, а делами. Благодаря этому советский человек совершил научные, военные и трудовые подвиги.

Но вот вера иссякла. На смену пришло лицемерие, и коммунизм уступил место колбасе. Здание с просевшим фундаментом начало крениться и стремительно осыпаться. Потом, за мгновенный по историческим меркам срок, конструкция рухнула, на какое-то время став строительным мусором, который растащили по

кусочкам «удельные князья».

Что мы имеем? С одной стороны, единственный шанс сплотить большую массу людей вокруг идеи, источник которой человек — культивировать аналог религиозной веры. С другой стороны, в современных условиях нельзя получить даже советский уровень веры (не говоря уже о религиозном уровне). Получается, идеократия, основанная на вере, невозможна.

А можно ли без веры построить идеократию? Для этого нужно быть готовым к ответу на вопрос населения: что есть основание силы, имеющей в этой системе власть.

Современная власть отвечает на этот вопрос просто: вы сами нас выбрали. Понятно, что никто никого не выбирал, но для массы это заявление является основанием. Что будет основанием для власти в условиях идеократии?

Пока нет ответа на вопрос о легитимности власти, начинать строительство социально-политической конструкции нельзя. Если оставить вопрос без внимания, через некоторое время мы будем вынуждены судорожно искать основание своей власти. И в итоге придем к тому, от чего бежим: или к построению новой теократии (как в Америке), или к построению части новой теократии (демократии, как в России). Ни тот ни другой вариант нас не устраивает.

Проанализировав возможные варианты, мы видим единственно возможным основанием власти СИЛУ — старую добрую силу духа, воли, мысли, интеллекта, которая неизбежно выливается в более примитивные силы типа физической.

От этого основания неявным образом простраиваются другие. Силовое основание верой и правдой служило создателям самых крупных и сильных структур. Чингисхан заявлял, что имеет власть, потому что на данном отрезке времени он самый сильный и удачливый. Кто сомневается в этом, может убедиться в верности слов единственным способом — вступить с подвластной ему системой в смертельный бой.

Советская власть параллельно с культивированием веры в коммунизм тоже основанием власти заявляла силу. Любое посягательство на власть (в том числе и просто озвученное желание) было тягчайшим преступлением. Силовая составляющая основания власти компартии была огромной.

С нашей точки зрения, одной из ошибок коммунистов было то, что они сделали ставку не на силу как основание своей власти, а на демократическую демагогию. Если бы они продолжали держать основанием силу, они не вошли бы в область лицемерия с его потешными выборами. Но увы, для этого нужна сильная команда. Это качество сегодня напрямую зависит от качества идеи. Вокруг противоречивой идеи не может

собраться монолитная команда. Кривая идея соберет вокруг себя жуликов, что мы видим на примере современных политических партий. Они используют лозунги, оставшиеся от прошлых идей, для прикрытия своих истинных целей — добычи личного блага.

По сравнению с теориями о власти от народа или по праву рождения сила является более глубоким основанием. Принцип Рима: очевидный показатель благосклонности Бога — наличие силы. У кого больше благосклонности Бога, у того больше силы.

Очень понятный принцип. Победа являет волю божества. Победитель своей победой демонстрирует: Бог хочет моей победы и потому дает власть над вами. Сила победителя — знак свыше. Все просто, и никакие крючкотворцы не нарушат ясности этого аргумента. Этот принцип понятен всем, от интеллектуалов до крестьян. Проверено: если кто на словах не понимает эту истину, есть иные способы донесения информации.

ГЛАВА 5

Партия

Итак, получается следующая цепочка. Чтобы создать защитника, нужно собрать Собор, который ответит на все накопившиеся вопросы. Сила, получившаяся во время Собора, будет той надгосударственной системой, которая сможет облегчить переход. Все встанет на свои места — наверху окажется тот, у кого самое полное понимание мира. Священнослужители из тех, кем они являются сейчас, станут теми, кем должны быть — жрецами (не в языческом смысле, а в смысле высшей власти).

Чтобы собрать Собор, нужно получить власть в России. Это дает ресурс, достаточный для реализации поставленной задачи. Россия впервые оказывается передовой страной в ключевой области — наша страна становится духовным лидером христианских цивилизаций. За всю свою историю Россия ни разу не была лидером в области науки или военного превосходства, экономики или культуры. Все это всегда принадлежало Западу. Россия в самый пик своего расцвета не поднималась выше второго места (в военной области во времена СССР она занимала второе место после США). Теперь ей предоставляется шанс стать первой в самой ключевой области — в духовной. Это выводит Россию на позиции Третьего Рима.

Все произойдет естественно. «Наша задача — создать условия для зарождения новой модели, впитавшей в себя все лучшее, что изобрело

человечество. Сначала на Руси, а затем и в других странах. Постепенно, незаметно, в череде текущих как бы сами собой событий, вернет Россия себе былые мощь и силу» (Проект Россия. Первая книга).

Хаусхофер, основатель геополитики, говорил: кто имеет власть над Евразией, имеет власть над миром. Перефразируя слова ученого, можно сказать: кто является духовным лидером христианства, тот имеет власть над миром.

Получить власть можно посредством команды с соответствующими возможностями. Мы пока затрудняемся ответить, как непосредственно будет реализована операция по обретению власти. По мере накопления силы и обстановки на тот момент сценарий развития может быть любой, в том числе и самый невероятный (например, если у нас появляются единомышленники с огромным административным ресурсом, нам предоставится возможность идти по самому легкому пути — зарегистрировать партию и тупо победить на выборах).

Не исключено, ситуация сложится так, что власть выпадет из слабеющих рук сегодняшних правителей и упадет нам в руки. Все может быть. Не может быть только одного — чтобы мы сидели и ждали, когда Бог за нас все устроит. Мы верим, Бог помогает делающим и верящим, а не просто верящим, что Бог все сделает за них. Многие люди смотрят на Господа Бога как на слугу, который должен сделать за них всю грязную работу».

Франсуа Мориак

О характере будущей команды тоже пока не можем сказать определенно, кроме: «Времена массовых партий прошли. Будущее за новой формой действия». (Проект Россия. Первая книга). Оптимально перенести акцент в виртуальную область.

Выигрывает тот, кто находится на пике современных технологий, а не тот, кто плетется в хвосте. Если современные коммуникационные возможности позволяют ускорить обмен информацией, нужно пользоваться этим. Пока главные действия идут в реальном мире, мы должны отчасти действовать в реальной области, отчасти в виртуальной.

В современной форме очень много плюсов. Во-первых, она современная, не типа партии большевиков, а типа социальной сети. Во-вторых, не напрягает (сегодня человек живет совсем в другом мире, нежели сотню лет назад, и потому мотивации, которые работали тогда, не будут работать сейчас, что подтвердила наша практика). Поэтому не имеет смысла создавать жесткую структуру. Нужно нечто очень гибкое, динамичное и неуловимое, но умеющее на время принимать и жесткую форму. А потом опять исчезать, становиться неуловимой для реального мира. Неуловимой не в смысле, что нас будет кто-то ловить, а в том, что у нее природа должна быть такая. Это очень соответствует современной

действительности.

Мы не думаем, что имеет смысл перегружать этот текст деталями. Многие сегодня пока невозможно предвидеть, многого сами не понимаем до конца. Всю эту работу мы вместе сделаем. На данном этапе мы видим свою функцию не в том, чтобы составить подробный чертеж, а в том, чтобы продолжать наращивать культурологический импульс.

ГЛАВА 6

Добро и зло

Мы живем в мире, где глобальные понятия как бы отсутствуют. Каждый считает добром и злом то, что ему хочется считать. С таким расплывчатым определением фундаментальных понятий очень сложно (если вообще возможно) построить что-то прочное.

Глобальная цель реализуема при условии, если большинство находит ее хорошей. Но что есть хорошее? Ответ — в едином понимании добра и зла. Пока эти понятия основаны на инстинктах и личных бытовых предпочтениях, ответ невозможен. Общество будет раздирать личные вкусы и бытовые предпочтения, что мы и наблюдаем.

Единое понимание лежит выше быта, вкуса и традиций. Это не вывод из сиюминутной ситуации и не ориентир на бытовое благо. Это абсолют. Чтобы иметь абсолютное понимание хорошего и плохого, необходимо знать, что есть добро и что есть зло. Для этого нужно ответить на вопрос: откуда в мире взялось зло. С добром ясно, оно от Бога. Но откуда взялось зло?

Два варианта. Зло или вечно существовало, или однажды появилось. Первый вариант не проходит. Вечен только Бог. Следовательно, если зло не вечное, оно однажды появилось. Из чего? Из Бога не могло. Значит, из ничего, как и мир. Чтобы «ничего» стало чем-то, нужна причина. Единственная причина всего появившегося — Бог.

Получается, Бог сотворил зло. Но Бог — творец добра, Он не мог сотворить зло. Тем не менее, зло невозможно отрицать, оно есть. Откуда же оно взялось? Этот вопрос — кошмар всех религий. Как совместить единственность Творца с существованием зла? В рамках концепции единого Бога это кажется тупиком. Тему несложно заболтать, но какой смысл, если нам нужен ответ, а не общие слова?

И сейчас, и тысячи лет назад люди искали выход из этого тупика. Появилось множество учений, но пока ни одно не ответило на

поставленный вопрос. Например, гностицизм (от греч. *gnosis* — знание), выведенный из христианского определения «мир лежит во зле» (1 Ин. 5, 19), учит: если мир во зле, а зло никоим образом не могло быть сотворено Богом, следовательно, или Творец не единственный, или Он не благой. Оба варианта входят в противоречие с базовыми постулатами христианства.

Попытка объяснить в мире наличие зла, не скатываясь в многобожие, родила теодицею (оправдание Бога). Получалось, зло как бы не зло, а лишь промежуточный инструмент в деле достижения конечного добра. Бог как бы попускает зло с целью принесения добра. Он делает временное зло, типа укола врача, чтобы через это принести постоянное добро. Например, указания Бога-Троицы (Отца, Сына и Святого Духа) убивать за отдельные проступки, изложенные в Ветхом Завете, являются показателем отеческой любви (родитель наказывает детей ради их блага). Мы не против, может быть именно так и есть. Но чтобы избежать путаницы, надо бы использовать не слово «любовь», а другое.

Традиционно любовь понимается не как жестокость (а ветхозаветные указания Бога-Троицы жестоки), а как всепрощение, доброта и милость. Аналогично и добро нельзя понимать через принесение зла, даже если допустить, что в конечном итоге это кончится добром. Вольное использование терминов лишь запутывает и без того сложную тему.

Еще одна версия происхождения зла: Бог дал несовершенным существам свободу. Так как они были несовершенны, стремление к благу однажды должно было привести к ошибке. Люди сотворили зло. Чтобы исправить ситуацию (уничтожить зло), нужно весь мир уничтожить. Выбирая из двух вариантов (уничтожить зло вместе с миром или сохранить мир и терпеть в нем зло), второй представляется Богу большим благом. Он терпит временное зло, видя в том большее добро относительно уничтожения мира.

Концепция попустительства не только не объясняет происхождения зла, но и прямо противоречит основе традиционных религий. Христианство словами апостола Павла отвергает путь к добру посредством зла. «*И не делать ли нам зло, чтобы вышло добро, как некоторые злословят нас и говорят, будто мы так учим?*» (Рим. 3, 8).

Любая идея существования зла по воле Бога противоречива. Зло не может быть творением Бога. Это самостоятельная субстанция, не имеющая к Богу отношения. Но откуда взялось зло, если не было ничего, кроме Бога, единого и неделимого?

Вразумительного ответа нет. Концепция гностиков или христианская теодицея усложняют картину мира, ничего не объясняя. Фундаментальные вопросы эти концепции или обходят стороной или заговаривают общими словами, больше затуманивающими суть вопроса, нежели проясняющими.

Здесь может возникнуть желание «не мудрствовать», а просто верить в то, во что принято верить (или во что нравится верить, опираясь на чувства). Например, человек говорит: «Зачем мне слушать ваши рассуждения? Я пришел в храм и чувствую благодать, и никаких объяснений мне больше не нужно». Кажется, в этом и есть правда: пришел, почувствовал благодать, и считаешь это главным аргументом.

Все это имело бы право на статус истины, если бы не знать, что человека проще соблазнить, чем заставить. Как известно, к сердцу имеют доступ не только ангелы света, но и ангелы тьмы. Язычник на капище испытывает сильные положительные духовные переживания, на основе чего делает вывод — тут истина. Все остальное ложь. Прихожанин христианского храма, подходя к торговцу в церковной лавке, может чувствовать благодать от этого места, хотя здесь идет обычная торговля.

Ощущения — не показатель. При таком подходе доминирующим элементом становится обряд. Образно говоря, появляются солдаты, для которых ношение погон и выполнение воинских ритуалов становится важнее самой сути война — защищать. Религия из служения Богу превращается в инструмент достижения сиюминутных политических, экономических и бытовых выгод.

Без понимания природы зла нельзя определиться, в какую сторону идти. Пока у нас не получается найти ответ. И ни у кого не получается. Богословы всех конфессий мучают народ общими словами. Люди как бы пытаются преодолеть сложный момент, чтобы с упоением погрузиться в осмысление деталей. Но какой смысл переходить на следствие, не разобравшись с причиной? Ошибка на первой развилке делает бессмысленным дальнейшее движение, как бы умно оно ни было.

Попробуем зайти с другого конца, расставив другие акценты. Сделаем упор на тварность бытия. Было одно (божественное), стало два бытия (божественное и тварное). Творец и творение не могут быть равны. Возникло неравенство, деление на первое и второе, на Причину и следствие, то есть иерархия. Первое бытие (творящее) выше второго бытия (сотворенного).

До появления второго бытия иерархии не было. Бог был равен Сам Себе в каждой своей части. При двух бытиях всегда будет высшее и низшее, ведущее и ведомое, образец и копия. Сначала первое, потом второе. Чтобы появилась копия, прежде нужен оригинал.

Впервые различие оригинала и копии дает Платон. Мысль Платона развивает Гегель, согласно которому мир является частично точной копией

(тождеством) высшего бытия, частично искаженной копией высшего бытия (противоречием). Мир образуют копии разной степени подобия оригиналу. Кто ближе к оригиналу, тот выше в иерархии. Кто дальше, тот ниже.

Оригинал есть сущность, подобная себе. Копия есть сущность, подобная оригиналу. Бог есть оригинал, пожелавший сотворить мир. Далее Он формирует понимание, как реализовать желание сотворить. Этот процесс мы можем наблюдать в любом акте творения. Сначала желание, потом образ будущего творения (чертеж). Затем понимание, как реализовать план. И только потом начинается практика.

Замысел Бога — оригинал. Копия оригинала — сотворенный мир. Копия подобна оригиналу, но не является им. Это две разные сущности. Копия имеет в себе то, что подобно оригиналу, и то, что не подобно. Подобия назовем суммой плюсов. Не-подобия, ошибки и отклонения, назовем суммой минусов.

Бог не мог желать создавать минусы, ибо это зло. Создание зла противоречит концепции стремления Бога к благу. Но при снятии копии с оригинала минусы не могут не появиться, ведь (и это очень глубокий момент) всякая копия неизбежно чем-то отличается от оригинала. Неотличимая от оригинала копия это просто второй оригинал. То есть в условиях единственного бытия (не забываем, пространства и времени еще нет) создание второго оригинала, ничем не отличимого от первого, не создавало второй сущности (второго бытия). При такой концепции творения Бог как был единым, подобным себе и не отличимым от себя, так и оставался бы.

Например, невозможно создать второго вас, читатель, не отличимого от вас по всем параметрам, включая не только ваше тело и характер, но и ваше географическое и временное положение. Чтобы получился второй вы, нужно сделать хоть какое-то отличие. Например, чтобы второй вы появился хотя бы в пространстве, находящемся в метре от того места, где находится первый вы. Или разнести по времени, чтобы второй вы появился в прошлом или будущем. Если все параметры абсолютно совпадают, создание второго вас невозможно в принципе. На этом образе можно утверждать: Бог мог создать второе бытие только при условии отличности этого бытия от Него.

Искажения, отличающие оригинал от копии, из чего-то должны состоять. «Материал», составляющий искажение, не имеет отношения к Богу. Откуда же он взялся? Из ничего? Но как неоднократно говорилось, творить из ничего может только Бог. Но если нет ничего, кроме Бога, сотворить зло из ничего просто некому. Получается, зло появилось самостоятельно. Оно само себя произвело из ничего. Но все сущее имеет

причину появления (или оно Бог). Третьего варианта нет. Зло не Бог и причиной его появления Бог не может быть. Исходя из этих утверждений, зла не может быть. Но оно есть.

Возможно, зло — побочный продукт. Ведь любая реально сделанная по чертежу деталь содержит в себе малые или большие отличия от чертежа. Они являются побочным продуктом. Зло тоже побочный продукт творения.

Кто сотворил различия между чертежом и деталью? Рабочий? Нет, в том смысле, что сознательно не думал, как бы ему различий натворить (исходим из того, что он не вредитель). Значит, они сами себя из ничего сварганили? Очень странно...

До сотворения мира зла не было. Утверждать обратное, значит предполагать: в Боге было зло. Но сущность, содержащая в себе зло, — не абсолютный идеал, то есть не Бог. Мы же говорим о Боге, и потому допустить в Нем наличие зла не можем. Не потому что не хотим по моральным причинам, а потому что это не Бог будет, тогда, как мы исходим из того, что Творец мира является Богом — абсолютной высшей субстанцией.

Революционный момент: зло имеет качество, которое есть только у Бога. У копии ничего подобного нет. Копия имеет эталон (без эталона нет копии). У зла нет эталона, оно само себе эталон и подобие. У Бога тоже нет эталона, Он подобен Себе. Зло есть нечто новое, подобное самому себе.

Несмотря на качества, которых нет ни у кого, кроме Бога, зло не обладает многими божественными качествами. Например, оно не может творить, его возможности ограничены искажением чужого творения. Человек в этом смысле выше зла уже потому, что способен творить, создавать то, чего раньше не было.

Бог сотворил материальный мир, но не творил зло. Следовательно, сущность зла нематериальна. Материя сама по себе не является ни добром, ни злом. Ее делают тем или другим сущности, во власти которых она оказывается. Зло нематериально, но живет в мире материи. Вокруг него перестают работать все духовные законы, как физические законы перестают работать возле «черной дыры» в космосе. В результате чудовищного сжатия огромного количества материи возникает новое пространство, живущее по законам, отличным от известных. Оно затягивает в себя все, что оказывается в зоне его притяжения. Даже проходящий рядом луч света будет искривлять свой путь. В теории такое уплотнение может расти, пока не всосет в себя всю материю всей вселенной.

Непонятно, какие процессы создали «черную дыру». И неясно, откуда

появилось зло, растущее за счет втягивания в себя искажений мира. Но ясно, что деятельность человека, будучи несовершенной, создает новые искажения. Это стройматериал, из которого возникнет темный и холодный мир. Накопив критическую массу холода и тьмы, количество перейдет в качество. Ад — квинтэссенция зла.

Чтобы представить образ зла, мысленно поднесем руку к чему-то, от чего «веет холодом» (сырой подвал, могила и прочее). Мы почувствуем холод, хотя знаем: излучения холода нет. Как тьму не образует поток темных лучей, так холод не излучает холод. Он есть отсутствие тепла, как тьма есть отсутствие света. С одной стороны, это не самостоятельные явления. С другой стороны, возникающий у нас образ вполне реален.

До сотворения мира не было тьмы и холода. Был Бог, и было «ничего». Энергией света (в реальности мы не знаем, что такое свет, возможно, это мысль и желание Бога) Он как бы раздвинул «ничего» (подобно тому, как воздух раздувает шарик). Возникло пространство, которое Бог наполнил материей и энергией. Желание Бога материализовалось в копию. И дальше началось умножение искажений, движение и развитие в обратную от Бога сторону.

Далее Бог сотворил человека. С одной стороны, своими неразумными делами человек начал умножать в мире зло. С другой стороны, реализуя свой творческий потенциал, он потянулся к Богу. Ничто в мире больше к Богу не тянется, не ищет Его.

Предвидел ли Бог появление зла? Мы считаем: да, предвидел. Бог не мог не видеть побочного эффекта своей деятельности, но счел его допустимым. Богу нужен не мир как таковой, а плод, который в нем вырастет. Мир в любом случае временное бытие. Это колыбель, предназначенная для создания соратника Бога — человека.

ГЛАВА 7

Симулякр

В середине XX века французский интеллектуал, один из основателей постмодернизма, Ж. Батай сталкивается с проблемой описания фундаментальных моментов, определяющих суть бытия. Батай замечает: суть как бы выскальзывает из слов, посредством которых ее хотят ухватить. То, что словами все же удастся ухватить, похоже на кусок шерсти от животного, которого пытались поймать, но не на само животное.

То, что фиксируют слова, получает неприемлемо искаженный смысл.

Уточнения тоже ничего не дают, кроме многословия, что затуманивает тему. Максимум удастся описать внешние признаки явления, обозначить его наличие. Про любовь, время, честь можно сказать много слов, но не удастся передать всю их полноту. И это притом, что любой, самый неграмотный, человек точно знает, что это такое. Для улавливания сути Батай вводит понятие «симулякр». Под этим термином он понимает нечто суверенное, подобное самому себе, не раскрываемое словом.

Этим же вопросом задается мыслитель Бодрийяр. Он спрашивает себя: что формирует физиономию современного мира? Где корни видимых процессов? Что есть иницирующая сила? В поисках ответа он приходит к выводу о присутствии в мире чего-то такого, чего Бог не создавал, но что играет в формировании мира огромную роль. Он обозначает это «чего-то» термином, введенным в оборот Батаем — симулякром, но наполняет этот термин новым смыслом.

Симулякр Бодрийяра — не антикопия Гегеля. Немецкий мыслитель не видел в антикопии самостоятельной сущности. Для него это было крайнее искажение, плохая, ужасная, но все же копия оригинала. Это был оригинал, измененный до неузнаваемости, вплоть до противоположности, но все же бытие нашего мира. В симулякре Бодрийяра проглядывается природа инобытия, ничему не подобная самостоятельная сущность, копия без оригинала.

Бодрийяр увидел в этой абстракции то, с помощью чего можно понять современное общество потребления. В этом обществе важнее казаться, чем быть. Тени важнее самих предметов, следствие важнее причин. Образно говоря, общество — спектакль, где люди — лицедеи, играющие на сцене жизни чужую роль и не умеющие быть собой.

Дальше француз не пошел. И никто не пошел. Многие признали: мир формируют симулякры. Но что из этого следует и к чему приведет? Никто не осмыслил роль симулякров в формировании будущего. Нам, похоже, удалось приоткрыть дверь в неизвестное.

Сегодня главный производитель симулякров — СМИ. Система вынуждает их производить эти сущности. Как в свое время буржуа были вынуждены конкурировать, чтобы выжить, так сегодня СМИ вынуждены делать симулякры, чтобы выжить.

СМИ не ищут соответствия действительности, они убегают от нее, уводя за собой общество. Мы живем в мире, где подлинное отсутствует: в мире без абсолютной истины разговор о подлинном не просто не имеет смысла, он кажется глупостью и абстракцией.

СМИ, выстроившись друг другу в затылок по старшинству, ежедневно и

еженощно рожают армию бесплотных метафизических сущностей — бесов (термин «бес» от «без» — без Бога, без добра, без любви, без совести). Они творят явление, не сознавая ни его масштаба, ни направления. Люди просто зарабатывают хлеб насущный. Совокупность их действий умножает симулякры, из которых на наших глазах возникает новый мир.

Раньше образ отражал или искажал реальность. Сегодня порождаемые средствами массовой информации образы ничего не отражают и не искажают. Они живут сами по себе, творя невероятную новую реальность, контуры которой даже не охватить.

Ярче всего характер этих бестелесных сущностей передает образ бесов: мелкие или крупные, но всегда шумливые, наглые, похотливые, кровожадные, лукавые. Они оживут в новом мире и станут такой же реальностью, какой сейчас являются окружающие нас предметы. Монстры на экране будут такими же живыми, как ваша домашняя кошка. Это не аллегория, а реальность. Многие столкнутся с нею при жизни.

Сущность симулякров в неприятии всякой иерархии, они не терпят даже намека на нее. Все ими порождаемое всегда расплывчато и «плавает». Нет намека на центр, истину и сакральность. Центр предполагает периферию, истине противостоит ложь, сакральности — обыденность, то есть везде иерархия. Симулякры подобны стае голодных крыс. Они набрасываются на любой образ, несущий идею иерархии, и пожирают его. Суть образа исчезает, и на его месте возникает нечто новое.

Поток копий без оригиналов в прямом смысле топит мир. Облепляя наши сознание, глаза и уши, они делают человека поверхностным, не способным сконцентрировать свое внимание. Бесцельные, слепые и глухие, понятия, не имеющие о главном, люди утрачивают способность вместить объемы, превосходящие бытовые нужды. Они просто живут, просто жуют, просто совокупляются, смеются, ругаются и вечно что-то делают.

Место великих истин заняли истины бытовые. Люди превратились в бессмысленные туловища, не только не имеющие цели и смысла, но и не имеющие понятия о возможности иметь цель и смысл. Богоподобность сменяется скотоподобностью.

На первом этапе бытовая истина свелась к обрастанию вещами (это считалось счастьем). На втором этапе вещи стали выдавливать симулякрами. Сегодня людям не столько важен функционал вещи, сколько рождаемый ею образ, говорящий о статусе хозяина. Если автомобиль средней марки будет чудесным образом немножко превосходить автомобиль высшей марки по всем показателям, никто из статусных людей не переседет на него. Важен не функционал, важен бренд — симулякр чистой воды.

Поражение сути вещи указывает на вторичность функционала. Люди

сотворили себе кумиров, которым стали служить как Богу. Лукавство в том, что принося в жертву симулякрам себя, они свято верили, что служат себе.

Сначала тень становится важнее объекта, который ее отбрасывает. Следующим шагом она станет самостоятельной сущностью. Обозначается тенденция, детали которой из-за масштаба и скорости трудно разглядеть (может, нужно больше времени для осмысления), но тренд виден отчетливо — материя трансформируется в нематериальную сущность.

В мире симулякров свидетельством реальности является цена. Что не имеет цены, того как бы и нет. Высшая реальность, Бог, не имеет цены, и потому в мире симулякров нет даже Его тени. Чем меньше в копии отражен оригинал (Бог), тем больше она годится для торговли. Чем больше в ней Бога, тем меньше она годится для торговли.

Силу симулякров показывает Рождество. Христос перестал быть центральным событием на своем «дне Рождения». Теперь это карнавал и культовый шопинг. На Западе Рождество давно не христианское, ибо в нем нет места главному Виновнику торжества.

Возникающий новый мир — промежуточный этап, оттолкнувшись от которого будет возникать новое бытие. Он построен по законам представления, а не по законам бытия. Мы представляем одно посредством другого (репрезентация). Не важно, что есть на самом деле. Важно, что, кажется. Если минус кажется плюсом, для наблюдателя он плюс.

В этом смысле мы живем в мире теней двух видов. Есть тени бытия (копии оригинала) и тени небытия (копии без оригинала). Оба варианта заметны по наличию черт, которых нет у оригинала (бытия и небытия). В чистом виде мы не могли бы узреть ни бытие, ни небытие. Подлинное бытие будет невоспринимаемо из-за абсолютной яркости. Подлинное небытие нельзя увидеть из-за его абсолютной темноты.

Люди в этом «театре теней» подобны героям платоновской пещеры. Они сидят спиной к солнцу и наблюдают на противоположной стене пещеры тени реального мира, принимая их за действительность. Если повернутся к реальности, ослепнут от яркого солнца и ничего не увидят. Подлинная реальность — слишком яркий свет, не доступный для человеческих глаз и не схватываемый чувствами.

Если уйдут вглубь пещеры, погрузятся в абсолютную темноту и тоже ничего не увидят. Подлинное небытие слишком темно для нашего взгляда. Оно не может быть зафиксировано нашими чувствами.

Ничто абсолютное недоступно человеку. Наш мир серый, между черным и белым. Видимость на границе бытия и небытия. Мы имеем дело с тенями, отбрасываемыми тем и другим. Реальность мы даже помыслить не можем.

Тени от абсолютного бытия образуют подлинную реальность. Тени,

отброшенные абсолютным небытием, образуют мнимое бытие, мир симулякров. Как можно опереться на тень? Она подобна иллюзии моста над пропастью. Чтобы идти по такому мосту, надо ему соответствовать — освободиться от делающей нас тяжелыми материи, не став при этом симулякрами (не забыть о своем подобии). Человек не есть самостоятельная, ничему не подобная, кроме себя, сущность. Человек есть плохая копия Бога. Благодаря осознанию этого факта человек может устремиться к абсолютному.

Устремление возможно интеллектуальным или духовным путем. Кто входит через дух, того в религии именуют святым. Кстати, не всякий официально признанный святой на самом деле является святым. Много назначили властью по разнарядке, исходя из текущего момента. Избежим примеров, чтобы не оскорблять чувства верующих.

Человек в попытке схватиться за тень идеального бытия как за материальную истину, подобен утопающему, пытающемуся схватиться за воздух. Первая попытка ухватиться за тень подлинного бытия (религию), опереться на нее и успокоиться, всегда проваливается. Это подтвердит любой человек, искавший утешения в религии и подспудно рассчитывавший на скорую помощь Бога. Как правило, он ничего не получал, потому что приходил не к Богу, а для решения своих проблем.

Тень реальности не является реальностью. Она просто указывает в сторону реальности, но никогда не представляет собой твердой почвы, по которой можно идти. Это утверждение хорошо заметно на эволюции христианства. Природу власти, равно как и природу религиозных истин, время не меняет. Все религии на старте подчеркивают свой не-мирской характер, равно как и все власти говорят о своем мирском естестве.

Истина, отражающая высшее бытие, независимая. Власть не терпит независимости, иначе это не власть. Чтобы сохранить себя, она проводит политику подчинения. В чем выражена эта политика, вопрос второго уровня. Кто не подчинится, от того власть будет искать способ избавиться. Например, христиан, отказывавшихся признать светскую власть высшим авторитетом, казнили. Советская власть сажала непослушных в тюрьму или высылала из страны. Запад раньше казнил, потом подкупал, теперь отводит их энергию в ложном направлении.

Не важно, каким образом власть борется с непослушными. Важен сам факт: она борется, чтобы сохранить себя. Есть две причины, по которым могут прекратиться гонения независимых. Первая: независимые перестали быть таковыми и признали свою зависимость. Вторая: власть изменила свою природу и перестала быть властью.

Почему сегодня светская власть не гонит христиан? Два варианта: или власть изменила свою природу, или христианство изменило свою природу. Объяснение, мол, гонений больше нет, потому что власть стала

христианской, не более чем общие слова.

Суть христианства — не от мира сего. Суть власти — повелевать миром. Христианская власть — оксюморон, сочетание несочетаемого. Любая власть должна оперировать материальными ресурсами. Иначе, если оставит заботу о земном, перестанет быть властью. Говорить, что христианская власть небесные приоритеты ставит выше земных, значит или не понимать предмета разговора, или обманывать себя. Власть не может сменить приоритеты, как масло не может утратить свою маслянистость. Утрата базового свойства означает исчезновение. Аналогично и с властью: стоит ей утратить стремление управлять миром, как она исчезнет.

Глядя на реальность, мы находим подтверждения этому. Власть как тысячи лет назад позиционировала свой мирской характер, так и сейчас это делает, и будет стоять на том. Если нарушит это правило, она исчезнет. Если власть не изменилась, вывод один: изменилась религия. Власть превратила ее в министерство, сделала единокровной и зависимой. Религия стала инструментом достижения текущих целей власти, что неизбежно превращает ее в религиозный симулякр. Этот симулякр производит новые копии без оригиналов, умножая бестелесную армию.

На примере древнего Израиля видно возникновение религиозного симулякра. К приходу Христа Закон был не подобен ничему, кроме себя, и не нуждался ни в чем, кроме себя. Он был выше любой информации, из какого бы источника она ни исходила. Пока Закон воспринимался тенью Бога, вокруг него формировались личности, пытавшиеся стать партнерами Бога, приблизиться к Богу. Когда Закон стал симулякром, вокруг него выстроилась структура чинуш, обожествивших Закон. Симулякру нужны служители. Личности ему не нужны, он их гонит.

Вокруг Закона формируется субкультура чиновников в рясах, торгующих в храме не только религиозной утварью, но и таинствами. Торговцы и политики в рясах жрецов, объявив себя слугами Бога, следующим шагом установили автономию на истину. Суждение, угрожающее их статусу, как бы ни было правильно, объявлялось ересью.

Если тень принимать не за копию абсолютной реальности, не за ее образ, а за саму реальность, она превратится в сущность, именуемую в религии кумиром. Например, если в религии обряд начинают понимать не приложением к главному, а самостоятельной, ни от чего не зависимой сущностью, возникает религиозный симулякр — кумир.

Мыслители, реализующие высшее качество человека — способность выйти за установленные границы, посредством философских и религиозных текстов пытаются прорвать кольцо симулякров, покрывающих человечество все более толстым слоем. Но так как сознание многих талантливых людей зажато в тисках симулякров, замаскированных

под религиозные или научные истины, прорвать блокаду не получается.

Пасущуюся на лугу корову всегда облепляет туча разных кровососов. Общество всегда облеплено светскими и религиозными симулякрами, представленными армией чиновников и коммерсантов. Для удержания на «корове» они готовы говорить любые слова и рядиться в любую одежду. Они плодят новые симулякры, которые рождают next-новые, и так без конца. Это в прямом смысле разрастающаяся адская машина.

Окружающий мир полон бестелесных существей. Люди верят в то, чего нет. Живут и дышат этим, мечтают об этом, молятся этому. Современные люди — это верующие в тени, отброшенные от «ничего», как в реальность. Проблема — они не признают этого.

Две сущности — зависимая религия и СМИ — топят человечество. Религиозные симулякры призывают ни о чем думать, ибо все уже продумано вперед до скончания века. СМИшные симулякры, например гламур, призывают примерно к тому же, но в другом формате. Суть обоих призывов одна: все идеально, все понятно, все устойчиво. Действуй в заданных рамках, подчинись кумиру, обожай его бездумно. Не ищи обоснования своему обожанию, ибо это грех.

Сравнение неожиданное и многих покоробит. Но не будем уподобляться древним евреям, не желавшим думать и распявшим Христа. Поднимемся над эмоциями и посмотрим на ситуацию. Гламурные и религиозные симулякры всегда идеальны. Они не могут быть иными, потому что равняются только на самих себя. Любая сверка себя с собой всегда будет означать 100-процентное соответствие. Понятие «симулякр» наводит на мысль о мотиве, почему Бог запретил изображать свой образ в любом виде. Византия по политическим причинам обошла этот мотив, и во что это выльется, пока неясно.

Призыв к истине в мире симулякров всегда клоунада, «истина» всегда перед вами. Всякий симулякр и есть истина. На Первом Вселенском Соборе 325 года от Р.Х. Отцы Церкви предлагали навечно закрепить право на поиск истины за христианами. Но власти это было не нужно, поиск есть неустойчивость. Власти же нужен порядок.

Запрет искать истину — первый симулякр христианства. Он ничему не подобен (Бог не запрещает искать истину, напротив, Он призывает жаждать правды, то есть вечно искать истину, не останавливаясь на достигнутом). Вокруг первого симулякра начали копиться другие. Однажды они достигли предела, и количество перешло в качество.

Цивилизация гуманизма возникла не на пустом месте, у нее глубокие исторические корни: высшая истина — отсутствие истины (чистый симулякр). Любое религиозное правило, не данное Богом, а составленное людьми,

ничему не подобно, кроме себя, и потому идеально. Как идеален всякий симулякр — копия без оригинала.

Развитие продолжается. Сегодня невооруженным глазом видно, как новые сущности в сфере искусства, политики, религии принимают форму текста, поступка, имиджа и формируют новый мир. Это закономерно приведет к тому, что традиционно называют адом. Копии без оригиналов ведут в небытие, в мир покойников и гробов, *«которые снаружи кажутся красивыми, а внутри полны костей мертвых и всякой нечистоты»* (Мф. 23, 27). Такому миру не нужны личности со свободой и волей. Ему нужны обожатели и подчиненные.

Привычный человеческий мир стимулом развития имеет стремление к лучшему. Его развитие ничем не ограничено, и потому оно разновекторно, в нем есть добро и зло. Например, прогресс строго ограничен прибылью. Производитель не может делать то, что не несет прибыли, как бы оно хорошо ни было для общества. И наоборот, не может не делать того, что несет прибыль, как бы плохо оно ни было (в противном случае его выдавят конкуренты).

Эта тенденция идет широким фронтом, и потому сиюминутным взглядом не улавливается. Но от умопостигаемого взора эти тенденции не скроешь: идет построение нового бытия, которое будет рукотворным адом.

Результат глобального развития мира настолько парадоксален, что озвучить его и не выглядеть городским сумасшедшим, практически нереально. Поэтому имеющий уши да услышит. Кто не услышит, тот (если не помрет к тому времени), увидит результат в детях и внуках. Они родятся в новом мире и не будут ему удивляться: зачем удивляться родной среде?

Как современный человек не удивляется электричеству, так будущий человек не удивится новому миру. По указанным выше соображениям мы обозначим только направление развития мира и наше отношение к его конечному результату.

Мир движется в сторону виртуального бытия. Кто находится на острие движения, не сомневаются: мир зайдет в виртуал. Вопрос времени, когда он там окажется. Возникнет ситуация, аллегорически описанная во многих священных текстах: конец одного мира (нашего) и начало другого мира (страшного).

Мы отрицательно относимся к результату глобального развития и потому ставим целью избежать его (не прогресса избежать, а его конечного результата избежать). Прогресс можно остановить только через уничтожение рода людского, что не выход. Следовательно, нужно искать другие варианты, в рамках прогресса. И для этого нужно не следовать принятым на сегодня шаблонам, а искать принцип, соответствующий природе общества и человека, ориентируясь на природу Бога.

ГЛАВА 8

Иерархия

Если человек создан по образу и подобию Бога, чем больше в нем подобия Богу, тем больше в нем образ Бога. Чем меньше подобия, тем меньше Божьего образа. Подобие копии оригиналу — в похожести по основным характеристикам.

Господу Богу свойственна максимальная власть. Если человек сотворен по образу и подобию, он — господин с маленькой буквы. Бог дал человеку власть. *«Да владычествуют они над рыбами морскими, и над птицами небесными, и над скотом, и над всею землею, и над всеми гадами, пресмыкающимися по земле»* (Быт. 1, 26).

Хорошая копия Бога — свободный человек, имеющий власть в первую очередь над собой. Свободная, умная, сильная личность богоподобна. Слабый и безвольный человек суть скотоподобный раб, плохая копия. Он покорен своим страстям и страхам и не в состоянии им противиться. Господин — хорошая копия Бога. Раб — плохая копия Бога. Иными словами, чем ближе человек к Богу, или Христос как призывал людей стать, «совершенны, как совершен Отец ваш Небесный» (Мф. 5, 48), тем он более подобен Богу. Чем человек менее похож на Бога, тем он более худшая копия Бога. Но в любом случае изначально человек сотворен по образу и подобию Бога, т.е. является копией Бога.

По уровню свободы можно судить о подобии человека Богу. У раба есть свободная воля, потенциально делающая его богоподобным. Не по факту, а в потенциале. Каждое ничтожество может стать человеком, ибо, по сути, оно господин.

Человеку свойственна власть. Чем больше у него власти (не в административном или бытовом представлении, а в первую очередь над собой, над своими страстями и страхами), тем больше он человек. Когда у человека нет власти, в первую очередь над собой, он превращается в туловище.

Господин способен преодолеть все, в том числе страх смерти. И готов насмерть стоять за свои убеждения, если он господин своего туловища, а не раб. Ему по силам принять решение и совершить поступок. Господин пойдет на войну, если будет война. Раб никуда не пойдет, ибо страх властвует над ним.

Интеллект и воля необходимы господину. Рабу они не нужны, он их все равно закопает. Пользоваться такими дарами может только человек, свободный подобно Богу. В средние века говорили: «Для святого нет

закона». Возлюби Бога и делай что хочешь. Иными словами, стань как Бог, и ты не сможешь совершить ничего дурного.

Ради объективности отметим: стремление быть господином может привести в обратную от Бога сторону. На примере Ницше и порожденной им «белокурой бестии» этот момент очень хорошо виден. Дивизии СС не боялись смерти, но господство делало их рабами своей гордыни, тщеславия и прочих страстей.

Не бывает идеальных условий, отделяющих раба от господина и расставляющих всех по своим местам. Раб волей случая или коварства может оказаться на месте господина. По тем же причинам господин может оказаться на месте раба. Но чем условия естественнее, тем несоответствий меньше. И наоборот, чем более искусственные условия, тем больше несоответствий, превращающихся в правило.

Структура возникает из диспропорции между благами и желающими. Разделение на рабов и господ начинается, когда объект вождения один, а желающих двое. Дефицит рождает конфликт, снимаемый в бою. Драка (или ее предчувствие) все ставит на свои места. Если бы на всех хватало всего, разделения на рабов и господ не произошло бы.

Слабый духом не может заступить в зону риска. У него ноги подгибаются. Кто был в состоянии смертельной опасности, тот знает холод в животе, ком в горле и ватные ноги. Страх — это не только духовное состояние. Физическое состояние становится иным.

Кто ходил в реальную атаку, где могут реально убить, знает ситуацию, когда до атаки все крутые, друг перед другом пальцы гнут. Но после атаки становится понятно, кто есть кто. Зачастую кто больше всех гнул пальцы и дул щеки, потому что был физически крепче, оказывается не тем, за кого себя принимал.

Бог ничего не боится, потому что над Ним нет превосходящей силы. Чувство страха не от Бога, в Его природе нет такого качества. Страх — это то, что не подобно ничему, кроме самого себя. Страх есть сумма искажений, отличающих копию от оригинала.

Страх — одно из качеств, отличающих человека от Бога. Способность преодолеть страх делает человека подобным Богу. Люди рождаются подобными Богу. Не зря Христос призывает быть подобными детям, чтобы войти в Царство Небесное. Насколько человек близок к Оригину, покажет его поведение. Это видно в коллективе мальчиков-подростков, где иерархия устанавливается через драку.

Вместе с тем, нельзя высказанную мысль доводить до абсурда. Можно сказать, Чикатило преодолел страх перед совершением убийства. Но это не значит, что он больше подобен Богу по сравнению с другим человеком, ни разу не убивавшим.

У всякой мысли есть разумные пределы. Про человека, имеющего собственные убеждения, нельзя сказать, что он лакей своих убеждений. Про святого, совершающего добрые дела, нельзя сказать, что он эгоист, ибо совершает их ради спасения своей души.

Что такое драка? Это не махание кулаками и причинение боли, подвешивание крюком за ребра и забивание иголок под ногти. Это чистый сгусток эмоции. Удары и падения не воспринимаются физической болью. Драка — это преодоление страха.

Мальчишеская драка ограничена физическими возможностями подростка. Не бывает драк, измеряемых минутами. Самая крутая драка длится несколько десятков секунд. За это время дерущиеся успевают понять, кто они по отношению друг к другу.

Физическая сила тут не на первом месте. Все решает дух. Убей меня, если хватит духу, но если не хватит, я тебя зубами буду грызть, компенсируя разницу в физической силе. Если физически более сильный это понимает, он уступает. Выигрывает тот, кто преодолевает страх и дерется там, где проигрыш по физическим параметрам очевиден.

При Ватерлоо, когда уже ни у кого не оставалось сомнений в проигрыше Наполеона, гвардия продолжала драться. У дерущихся не было надежды переломить ход боя. Все было кончено. Но люди оставались верны девизу: «Гвардия погибает, но не сдается». Убейте нас, но не просите сдаться. Полки неприятеля расступились и выпустили гвардию с оружием и знаменами. Про этих французов можно сказать, они не проиграли Ватерлоо.

Русский крейсер «Варяг» выходил на бой, не имея ни малейшего шанса на победу. Он вышел на бой, потому что нужно было выйти. Иностранные корабли подняли флаги в честь этого безумного решения. На французском корабле в честь идущих на смерть играл оркестр. Все, от матроса до капитана, понимали: последний парад наступает. Они приняли решение и совершили поступок. Их расстреляли. Они победили.

У кого хватает духа преодолеть страх и принять бой, тот занимает высокое положение. Кто не может преодолеть страх, находится внизу. На одной чаше весов страх, на другой статус, который будет определять жизнь на много лет вперед. Выбирайте.

Выбор очевиден. Лучше потерпеть, чем согласиться с пренебрежительным отношением. Но рациональность не работает. Все решает не разум, но дух. Логика может определить правильный путь, но реализовать его может только дух. Если духа нет, самые умные доказательства не убедят вас драться. Всплывут тысячи благочестивых сентенций, обличающих бой как архаизм, глупость и варварство (драка есть удел идиотов, умные люди все решают словами). Но кто говорит это, в

глубине души всегда знает: если бы у него хватило духа драться, он бы не оправдывался, а дрался. Он хочет быть героем, презирающим опасности и сокрушающим врагов. Но, как поет Александр Вертинский:

*«...Вам хочется командовать фрегатом,
Носить ботфорты, плащ, кольцо с агатом,
Вам жизни хочется отважной и тревожной.
Вам хочется бродить по океанам
И грабить ихуны, бриги и фелуки,
Подставить грудь ветрам и ураганам,
Стать знаменитым черным капитаном
И на борту стоять, скрестивши гордо руки...
Но, к сожалению, вы — мальчик при буфете...
Вас обижает мэтр за пролитый коктейль,
Бьет повар за пропавшие бисквиты...
Я знаю, если б были вы пиратом,
Вы их повесили б однажды на рассвете
На первой мачте вашего фрегата.
Но вот — звонок, и вас зовут куда-то...»*

Сколько таких мальчиков при буфете, при газете, при начальстве... Чего только они ни делают, чтобы оправдать свою ничтожность. И как быстро ее признают, когда польется кровь и замолчит закон. «Во время войны законы молчат» (Цицерон). Они как современные подростки: ведут себя непочтительно по отношению к учителям, потому что чувствуют свою безнаказанность. Но стоит обозначиться силе, и все меняется.

Драки в самых разнообразных формах были, есть и будут. Меняется форма, но смысл драки неизменен. У кого нет духа, кто не способен вступить в бой, тот не может подняться ни в каком обществе. Одни дерутся, создавая ситуацию, другие дерутся за место в созданной ситуации, третьи не дерутся, исполняя роль налогооблагаемой базы.

Чтобы понять смысл драки, обратимся к концепции Гегеля «господин — раб», усиленной Ницше. Гегель говорит о страхе, преодолеваемом господином. Ницше говорит об ужасе, высшем страхе, преодолеваемом господами господ. Ужас пронзительнее страха. Это метафизическое состояние между жизнью и смертью.

Из зоны страха можно выйти, признав над собой власть. Из зоны ужаса выйти нельзя. Можно или победить, или умереть. Когда занесенный над твоей головой меч готов обрушиться на тебя, убежать невозможно. Сдаться тоже. Прекращение боя в этот момент гарантирует смерть. Продолжение сражения несет возможную смерть или победу. Один останется жить, второй умрет. В том и другом варианте у действия есть шанс остаться в живых. У бездействующего шансов выжить нет.

Раб, едва заступив в зону страха, бежит с поля боя, сдается. Господин

преодолевают страх и тут же попадают в зону ужаса. Выйти из этой зоны самостоятельно может только победитель. Победенных из зоны ужаса выносят на носилках.

С момента, когда один поднял меч над другим, есть два варианта развития событий. Или остается один господин и один труп, или один господин и один раб. Страх отделяет рабов от господ. Ужас структурирует господ на первых и вторых.

Господин понимает рабов средством обеспечения своей жизнедеятельности. Раба можно использовать как службу и производителя. Его можно поставить над другими рабами. Но его нельзя привлечь для решения вопросов компетенции господина.

Крупный руководитель знает по опыту: есть масса вопросов, которые невозможно передоверить самому талантливому наемному работнику. Не потому, что он с ними не справится, а потому что он их не чувствует. И объяснить эти тонкости невозможно. Это или знаешь или не знаешь. С этим рождаешься. По Канту, гениальность есть способность делать то, чему нельзя научиться. Быть господином — гениальность.

Гегель утверждал: суть философии не в творении пустых мечтаний и идеалов. Первооснова должна себя проявлять. Если нет, она химера реальности, умозрительная, не проявленная сущность. Нужно жить не воображаемыми идеальными концепциями, выведенными из мечтаний, не имеющих ничего общего с действительностью, а самой реальностью. Постигание этой реальности, по Гегелю, и есть главная задача философии.

Одна из реалий нашего мира — единство противоречий. Между понятием господин и раб есть одновременно противоречие и неразрывная связь. Без раба нет господина, равно как и наоборот. Без верха нет низа, без лева нет права. Без добра нет зла.

Последнюю фразу нужно понимать в рациональном смысле. В метафизическом добро не зависит от зла. Иначе получаем двух равновеликих богов Добра и Зла (манихейство). Плюс третье божество — безличный мир, в котором существуют два первых божества.

Согласно нашему взгляду на мир, есть единый Бог, выступающий началом всего сущего. Зло возникло из того, что в копии было отлично от оригинала. Бог есть эталон всему сущему. Зло есть антибытие, несущее, копия без оригинала.

В мире всегда будут более и менее приближенные к эталону копии. Равенство возможно только там, где нет эталона, в мире без Бога, в аду. Где есть эталон, там есть копии. Сам факт множественности копий означает их

различие. Разность копий рождает неравенство. Борьба расставляет всех по своим местам. Возникает структура.

Иерархия и структура — неотчуждаемые признаки человеческого общества. Из этого следует, что признаком живого человеческого общества является неравенство его членов. Равенство не просто исключает иерархию, оно противоречит природе мира, поскольку мир состоит из оригинала и разных копий. Абсолютное равенство и свобода — это опасная утопия, вползающая в души людей, как змея.

Свободу можно понимать через справедливость, можно через равенство возможностей. Пока нет определения, что есть справедливость и равенство с точки зрения Истины, пока Высшую Истину будет заменять сиюминутная истина, на практике возникнет произвол сильного над беззащитностью слабого.

В одной телепередаче известная дама высказала мысль: женщина счастлива, когда ее мужем является мужчина, которого она может назвать своим господином. Не в смысле садомазохизма, а смысле как Сара называла Авраама *«господин мой»* (Быт. 18, 12). Господин является стержнем гармонии. Чтобы избавиться от негатива, которым в наше время нагружены эти термины, чтобы увидеть божественную гармонию, нужно заменить пару *«господин — раб»* другой парой: *«руководитель — подчиненный»*. Быть господином значит быть ответственным за малых. *«Больший из вас да будет вам слуга»* (Мф. 23, 11).

ГЛАВА 9

Уклонение

Чем господин был сильнее, тем больше у него было рабов, тем больше они производили благ, и тем больше господин потреблял. На каком-то этапе начинается превращение неприхотливого воина-аскета в утонченного сноба, все более зависимого от наличия благ. Придет время, и он попадет в полную зависимость от потребления. Но так как производителем благ является раб, господин оказывается зависимым от... раба.

Поначалу это умозрительная зависимость, не имеющая практического выражения. Но по мере роста она достигает критической массы. Однажды зависимость господина от рабов обретет видимость. В этот момент господин перестанет быть господином в чистом виде. Лишившись самодостаточности, он станет формой без соответствующего наполнения. Новый тип господина уже не явление, а отражение бывшего явления.

Наследники первого господина не будут обладать качествами, благодаря которым их предок стал господином. Многие, причисленные к господам, по сути, не господа. Если вернуть вчерашнюю реальность, они оказались бы в противоположном статусе.

В качестве разрядки практический совет, как в жизни определить, кто есть кто. Посмотрите на человека и представьте, какое бы место он занял в группе случайных людей, оказавшихся на необитаемом острове (или в любой ситуации, где формальные законы не работают, а превалируют законы природы человеческого общества).

Например, посмотрите на людей, составляющих правительство, и мысленно скажите, кто из них в экстремальной ситуации сохранил бы свой статус, а кто его тут же потерял бы. Мы уверены: очень немногие остались бы теми, кем являются сейчас. Большинство перешло бы в статус обслуги. Нет, не все стали бы официантами, во власти есть волевые люди, но большинство точно оказалось бы в положении слуг. Причем, не по принуждению, а по собственному желанию.

Многим комфортнее заранее подчиниться и признать над собой власть, чем предстоящие разборки.

Сегодня несоответствие поддерживается искусственно. Система как бы возводит человека в статус господина «по благу», без экзамена. Чтобы в новых условиях стать господином, нужно, чтоб тебе повезло с родителями. Единицы будут прорываться на свое место, но это уже не правило, а исключение.

В современном обществе человек может быть по природе самым последним рабом, глупой изнеженной тряпкой, но если это безвольное и пустое место родилось от людей в статусе господ, за ним автоматически закрепляется статус господина. Без всякого экзамена, как с жеребенком: если родился от породистых лошадей, значит породистый. Найдется масса ученых, доказывающих с помощью «лошадиной теории», что право на господство дается породой.

Звания граф, барон, герцог и прочее, по сути воинские. Замените эти слова на «генерал», «полковник», «майор» и теперь скажите: сын генерала, унаследовавший звание отца, заслуживает большего уважения (не говоря о преклонении) по сравнению с сынами и дочерьми других профессий? Не говорите «графиня», скажите «генеральша», и все станет намного яснее. Вокруг воинских званий прошлого создан ореол, мешающий взглянуть на вещи своими именами. Если продлить теорию такой «элиты», детей всех генералов и майоров следует отнести к превосходительствам.

Лошадь суть туловище и животное. Человек суть дух и личность. Оправдывать статус человека, не соответствующего своему положению, фактом его рождения от военного, очевидная глупость. Но зародившись, она причудливо развивается.

У новых господ, потомственных генералов и полковников, постоянно растут потребности. Они позиционированы элитой, и потому у подражающей массы потребности тоже растут. Растущее потребление стимулирует производство. Взаимная стимуляция образует восходящую спираль, порождая огромное потребление и огромное производство.

Возникает система, где реальную иерархию заменяет фальшивая. Признаком господина становится объем потребления. Чем больше человек потребляет, тем выше его статус в глазах членов общества. Система «господин — раб» сначала превращается в формальность, потом в химеру. Чем труднее отделить господ от рабов, тем меньше общество является структурой, организацией, организмом.

С наступлением демократической эпохи негативные процессы обретают лавинообразную динамику. Тот, у кого раньше духу не хватало даже думать на тему власти, в условиях равенства просачивается во власть. В довесок к хищникам власть начинают наполнять разного рода падальщики и грызуны. Они не способны сражаться за власть в смертельном бою, но способны участвовать в предвыборных баталиях и закулисных договоренностях.

Шекспир в XVI веке писал о современниках:

*«Я смерть зову, глядеть не в силах боле, Как гибнет в нищете
достойный муж, А негодяй живет в красе и холе; Как топчется доверье
чистых душ, Как целомудрию грозят позором, Как почести мерзавцам
воздают, Как сила никнет перед наглым взором, Как всюду в жизни
торжествует плут, Как над искусством произвол глумится, Как правит
недомыслие умом, Как в лапах Зла мучительно томится Все то, что
называем мы Добром»*

Прошли века, ничего не изменилось. Напротив, положение усугубилось. Мир стал превращаться в гигантскую помойку, разлагающуюся от изобилия на жаре. Она издает невыносимые миазмы, там расплодилось столько гадости, что помойка шевелится. Этой гигантской куче срочно нужен освежающий оздоровительный холод, насмерть замораживающий расплодившихся червей и мутантов (или очистительный огонь, выжигающий помойку дотла).

В современном обществе господа и рабы сохранились. Проблема в том, что первые уже не видят смысла заботиться о вторых. Раб, получая равный господину статус, но не получая равных господину талантов, оказывается обязанным заботиться о себе. Господин понимает этих рабов как чужое,

арендованное на время имущество, с которого нужно все соки выжать и выбросить. Кто заботится о чужом? Живи как хочешь, говорят беспризорникам, ты свободен. Свободные превращаются в разлагающуюся биомассу.

Витающий в воздухе вопрос, почему одни считаются рабами, другие господами, встает ребром и материализуется. Множество людей не считают, что если они мало потребляют, это повод признать себя рабами. С какой стати имеющие честь и дух, должны согласиться со статусом раба? Меча над ними никто не заносил, бой принять не призывал.

В новом обществе растет количество недовольных. «Рабы» смотрят на «господ» и говорят про себя: «Царь-то не настоящий!». Все его превосходство построено на тех же качествах, на каких построено преимущественное положение паразита. Аналогичные чувства обуревают и господ. Они тоже никого не вызывали на бой, не побеждали, в зону страха и ужаса не заходили. Они ощущают себя крутыми потребителями, но потребление не является базовым признаком господина.

Господа подсознательно чувствуют беспочвенность своего преимущественного положения. Они даже где-то этого стесняются, думая про себя: «Ну, какой я господин? Я простой человек, умеющий хорошо вести бизнес. По объему потребления я похож на господина, но не господин, мне даже неловко осознавать себя в таком статусе. У меня нет иллюзий: если придут реальные господа, я первый в услужение подамся».

Общество рабов и господ вуалирует фактическое состояние гуманистической риторикой. Уверения во всеобщем равенстве никого не обманывают. Неестественное неравенство сохраняется, своим лукавством раздражая все большее количество людей.

Люди рассуждают: если статус определяет объем потребления, несправедливо одним быть в статусе рабов, другим — в статусе господ только потому, что одни имеют возможность много потреблять, другие нет. При новой трактовке господина каждый видит в себе силы и таланты быть господином нового толка (много потребляющим человеком).

Развивающееся производство позволяло предположить: когда-нибудь дефицит исчезнет. Следом исчезнет необходимость борьбы. Все смогут выглядеть господами. Этот образ рисовался не по первому господину, вступавшему в зону смерти, страха и ужаса, а по последнему, который непонятно кто. Проверить его «на вшивость» не было возможности. Единственное яркое качество — он очень много потребляет. Но эту функцию с одинаковым успехом может выполнять как господин, так и раб.

Качества, позволяющие человеку быть господином в реальных условиях, способность к самопожертвованию, наличие ценности, стоящей

выше жизни, уходят в небытие. В отсутствие тестирующих условий скопление критической массы рабов в классе господ неизбежно хотя бы потому, что рабов рождается больше.

Новая система дает рабу возможность победить господина. Раньше это было невозможно, раб не мог ступить в зону смертельного риска. Сейчас раб может воевать, не заходя даже в зону дискомфорта, не говоря о зоне страха и, тем более, ужаса. Возникает господин нового типа, коммерческого. Эта генерация определяется не способностью войти в зону страха и ужаса, а в первую очередь деловыми качествами, организаторскими талантами и интеллектом. Они наполняют элиту.

Пока первые места во внутренней иерархии еще удерживают традиционные господа. У них было больше воли и духа, они были способны на риск и поступок, могли пойти напролом. Ниже шли господа за счет деловых талантов, по сути, талантливые рабы.

Господа традиционного формата, не обладающие деловой хваткой, формально находятся в статусе рабов. Но так как все их существо противилось этому статусу, в обществе росло напряжение. Этому способствовали рабы, не имеющие талантов, но насыщенные идеями равенства. Рабам разбередили душу, и они не хотели признавать себя вторыми. Господа тем более не хотели. Они считали себя первыми, но система отвергала их.

Масса, по факту состоящая из господ и рабов, казалась однородной за счет того, что у всех был равно малый объем потребления и низкий социальный статус. Но если рабы приспособлялись под свое положение, господа рассуждали: «Если у меня нет коммерческих талантов, передо мной два варианта: или стать рабом, или переделать систему». Второй вариант, переделать систему, казался предпочтительнее.

По всему миру прокатываются революционные преобразования. Организаторами были исключительно господа. Рабы по своей сути недееспособны на дерзость такого масштаба. Они могут говорить (раньше на кухнях, теперь на форумах), но никогда не делать. Раб дееспособен в делах такого масштаба, если его наймут. Пока его не наняли, он будет бухтеть в ожидании своего господина, который заплатит и скажет ему, что делать.

Революции распространили идею равенства. Чтобы в этой ситуации сохранить власть, началась дебилизация населения. Формальное упразднение иерархии выхолащивало дух, волю и прочие человеческие качества. Возникли новые условия, увлекшие общество в новый мир, где прорисовываются контуры ада.

Чтобы текущий в ад поток не увлек нас, нужно сопротивляться. Это по силам только господам. Рабы на такое в принципе не способны, они

намертво прикручены к шаблонам прошлой эпохи. Их можно рассматривать как вторых. Первыми рабы не могут быть.

ГЛАВА 10

Нерв

Чтобы показать наше понимание нерва современной ситуации, на примере армии покажем эволюцию силы. Обнажим корни причин, по которым меч вытеснил мушкет, далее его потеснили СМИ. Совокупность тенденции обозначит тренд на виртуальную реальность.

Пока мир от больших армий из вымуштрованных крестьян возвращается к новым рыцарям, вооруженным высокотехнологичным оружием. В условиях современного оружия миллионные армии утратили военный смысл, как в свое время, когда появилось огнестрельное оружие, утратили смысл рыцари.

В эпоху холодного оружия власть покоилась на владении холодным оружием. Сложное искусство требовало ежедневных многочасовых тренировок. Само по себе обладание мечом не прибавляло человеку силы. Без искусства фехтования меч являлся неудобной железной заостренной палкой, только мешающей в драке. Овладение искусством фехтования требовало ежедневных многочасовых тренировок. У крестьян, ремесленников и купцов не было столько времени, что исключало возможность превратить их в силу. В эпоху холодного оружия основной силой были рыцари.

Устоявшийся порядок вещей казался непоколебимым. Каждый занимался своим делом, не имея ни времени, ни возможностей заниматься делом чужим. Крестьяне пахали, купцы торговали, ремесленники делали поделки. Воины собирали налоги и с тех, и с других, и с третьих.

Максимум крестьян и купцов хватало на бунт. Иногда это собирало целые крестьянские армии, как в случае с Мюнцером, поднявшим немецких крестьян против светских князей и разжиревшего священства. Он зажигал сердца крестьян необычайной силой и страстной пламенностью речей, призывая к справедливости. Но при этом прекрасно понимал цену своему войску. И рыцари понимали. Бой крестьянской армии с профессиональным рыцарским войском всегда будет «избиением младенцев».

Мюнцер до последней возможности избегал боя. Когда он был вынужден принять бой, ровно так и вышло. Рыцари игрались с

крестьянами, как кошка с мышкой. Крестьянские воины, понимая безысходность своего положения, стали... молиться. Рыцари ездили между рядами молящихся и рубили их, потому что в их глазах бунтовщики были хуже еретиков. Крестьяне попытались сопротивляться, но это ничего не изменило. Рыцари просто развлекались на воинах-крестьянах, согласившихся побыть живыми мишенями.

Превращение человека в боевую единицу требовало длительного времени. Получить воина можно было минимум за 10 лет. Это помимо прочих факторов, образующих боееспособную армию, типа стоимости рыцарских доспехов и оружия.

В этих условиях власть могла принадлежать только воинскому сословию. В отдельных случаях фасадом власти мог быть не воин, но мы говорим не о личностях, а о явлениях. Когда власть зависит от силы, сила — от владения холодным оружием, владение — от времени, а время — только у тех, кто имел власть, мы получаем замкнутый круг. Власть могла быть только у воинов. Король был первый воин, зависимый от рыцарей.

Когда в школах и институтах историки объясняют падение рыцарского сословия тем, что король издал указ, по которому у рыцарей изымались земли, это несусветная чушь. Такой указ мог иметь место против отдельного рыцаря. Против сословия это невозможно. Для этого нужно было иметь силу, превосходящую рыцарей по военной мощи. Пока такой силы не было, король не мог даже помыслить ничего подобного.

Создать силу король мог только из крестьян. Но в эпоху холодного оружия это было нереально. Они могли стать силой, способной противостоять рыцарям, только при одном условии: если овладение оружием занимает мало времени. Чем меньше, тем лучше.

Огнестрельное оружие положило конец рыцарям. Но простая констатация факта ничего не объясняет, не указывает нерв ситуации. Огнестрельное оружие уступало луку по всем параметрам: по дальности, точности, пробивной силе и удобству. Если так, объясните, почему оно положило конец власти рыцарей-феодалов?

Корень ситуации: новое оружие имело один гигантский плюс, перевесивший все его недостатки — скорость обучения. Для получения воина-рыцаря требовалось минимум 10 лет тренировок. Для получения воина-мушкетера требовалось в 10 или даже в 100 раз меньше времени. Вчерашний крестьянин мог стать боевой единицей за считанные месяцы. Рождается технология муштры, позволяющая выбить из крестьянина способность думать и быстро обучить стрельбе из мушкета. Затем формируется технология штамповки боевых единиц.

Власть обладала огромной человеческой массой, которую до огнестрельного оружия нельзя было быстро превратить в военную силу.

Налоги с нее собирать можно, а воевать этой массой было нельзя. Новое оружие решило вопрос времени. Перспектива быстро восполнять потери воинов за счет крестьянских рекрутов рождает другую политику.

Власть от рыцарского сословия уходит как вода сквозь пальцы. Если бы рыцари могли вычислить, на что делать ставку, чтобы не упасть с коня в будущем, они бы развивали систему рекрутов, муштры и производства огнестрельного оружия.

На фоне конкурентов, вкладывающих ресурс в совершенствование доспехов и искусство фехтования, они бы получили максимальный эффект. Но в любом случае они бы перестали быть рыцарями. У эпохи рыцарей не было шанса. Учитывая развитие и появление новых форм производства, ни при каких обстоятельствах и никаким ресурсом нельзя было сохранить феодализм. На смену одному сезону всегда приходит другой. Намерение предотвратить их смену является несусветной глупостью.

Само по себе владение оружием есть ремесло, о чем говорил один из самых великих воинов — Наполеон. Ремесленники не были мыслителями и потому не могли видеть опасность. История перевернула страницу. Конец рыцарству положила битва при Павии в 1525 году. Французский король Франциск I с рыцарским войском потерпел поражение от испанцев. Король потерял 12 000 воинов. Испанцы потеряли 500 человек. Они попросту расстреляли рыцарей. Франциск сказал: «Потеряно все, кроме чести».

В недрах любой эпохи идут подобные явления. Поначалу незаметные, именно они определяют физиономию мира. Главное, разглядеть эти незаметные явления, понять их природу. Зерна, из которых растет будущее, всегда в настоящем. Они малы, и разглядеть их, не охватив целое, невозможно. Все остальное — дело техники.

Мы живем в переломный момент истории. На наших глазах зреют глобальные процессы. Большие вооруженные массы людей (армии), определявшие политический ландшафт, сегодня превращаются в ничего не значащую силу. Любое количество ополченцев сегодня можно уничтожить из космоса. Военное значение массы опять сводится к нулю. Развитие привело к беспилотным танкам и самолетам, радиоуправляемым ракетам и снарядам. Скоро к автомату не нужен будет носитель-солдат, оружие само будет передвигаться и стрелять.

Эта данность формирует новую физиономию человечества, но сама по себе фиксация этого момента ничего не открывает. Корни ситуации глубже, чем в прошлый передел власти. В ткань нашей реальности активно вплетается виртуальность.

Мир, все больше попадающий в зависимость от виртуальной реальности, которая, в свою очередь, зависима от мысли, а направление мысли определяют высшие идеи, постепенно подходит к эпохе, возвращающей значение личности.

На горизонте обозначается контур нового рыцаря. Каким он будет, сейчас невозможно предсказать. Во время изобретения пищали нельзя было предсказать радиоуправляемую ракету или самолет. Во время первых шагов в виртуальность невозможно сказать, как будут выглядеть новые военные концепции, доктрины, стратегии. Это будет из области идей: *«убиты мечом Сидящего на коне, исходящим из уст Его»* (Откр. 19, 21), но что это такое на практике, даже помыслить сложно.

Власть недооценивает виртуал, что заметно по ее отношению к СМИ. Так рыцари недооценивали огнестрельное оружие. При этом очевидно: СМИ обладают огромным радиусом действия. Они многофункциональны, могут созидать и разрушать. По поражающему эффекту они круче атомной бомбы. Вместо расхода несут доход (бомбардируемые оплачивают воздействие на свое сознание). Если бы даже СМИ были убыточными, положительный эффект превосходит любые расходы.

Все так, но принять это к сведению и переложить на практику мешают старые шаблоны. Они очень сильны. Как пример: создатели компьютерных игр до сих пор эксплуатируют образ человека с ружьем (некое устройство, из которого он стреляет, например, лучами). С чего взято, что таким будет оружие будущего? Намного удобнее мышкой щелкать, обнаруживая цель и пытаясь уничтожить ее. Поражающая сила (пуля, луч и прочее) может вылетать из ранца за спиной солдата. Но это непривычно, образ человека с ружьем привычнее. Со СМИ та же аналогия: да, они мощнее по всем показателям, но как-то не вяжутся с образом силы.

Но при этом все признают: понимая ткань информационного пространства, можно двигать огромные реальные объемы. Можно менять направление социальных и финансовых потоков, разоряя или, наоборот, заставляя расцветать те или иные области. В нашем мире информация сродни волшебным словам. Кого назначат террористом, тот им и будет (хоть целый народ). Оценят любую мазню в миллион, и она будет стоить миллион.

Посредством информации можно творить чудеса во всех сферах человеческой деятельности, в экономике и политике. Никакой сказочный колдун не мог опустить или поднять словом экономику страны. СМИ могут не только это, они могут намного больше. Предел их возможностей пока непонятен.

Если все правда, почему никакое правительство не обзаведется этим чудо-оружием? Денег оно стоит смешных по сравнению с производимым эффектом. На бестолковые проекты выкидывают миллиарды и триллионы, а на СМИ нет. Почему?

Тут как со скрипкой: если я не понимаю, как на ней играть, зачем она мне? Если Япония, Германия или Россия создадут собственные мировые СМИ, по факту это будет филиал CNN или BBC. Власть вложит финансы, но делать его будут люди, сформированные мировыми СМИ, Голливудом, музыкой, искусством и прочее. В итоге за свои же деньги усилят своего потенциального врага.

Не понимая, как играть на инструменте, нельзя получить верный звук. Наша власть не чувствует нерв эпохи точно так же, как графы не чувствовали капиталистическую эпоху. Они интуитивно ощущали, их время уходит, но не понимали, что делать.

Политические коммерсанты, как бы они не назывались, могут понимать, как устроить экономику и пилить бюджет. Про информацию они так же понимают, как наследники рыцарей про экономику. Какой толк от их понимания, что власть в будущем будут определять люди экономики? Если не понимать экономику, не чувствовать ее нерва, как можно играть в этой области? Ее можно отдать на откуп наемникам.

Так в свое время рыцари махнули рукой на экономику. Не барское дело бизнесом заниматься. Найдем приказчиков, они нам все сделают красиво. Пришло время, и рыцарей смело. Современные правители тоже считают: не барское дело информацией заниматься. Но как только в среде информанционщиков появятся люди деятельного и мыслительного типа, дни правителей, управляющих посредством денег, сочтены.

ПОСЛЕСЛОВИЕ

Мы — реальная фигура на шахматной доске Истории. Право на такое утверждение дает наличие идеи. Мы способны ее защищать на самом высоком интеллектуальном уровне. У нас есть мотивация для творческого, военного, трудового научного подвига. Мы готовы жилы рвать, жертвовать собой и совершать поступки, не завязанные на личную выгоду. У нас огромный потенциал. Как мы его реализуем, зависит от ситуации.

В предыдущих книгах мы много говорили о неприемлемости кухонного патриотизма, убогого и бессмысленного. Это мираж пустыни, он уводит и распыляет энергию, в конечном итоге работая против любой декларируемой цели.

Оппозиционная борьба самодеятельного формата тоже глупость. Толку

никакого, зато у власти есть возможность указать на нее как на подтверждение свободы слова, прав и прочих элементов демократической риторики.

Официальная оппозиция — еще глупее, ибо вся она под одной «крышей» и кормится с одной руки. Лучше уж сразу идти в прокремлевские структуры (правильнее сказать профинансовые, то есть кто платит, за того они и выступают). Там хоть неплохо кормят.

Надежда зарегистрировать свою партию и начать политическую борьбу вообще верх наивности, о чем мы подробно рассказали в книге. Сегодня власть меньше всего заинтересована в независимой силе, играющей по своим правилам, без оглядки на Кремль.

Зафиксируем ситуацию. Первое: оппозиционная борьба в современных условиях — это или сотрясение воздуха, или, так или иначе, работа на систему. Второе: политическая деятельность без «лицензии» в принципе невозможна. Третье: то, что сегодня называется политикой, в реальности есть коммерция чистой воды.

Современная система, именующая себя демократической, по факту напоминает странное феодальное поместье, где хозяин не особо считает нужным заботиться о своих вассалах. Цинично спекулируя высокими словами, система умудряется или вовсе отвернуть людей от участия в своей судьбе, или использует их в качестве болванов и презервативов.

Что же делать, пока до конца еще ничего не ясно и мы только раскачиваемся? Никуда не лезть? Но это не выход. Поскольку общество находится в ситуации, когда или система вас использует, или вы используете ее, оптимален второй вариант — самим использовать.

Мы предлагаем людям с активной жизненной позицией играть по реальным правилам системы (а не по тем, про которые нам по ТВ рассказывают). Смотрите на любые государственные, властные и политические структуры как на средство своего личного усиления. Устраивайтесь на работу в государственные структуры. Избирайтесь в депутаты любого уровня, от сельского до федерального (насколько сил хватит). Во-первых, это самый лучший способ увидеть изнутри, что такое система. А во-вторых, это хорошая кормушка. Если пьянку нельзя предотвратить, ее нужно возглавить.

Не смущайтесь аурой таинственности и значимости названий. Выбраться во власть намного проще, чем открыть свой овощной ларек. Главное, сделать первый шаг. Остальное — дело вашей активности и решительности.

Воспринимайте свою политическую деятельность не как борьбу за правду (это системная ловушка), а как собственную коммерческую операцию по доступу к ресурсу (как это сейчас делают все политики).

Высокие слова про то, как вы будете бороться за повышение пенсий и понижение тарифов ЖКХ оставьте для электората. В своем кругу говорите так, как есть, а не так, как указывает теория.

Не обвиняйте нас в отступлении от своих правил (мы говорили, что не собираемся участвовать в разных выборах, а тут призываем вступать в политические партии, выбираться во власть и искать государственных должностей). Мы, как явление, известное сегодня под брендом «Проект Россия», не выбирались и не будем никуда выбираться. Но мы считаем: наши единомышленники должны использовать систему, а не служить для нее кормом. Наш интерес: чтобы неравнодушные и дерзкие стали сильнее за счет системы.

Очень скоро мы принесем в мир то, чего в нем не было последнюю сотню лет — Большую идею. Частично она показана в этой книге, но полностью будет раскрыта в новом проекте. Идея будет яркой, как свет прожектора в темноте. Ее заметит даже слепой. И оценит, и скажет: да, это моя идея. Или: нет, это идея, против которой я буду бороться (пусть, это тоже польза, борьба закаляет). Обязательно будут люди, которые распробуют вкус власти и решат: нафига мне какая-то идея, моя настоящая цель была в обустройстве своего быта.

Россия — не место спасения, а место, откуда придет спасение. Само государство по имени Россия, скорее всего, исчезнет. Но перед этим оно выполнит свою вселенскую миссию — спасет человечество. Не всё, а ту его часть, которая захочет спастись.

Никому не верьте, кроме себя, своего ума и своего сердца. А поверив, не оглядывайтесь назад, потому что *«никто, возложивший руку свою на плуг и озирающийся назад, не благонадежен для Царствия Божия»* (Лк. 9:62). Не держитесь за привычное и старое, не будьте «мертвыми», ведь только они должны «погребать своих мертвецов» (Мт. 8:22). По всем вопросам мы готовы давать консультации, в отдельных случаях объединять и координировать усилия.